

**Федеральное агентство научных организаций России
Уфимский научный центр
Институт истории, языка и литературы
отдел истории и истории
культуры Башкортостана
Российская академия наук**

**Общество развития русского исторического просвещения
в память Императора Александра III
Башкирское региональное отделение**

Река времени. 2016:

К 400-летию Смоленского собора Уфы

Уфа – 2016

УДК 947 (470. 55 / 58)
ББК 63.3 (2) (2 Рос. Баш)

Рецензенты:

историк А.М. Елдашев, доцент Казанской Православной Духовной семинарии, Действительный член Императорского Православного Палестинского общества, Заслуженный работник высшей школы Республики Татарстан, лауреат Макариевской премии;
кандидат искусствоведения, профессор С.М. Платонова, заведующая кафедрой истории музыки Уфимского государственного института искусств имени Загира Исмагилова, Заслуженный деятель искусств РБ, член Союза композиторов России и Башкортостана

Р 36 **Река времени.** 2016: К 400-летию Смоленского собора Уфы / ответственный редактор М.И. Роднов. Уфа, 2016. 158 с.

ISBN 978-5-906165-64-0

В восьмом сборнике «Река времени. 2016» главной темой является история первой каменной православной церкви Уфы и края, Богородицкого (Смоленского) собора, впоследствии Троицкой церкви. Статьи посвящены археологии, роли краеведа П.Ф. Ищерикова в изучении и сохранении храма, трагическим страницам уничтожения православной святыни, сделана первая попытка восстановить состав причта Смоленского собора (Троицкой церкви).

Кроме того, сборник включает материалы по истории Уфы и Башкирии XVIII – начала XX в. Снова публикуются работы по истории села Богородского (Сергеевка), с судьбой которого была связана жизнь многих знаменитых людей России, включая выдающегося музыканта Николая Петровича Осипова.

Книга предназначена для профессиональных историков, преподавателей гуманитарных дисциплин, студентов, краеведов, всех интересующихся историей Уфы, России, Башкирии, Южного Урала и сопредельных территорий.

ISBN 978-5-906165-64-0

© Авторы, 2016

Содержание

Р.Н. Рахимов Обращение к читателям	5
Введение	6
Н.Н. Григорьев Об итогах проведения археологической разведки на территории Уфимского кремля	8
В.Н. Захаров Документы П.Ф. Ищерикова как основа для историко-архитектурных исследований уфимского Смоленского собора	16
Я.С. Свице Духовенство уфимского Смоленского собора и Свято-Троицкой церкви (XVII – начало XX вв.)	25
И.И. Селезнёва Воспоминания (о краеведе П.Ф. Ищерикове, его семье, жизни и смерти, о взрыве Троице-Смоленской церкви) (публикация П.В. Егорова)	44
Б.А. Азнабаев Пётр Степанович Ефтюгин	51
Н.Л. Семёнова Переезд губернских учреждений из Уфы в Оренбург в 1797 г...	64
Р.И. Кантемирова Земские начальники Уфимской губернии	71
В.И. Сергеев Братья	78
М.И. Роднов Деяния банкира	95
С.Д. Климовский Кабестан «Грозный» – первый паром в Уфе	116
С.Д. Садовников Загородное имение уфимских дворян Базилевых	126

М.И. Роднов	
Уфимский летописец	134
Список сокращений	157
Список авторов	157

Уважаемые читатели!

Сборник, который Вы держите в руках, является первым изданием Башкирского регионального отделения Общероссийской общественной организации *«Общество развития русского исторического просвещения в память императора Александра III»*, учреждённой в 2015 г., председателем которого избран известный историк А.П. Решетников.

Вновь созданное общество наследует традиции существовавшего в 1895–1917 гг. *«Общества ревнителей русского исторического просвещения памяти императора Александра III»* провозгласившего целью: «Умножение и распространение знаний по отечественной истории в духе русских начал». Основными задачами общество считало развитие исторического просвещения, формирование сообщества историков-просветителей, создание и комплектование народных бесплатных библиотек. Им было издано большое количество книг, различных сборников из которых наиболее известны «Известия Общества ревнителей русского исторического просвещения», «Старина и новизна».

Цели современного общества просты: содействие возрождению и продолжению традиций дореволюционного «Общества Александра III», развитие русского исторического просвещения, изучение эпохи царствования императора Александра III, содействие общенациональному единению в России, участие в восстановлении и укреплении традиций российской государственности и гражданского общества.

Надеемся, что этот сборник станет началом деятельности историков-просветителей в Башкирии и России. Приглашаем всех кому дорога наша история к совместной работе в «Обществе Александра III» на пользу Отечеству.

Руководитель Башкирского
регионального отделения

Р.Н. Рахимов

Введение

И над Белой плавёт
Перезвон колокольный
(Сергей Круль)

В составленном в конце XVIII в. «Уфимском летописце», одном из постлетописных сочинений формировавшейся местной историографии, сказано про Смоленский собор: «в котором году начало сего построения последовало, сего по справкам не найдено, а только известно, что когда оной освящён 1616 года». Конечно, эта дата остаётся во многом легендарной, есть иные версии, но необходимость изучения истории главного православного храма Уфы и края очевидна.

История первой каменной церкви Уфы и всего Уфимского уезда – Богородицкого (Смоленского) собора, остаётся во многом не известной, хотя многие историки и краеведы обращались к этой теме. Здешние протопопы фактически возглавляли православное духовенство края, а с 1799 г. собор стал кафедральным, местом пребывания первых епископов Оренбургских и Уфимских. Переименованный в 1842 г. в рядовую Троицкую церковь, он всё равно оставался украшением города, символом уфимской старины.

В этом сборнике история Смоленского собора Уфы показана в нескольких статьях и воспоминаниях, где приведены материалы, раскрывающие новые страницы в судьбе храма, сделана попытка подведения первых историографических итогов, показана трагическая гибель уникального памятника архитектуры. Конечно, необходимы дальнейшие исследования судьбы старейшего православного храма Уфы, всесторонний поиск источников, обследование всех коллекций.

Например, немало ценных документов по Троицкой церкви Уфы с начала XIX в. находится в фондах Национального музея РБ, в том числе: «Книга рукописная. Написана священнослужителем Уфимской кафедральной соборной церкви в 1819 г. Посвящена 12 летнему пребыванию Августина на посту епископа Оренбургского и Уфимского (прилагается гравюра)¹. Более того, в музее хранится антиминс церкви Смоленской Божией Матери, выданный в царствование императрицы Екатерины Алексеевны, в начале 1790-х гг. преосвященным Амвросием архиепископом Казанским и Свияжским.

Ждёт своих исследователей личный фонд П.Ф. Ищерикова. Сотрудники института (ИИЯЛ) забрали часть его материалов. В

¹ НМ РБ. Коллекция документов по истории Башкортостана (Оф 20449).

архиве Уфимского научного центра РАН хранятся многочисленные рукописи Ищерикова¹, иные документы, личная переписка, иллюстративные материалы².

Внимательное изучение и привлечение всех имеющихся источников особенно необходимо, потому что в массовой краеведческой и популярно-просветительской литературе продолжается тиражирование ничем не подтверждённых предположений, восходящих к краеведам прошлого.

Присутствует в сборнике и вторая тема. Вновь, как в выпусках за 2012 и 2014 гг., публикуются материалы по истории села Богородского (Сергеевка), что лежит к северу от Уфы. Немного найдётся селений в Башкирии, жители которых внесли так много славных страниц в историю Отечества. Владелец села Пётр Иванович Сергеев – инженер, один из первых пароходчиков в крае, проектировал железнодорожную линию от Самары до Оренбурга, а после присоединения Средней Азии – маршрут трассы до Ташкента³. Всемирную известность получил подвиг Николая Яковлевича Киселёва (1913–1974), уроженца Богородского, во время Великой Отечественной войны выведшего из оккупированной Белоруссии в 1942 г. группу еврейских жителей, скрывавшихся от фашистов. В 2008 г. был снят фильм «Список Киселёва», а в 2015 г. в Благовещенске открыт памятник герою.

Любители истории впервые познакомятся с исследованием о замечательном музыканте Н.П. Осипове, семейные корни которого также связаны с судьбами Башкирии, села Богородского.

Несколько статей в сборнике раскрывают неизвестные страницы истории XVIII – начала XX вв., от судеб местного дворянства и чиновничества до такого редкого сюжета, как изучение речного пароходства.

Коллектив авторов из Уфы, Стерлитамака, Москвы и Санкт-Петербурга, профессиональных историков и краеведов представляет на суд читателей свой труд.

¹ НА УНЦ РАН. Ф. 39. Оп. 1. Д. 1–135.

² Там же. Д. 136–152, 153 (иллюстративные материалы). Имеется и личное дело П.Ф. Ищерикова (Там же. Ф. 4. Оп. 5. Д. 404).

³ См.: Мордовина О.С. Судьба инженера // Река времени. 2012: Мир южно-уральской усадьбы / Отв. ред. Ю.М. Абсалямов, М.И. Роднов. Уфа, 2012.

Об итогах проведения археологической разведки на территории Уфимского кремля

В течение прошедшего столетия Башкирия прошла крайне активный период урбанизации и интенсивного градостроительного развития. Быстрые темпы формирования современной уфимской инфраструктуры и масштабного жилищного строительства привели к кардинальному изменению исторического облика города. Внедрение новых технологий строительства, прокладка инженерных и транспортных коммуникаций спровоцировали ускоренное разрушение культурного слоя Уфы. Однако, культурный слой исторического центра города, как и прежде, способен раскрыть существенный объём информации, необходимой для исторических реконструкций его внешнего облика и хозяйственно-бытового уклада жизни в прошлом.

Несомненно, наиболее интересный в плане археологического изучения участок находится на месте «Троицкой площади», где сегодня располагается «Монумент дружбы народов» и прилегающий к нему сквер. На этой территории располагается объект культурного наследия федерального значения, фигурирующий в нормативно-правовых актах под наименованием «Б[ывшая] древняя Уфимская крепость»¹, широко известный как «Уфимский кремль». Географически памятник расположен на правом берегу среднего течения Белой, при впадении в неё речки Суголока на невысоком мысу (предположительно, на момент основания крепости высота мыса составляла 8–10 м). Охраняемый объект, согласно документации Министерства культуры РБ, занимает обширную территорию в периметре ул. Валиди, Посадская, Коммунистическая, пр. Салавата Юлаева². Указанные сведения о местонахождении Уфимского кремля подтверждаются многочисленными архивными данными.

На южной оконечности мыса Уфимского кремля до 1956 г. располагался древнейший на территории города образец каменной архитектуры «Смоленский собор» (Троицкая церковь).

В 2014 г., в связи с намечаемыми работами по развитию застроенной территории между пр. Салавата Юлаева, ул. Октябрьской Революции, Коммунистической, Посадской и терри-

¹ Постановление Совета народных комиссаров Башкирской АССР № 1045 от 7 октября 1940 г. «О б. Смоленском соборе и о территории б. древней Уфимской крепости (Первомайская площадь)».

² Перечень объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Республики Башкортостан.

торией сквера у Монумена дружбы, Научно-производственным центром по охране недвижимых объектов культурного наследия РБ на территории Уфимского кремля была проведена точечная археологическая разведка. В границах сквера Монумена дружбы было заложено два рекогносцировочных шурфа (№ 10 и № 15). В цели закладки шурфов входило определение факта наличия на территории сквера стратифицированного культурного слоя периода позднего средневековья и нового времени¹.

Шурф № 10 был заложен в северо-западном углу сквера (рис. 1), непосредственно на газоне. Глубина шурфа составила 0,95 м. Стратиграфия шурфа была представлена мощной прослойкой (0,55 м) насыпного, утрамбованного техногенного грунта, под которым залегал слой однородной супеси светло-коричневого цвета мощностью 0,4 м. В шурфе было обнаружено 5 неорнаментированных стенок круговых, гончарных сосудов, многочисленные фрагменты кирпича и различный современный строительный мусор. Характерно, что 3 из 5 найденных фрагментов керамики залегали в верхнем слое шурфа, также содержащем обилие кирпичного боя.

Значительно более интересными и показательными оказались результаты закладки шурфа № 15, произведённой в юго-восточной части сквера. Общий объём находок полученных из шурфа, исключая остеологический материал, составил 258 ед. 64% всех находок представлены фрагментами кирпича, строительного раствора и штукатурки.

Прежде чем приступить к подробному описанию стратиграфии шурфа, археологического материала и условий его залегания, следует обратиться к краеведческой архивной и археологической информации об Уфимском кремле и непосредственно Смоленском соборе.

Ранее специальные рекогносцировочные археологические исследования на территории Уфимского кремля производились в 1988 г. Работы осуществлялись под руководством А.И. Лебедева на восточном склоне рассматриваемого мыса (рис. 1). Археологические материалы, полученные в ходе исследований, в полной мере не были введены в научный оборот. По сообщениям участников раскопок мощность изученного участка культурного слоя превышала 3 м. Среди находок преобладали фрагменты

¹ *Насретдинов Р.Р.* Научный отчёт об итогах проведения натурного археологического обследования (археологическая разведка) территории отводимой под хозяйственное освоение по объекту: «Развитие застроенной территории, ограниченной пр. Салавата Юлаева, ул. Коммунистической, ул. Посадской, территорией сквера у Монумена дружбы и ул. Октябрьской Революции в Кировском районе ГО г. Уфа РБ». Уфа, 2014 (Архив МК РБ).

бытовой, гончарной керамической посуды. Имелись также фрагменты печных изразцов с растительным орнаментом (простые и покрытые зелёной глазурью), курительные трубки, нательные кресты, бусины, разновременные монеты, различные металлические изделия. Основная масса находок сегодня хранится в составе археологического фонда Национального музея РБ. В 2014 г. нами было осмотрено 433 фрагмента керамической гончарной посуды, несколько фрагментов изразцов, монеты и др. находки. Необходимо заметить, что полевые описи находок не содержат информации о местонахождении отдельных предметов, отсутствуют сведения и о стратиграфии раскопа.

Большой объём информации по территории Уфимского кремля и Смоленского собора содержится в материалах личного фонда историка-краеведа П.Ф. Ищерикова¹. В одном из своих отчётов П.Ф. Ищериков указывает, что севернее Смоленского собора находился вал острога задетый в ходе строительства овощехранилища в 1940-х гг. В шурфе, сделанном в валу на глубине 1–1,5 м были видны следы пожарища и обнаружены фрагменты глазурованных изразцов с геометрическим и растительным орнаментом. Изразцы, по мнению автора, попали в культурный слой из Смоленского собора, где ими были украшены внутренние стены и верхний цоколь. Кроме того, в культурном слое присутствовали кусочки слюды, находимые на Троицкой площади и ранее с 1920-х гг. В 1940-е гг. культурный слой Уфимского кремля, по-видимому, подвергался активному антропогенному воздействию. П.Ф. Ищериков указывает, что при проведении земляных работ обнаруживались остатки фундаментов старинных зданий, крепостных стен и башен, пушечные ядра, проржавевшее оружие и керамика².

Согласно записям П.Ф. Ищерикова и акту технического состояния Смоленского собора, составленного в 1951 г.³, он представлял собой одноэтажное каменное (кирпичное) здание, построенное ориентировочно в конце XVI – начале XVII вв. Собор был обнесён фигурным железным ограждением, «исчезнувшим» в годы советской власти вместе с кирпичными фундаментом и столбами⁴. Отдельно от собора размещалась кирпичная, трёхъярусная, одноглавая колокольня высотой 26 м. Исследователи отмечают, что здание собора имело поздние пристрой. Два из них,

¹ См.: НА РБ. Ф. Р-4423.

² *Ищериков П.Ф.* Археологические памятники Башкирии и их исследование. Монография, 1948. С. 137 (175) (НА РБ. Ф. Р-4423. Оп. 1. Д. 5).

³ См.: РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 4. Д. 328, 437, 621 (сведения В.Н. Захарова).

⁴ *Ищериков П.Ф.* Материалы по истории Уфы (Приложения: карты и фотографии), 1949–1956. С. 20 (255) (НА РБ. Ф. Р-4423. Оп. 1. Д. 8).

именуемые «тёплыми соборами», были пристроены к южной и северной сторонам здания в 1796 г. Оба тёплых собора были разобраны и в 1824 г. появляется новый пристрой с западной стороны. В результате строительства и разрушения пристроев стены собора имели следы проломов. В 1779 г. перестройке подвергались верхние ярусы колокольни. Пол помещения холодного и тёплых соборов состоял из массивных каменных плит и надгробий с эпитафиями почётных погребений, совершённых под собором. П.Ф. Ищериков отмечал, что погребения имеются не только под собором, но и вокруг него¹. Погребения совершённые в колодах, выявлялись на берегу Белой у подножья холма при рытье траншей в 1955 г.²

Особенности кирпичной кладки здания, по мнению П.Ф. Ищерикова, свидетельствовали о его древности. Тип кладки он характеризует, как «чистую разделку кирпичей». В акт технического состояния тоже, в числе важнейших признаков для отнесения собора к памятникам архитектуры XVI в., указывается тип кирпичной кладки. Наружные стены собора после его сооружения были окрашены в белый цвет, а затем покрыты «червлёной» (багровой) краской. При этом в описании состояния собора сказано, что «без ремонта и от времени со стен здания местами отвалилась штукатурка и обнажилась древняя каменная кладка». Наличие штукатурки на внешних стенах собора подтверждается фотоматериалами.

Не много известно о внутренней отделке помещения. Помимо упомянутых изразцов на стены здания была нанесена живопись религиозного содержания, местами хорошо различимая на архивных фотоматериалах³. По сообщению П.Ф. Ищерикова живопись была забелена, когда здание собора использовалось под кинотеатр⁴.

По результатам сравнения исторических карт с современными, здание холодного храма Смоленского собора располагалось к востоку от Монумента дружбы. Контуры основания его западной стены могут частично попадать под монумент. Шурф № 15 был заложен в 27 м к северу от вероятного месторасположения колокольни и в 41 м к северо-востоку от основания Монумента дружбы (рис. 1).

¹ Он же. Археологические памятники Башкирии и их исследование; Он же. Материалы по истории Уфы.

² Он же. Материалы по истории Уфы.

³ Он же. Материалы по сохранению исторического памятника – Смоленского собора в г. Уфе. Приложения: 24 фотографии, 1955–1956 (НА РБ. Ф. Р-4423. Оп. 1. Д. 9).

⁴ Он же. Материалы по истории Уфы.

Общая глубина шурфа составила 2,4 м. Шурф не был докопан до уровня материка, поскольку работы были срочно остановлены по требованию администрации Кировского района.

Характеристики культурного слоя шурфа и его содержание во многом напоминают структуру культурного слоя описанного П.Ф. Ищериковым около овощехранилища.

Стратиграфия шурфа и распределение находок по горизонтам выглядели следующим образом:

1. Слой дёрна мощностью 0,15 м. Состоял из рыхлого гумуса коричневого цвета, насыщенного переплетениями корней газона, покрывающего сквер Монуумента дружбы. Слой залегал на уровне 1 горизонта;

2. Слой крайне плотного (утрамбованного) светло-коричневого суглинка с включением крупных камней и мелкого щебня. Слой залегал на уровне 1 и 2 горизонтов;

3. Аналогичный слой, ещё более насыщенный крупными камнями, щебнем, кусками асфальта. Слой залегал на уровне 3 и 4 горизонтов;

4. Тонкая (0,02–0,03 м) прослойка чёрного цвета (гудрон, угольная смола?). Слой залегал на уровне 4 горизонта;

5. Слой плотного гумуса тёмно-коричневого цвета, мощностью 0,86 м, с включениями кусочков угля, руинизированной, обугленной деревянной конструкции и битого кирпича. Слой залегал на уровне 5, 6, 7 и 8 горизонтов;

6. Слой, рыхлого гумуса коричневого цвета, мощностью 0,15 м, насыщенный археологическими предметами бытового типа. Слой залегал на уровне 9 и 10 горизонтов;

7. Тонкая прослойка (0,02 м) светло-жёлтого суглинка. Прослойка залегала на уровне 10 горизонта;

8. Слой рыхлого, тёмно-жёлтого, гумусированного суглинка, мощностью более 0,48 м. Слой залегал на уровне 10, 11 и 12 горизонтов.

Первые два слоя можно охарактеризовать, как насыпной техногенный грунт, сформированный при благоустройстве территории сквера под газон и размещение Монуумента дружбы. Общая толщина слоя составляет около 0,9 м. Подстилающий дерновый слой техногенный грунт состоит из утрамбованного строительного мусора представленного крупным бытовым камнем, щебнем, стальными тросами, бесформенными крупными кусками железа, проволокой, арматурой и пр. Важно отметить, что техногенная подушка, частично сформирована из культурного слоя «кремлевского мыса», о чём свидетельствуют обнаруженные в нём археологические предметы, такие как фрагмент изразца и неорнаментированные стенки гончарных сосудов.

В промежутке между нивелировочными отметками (-90) и (-100), на уровне 5 горизонта, состав и структура грунта резко изменяется. Подстилающий техногенную подушку грунт, содержит обильные включения угля, осколков кирпича, частиц строительного раствора, штукатурки. На уровне 6 горизонта в северо-западном углу шурфа было зафиксировано плотное скопление осколков кирпича, с востока к нему прилегал торчащий из северной стенки фрагмент обугленной деревянной доски ориентированной по линии СЗ-ЮВ (-114). При снятии 7 горизонта был выявлен конец обугленного бревна диаметром около 18 см, выступающий из восточной стенки шурфа, ориентированный по линии СВ-ЮЗ. Выступавшие части бревна и доски образовывали угол в 74°. Слой также содержал мелкие фрагменты лёгкой, шакаообразной массы зелёного цвета, внешне похожей на расплавленное стекло, а также фрагменты оплавленных и пережжённых кирпичей. Все эти признаки свидетельствуют о сильном пожаре и разрушениях происходивших на мысу.

При снятии 9 горизонта было отмечено изменение состава культурного слоя, выраженное в уменьшении примеси угля в грунте. Характерно, что на уровне 9 и 10 горизонтов залежало 52% (26 ед.) всех обнаруженных в шурфе фрагментов керамической посуды и лишь 14% (37 ед.) кирпичного боя. На уровне 10 горизонта был найден только 1 фрагмент кирпича, отличающийся от всех найденных ранее наличием карбонатных примесей в формовочной массе.

По-видимому, структура культурных напластований на данном участке представлена двумя прослойками погребённой почвы. Первая залегает под слоем насыпного техногенного грунта, вторая под слоем пожарища. Хронологическую принадлежность погребённых почв к определённым периодам истории Уфы по результатам проведённой разведки пока установить невозможно – отсутствует датирующий материал.

Анализ обломков кирпича, самого массового материала, позволяет сделать вывод о присутствии в культурном слое около 4-х типов красного кирпича. Различия прослеживаются в их толщине: 45 мм (1 ед.), 50 мм (2 ед.), 55 мм (2 ед.), до 90 мм (3 ед.). На трёх фрагментах прослежена ширина тычка: 70 мм (2 ед.) и 75 мм (1 ед.). 12 фрагментов имеют признаки побелки. 6 фрагментов имеют скругленные углы и вмятины, появившиеся на кирпиче в процессе его производства. Не вызывает сомнения, что многочисленные фрагменты строительной керамики, обнаруженные в культурных напластованиях шурфа, являются свидетельством строительства и разрушения здания собора.

Индивидуальные находки, обнаруженные в шурфе, пред-

ставлены тремя фрагментами печных изразцов, «посеребрянной» пуговицей, кованным кровельным гвоздём, керамическим рыболовным грузилом и кусочками слюдяных пластинок. Все фрагменты печных изразцов имеют растительный орнамент, два покрыты зелёной глазурью. Фрагмент неглазурованного изразца из 4 горизонта (-85) имеет аналогию с фрагментом изразца, найденного при раскопках А.И. Лебедева в 1988 г. на восточном склоне мыса. Слюдяные пластинки средним размером 0,5×3 см и ранее находимые на площадке сквера П.Ф. Ищериковым, по его мнению, происходили из остекления окон домов кремлёвской знати, впрочем, можно предположить их принадлежность к церковной обрядовой утвари (выносные слюдяные фонари?).

Бытовая керамика из шурфа № 15 представлена 50 неорнаментированными, мелкими фрагментами гончарных сосудов. Площадь поверхностей фрагментов не превышает 5 кв. см. Вся коллекция состоит из 5 фр. венчиков, 2 фр. днищ и 44 фр. стенок сосудов. Найденная керамика включена в статистические таблицы, составленные по образцу расширенной системы статистической фиксации керамики эпохи русского Средневековья, предлагаемой В.Ю. Ковалём¹.

Ни один из фрагментов не имел признаков дополнительной обработки в виде глазурования, лощения или ангобирования. Помимо признаков ротации на фрагментах отмечены следы подтёсывания. Формовочная масса с включениями песка, из которой изготавливалась найденная керамика, по-видимому, изготавливалась из естественной чистой глины, без добавления дополнительных отощителей. Согласно группировке по признакам газовых режимов обжига, 31 фр. (62%) обожжены в режиме неполного окислительного обжига, 11 фр. (22%) в режиме восстановительного обжига и лишь на 6 фр. (12%) зафиксированы признаки полного окислительного обжига. Из числа пяти обнаруженных венчиков один относится к классу 36 (наклонённый внутрь сосуда венчик без деформации края), один к классу 39 (наклонённый внутрь сосуда венчик, черновой край которого завернут наружу), и один к типу 41/2 (венчик наклонённый внутрь сосуда, устье горизонтально отогнуто наружу). Два фрагмента днищ относятся к типу 4 – простые днища без закраины с признаками песчаной посыпки.

Описанные статистические сведения о бытовой керамике,

¹ См.: Коваль В.Ю. Первичная статистическая фиксация массового керамического материала на памятниках эпохи Средневековья (X–XVII века) и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы. Методические рекомендации // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 10. [М.], 2014. С. 490–562.

на данном этапе не могут быть использованы для серьёзной научной интерпретации, однако, они могут быть полезны в дальнейшем археологическом изучении Уфимского кремля. Следует отметить, что коллекция бытовой керамики из шурфа № 15, находит аналогии среди материала раскопок 1988 г., анализ которого является темой для отдельной публикации.

Основной вывод из результатов археологической разведки на территории сквера в том, что площадка, где ранее располагался Уфимский кремль имеет стратифицированный культурный слой. Данная характеристика подтверждает необходимость изучения памятника, как полноценного объекта археологического наследия. Дальнейшие археологические раскопки позволят получить ценную информацию об истории Уфимского кремля и, в частности, об архитектуре Смоленского собора.

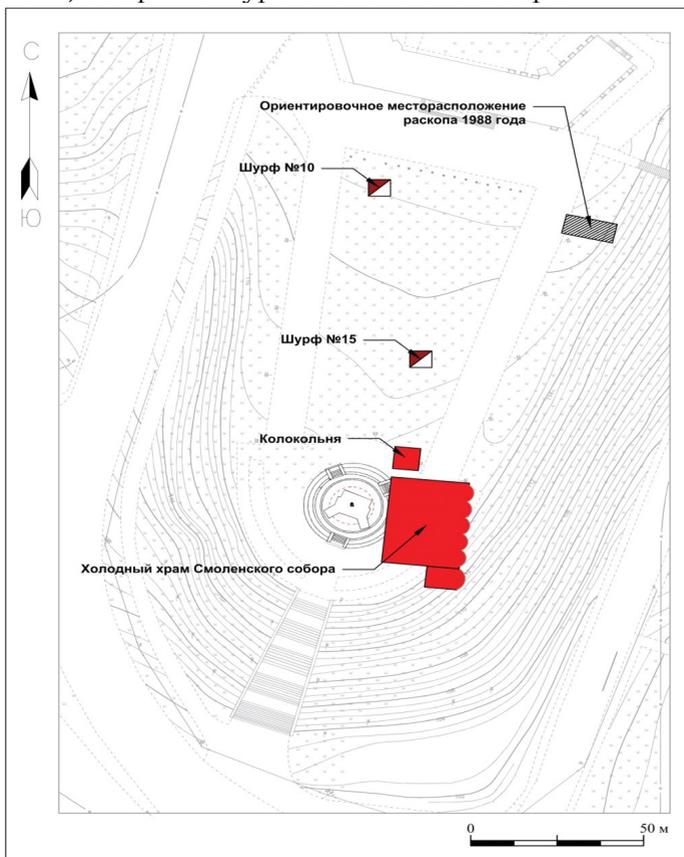

Рис. 1. Топографический план «кремлёвского мыса» с ориентировочным нанесением очертаний Смоленского собора.

**Документы П.Ф. Ищерикова как основа
для историко-архитектурных исследований
уфимского Смоленского собора**

История уфимской соборной церкви Смоленской Богородицы лишь в самых общих чертах изложена в работах уфимских историков-краеведов XIX в. Р.Г. Игнатьева, М.М. Сомова и других. По сей день остаются неизвестными имена её зодчих, точная дата постройки и первоначальный облик каменной церкви.

Стержнем событий последних лет памятника было противостояние краеведа Петра Фёдоровича Ищерикова (1892–1961)¹ и областного партийно-хозяйственного руководства, завершившееся уничтожением собора в 1956 г. В архивных документах П.Ф. Ищерикова находятся важные сведения о соборе. Немногочисленные источники XVIII–XIX вв. также вносят некоторую ясность в типологию и хронологию постройки.

Уникальный памятник, единственный на Южном Урале каменный храм XVII в., включавший постройки XVIII и XIX вв., содержался на средства приходской общины. Ко времени запрещения богослужений в апреле 1933 г., само здание было обезглавлено, но не имело сколько-нибудь угрожающих дефектов². После закрытия церкви³ в ней размещался кинотеатр «Рот-Фронт» с гаражом управления кинофикации.

П.Ф. Ищериков в одиночку, а также совместно с работником уфимского краеведческого музея (ссылным) археологом Б.А. Коишевским и архитектором Н.Ю. Лермонтовым проводил исследование памятника.

Очевидно, по инициативе руководства краеведческого музея 7 октября 1940 г. Совнарком Башкирской АССР принимает постановление № 1045 «О бывшем Смоленском соборе и о территории бывшей древней Уфимской крепости (Первомайская площадь)», в котором отмечено: «Признать необходимым реставрировать здание б. Смоленского собора с целью восстановления

¹ См.: *Валиуллин Гали*. Рассказывают документы... Автобиография Петра Фёдоровича Ищерикова // Судеб связующая нить. Краеведческий альманах. Вып. 4 / Гл. ред. и сост. Г.А. Иксанова. Уфа, 2007. С. 56–64. Активно боровшийся за спасение храма П.Ф. Ищериков в то же время ранее участвовал в антицерковных компаниях. См.: Безбожник (М.). 1930. 15 мая. № 27 (НМ РБ. НВ 23319/70).

² См.: Проект ремонта Троицкой церкви, 1930 г. (НА РБ. Ф. Р-394. Оп. 2. Д. 2338).

³ См.: Дело о закрытии Троицкой церкви, 1933 г. (Там же. Д. 2315).

архитектуры, которую она имела в XVIII столетии, для чего просить Управление по делам искусств при СНК РСФСР включить в план реставрационных работ по восстановлению указанного здания и отпустить на эти работы необходимые средства»¹.

Руководствуясь этим постановлением, 8 октября 1940 г. комиссия, включавшая Б.А. Коишевского, обследовала собор на предмет определения объёма археологических раскопок². 22 октября архитектор Н.Ю. Лермонтов завершил составление обмерных чертежей, включавших фасады и планы масштабом 1:100 и детали 1:20 (начерчены Пеньковским)³. 23–28 октября 1940 г. были произведены раскопки на территории собора⁴. В ноябре 1940 г. по просьбе Б.А. Коишевского были сделаны копии с плана Троицкой площади (1:100), снятого ещё в 1932 г.⁵

П.Ф. Ищериков в письме к археологу профессору Н.Н. Воронину 11 декабря 1955 г. так вспоминал эти дни: «В 1940 г. Башсовнарком вынес постановление, по которому здание собора было передано краеведческому музею для устройства его филиала, кроме того, было отпущено предварительно 40 тыс. руб. для текущего ремонта и архитектурных и археологических исследований. Последнее было сделано с участием ныне покойного архитектора Н.Ю. Лермонтова, археолога Б.А. Коишевского, в 1936 г. приехавшего из Ленинграда (в ссылку) и работавшего в музее. Я тоже принимал участие в их работе. Но музей промедлил, не занял здание, к ремонту собора не приступил, а тут разразилась война, и даже помещение музея было занято и он свернул работу, свалив в склад коллекции»⁶.

В конце 1940-х гг. к разрушениям от отсутствия элементарного ремонта добавилась опасность обрушения собора в ре-

¹ РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 4. Д. 621. Л. 39 об., 40.

² НМ РБ. Ф. 92. Д. 5. Оф 23643/14. Л. 12.

³ РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 4. Д. 328. Л. 18. Часть ксерокопий планов хранится в архиве НПЦ Министерства культуры РБ.

⁴ НМ РБ. Ф. 92. Д. 5. Оф 23643/14. Л. 12 об.

⁵ Архив НПЦ Министерства культуры РБ.

⁶ В этом же письме П.Ф. Ищериков вспоминал, что во время закрытия «на стене висела огромная икона Страшного суда письма конца XVII века, тогда, видимо, висевшая в древней трапезной. Написана она была на заgroundованных досках, скреплённых сзади врезанными деревянными перекладинами. Этот Страшный суд я видел после закрытия собора в куче валавшихся икон и рекомендовал директору музея и научному обществу Башкирии, которого я был членом, взять эту и другие редкие иконы. Но [...] только немногие иконы попали в художественный музей». Он упоминал среди артефактов икону Спаса Нерукотворного и Царские врата, хранящиеся в уфимском художественном музее им. Нестерова (НА РБ. Ф. Р-4423. Оп. 1. Д. 9. Л. 86, 90). Описание имущества Троицкой церкви за 1872 г. хранится в НА РБ (Ф. И-293. Оп. 1. Д. 2).

зультате срывания холма добытчиками глины¹.

27 августа 1947 г. Совмин БАССР, утверждая список архитектурных памятников, находящихся на территории республики, своим постановлением № 856 в перечень памятников включил здание Смоленского собора², что, однако, не изменило ситуацию. К началу 1950-х гг. в нижнем ярусе колокольни размещался склад горючего авторемонтного завода, а в самом храме – склад бумаги издательства областных газет.

5 июля 1951 г. комиссия в составе заместителя председателя горисполкома Ш.Н. Назирова, главного архитектора Уфы И.И. Мироненко и других осмотрела памятник. Среди её выводов значилось: «Комиссия считает восстановление здания нецелесообразным и малореальным ввиду: [...] сложности и длительности этого процесса и высокой стоимости проведения обследовательских, проектных и архитектурно-строительных работ; [...] небольшой значимости данного объекта, как архитектурно-художественного и исторического памятника»³.

Среди должностных лиц были и сторонники сохранения памятника. Из письма П.Ф. Ищерикова 1955 г.: «Так как собор поступил в ведение управления по делам архитектуры (упомянутой Сахаутдиновой⁴), то года три тому назад она заготовила проект о сносе собора. Об этом заседании я узнал стороной и добился приглашения. После доклада выступил и разгромил её проект в пух и прах, при чём выступил и Б.Г. Калимуллин⁵, кандидат архитектуры, работавший со мной в институте истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР. В защиту собора присоединились к нашим выступлениям председатель Верховного совета БАССР Загафуранов и все заседавшие. Проект сноса собора, заготовленный Сахаутдиновой, был отклонён»⁶.

В апреле 1954 г. П.Ф. Ищериков совместно с Г.В. Юсуповым составил проект письма от имени председателя президиума Башкирского филиала АН СССР Г.В. Вахрушева в Совмин БАССР с просьбой организации реставрационных работ, но что

¹ Ищериков П.Ф. Забытый исторический памятник // Красная Башкирия. 1946. 1 июня.

² РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 4. Д. 621. Л. 23.

³ Там же. Д. 437. Л. 19–21 об.

⁴ Сахаутдинова Мастура Низамовна (1902–1996), начальник управления по делам строительства и архитектуры при Совмине БАССР (1945–1962).

⁵ Калимуллин Барый Гибатович (1907–1989), архитектор, основатель кафедры архитектуры в Уфимском нефтяном институте.

⁶ НА РБ. Ф. Р-4423. Оп. 1. Д. 9. Л. 86, 87.

стало с тем письмом Ищерикову было не известно¹.

6 июля 1954 г. горсовет Уфы решением № 185-10 постановил произвести «разборку» собора. Совмин БАССР постановлением от 30 сентября 1954 г. № 638 утвердил указанное решение горсовета². В декабре 1955 г. городские власти стали готовить собор к подрыву. Для закладки динамита были пробурены шурфы в стенах, с трапезной и нефа сняли железную кровлю, обнажив три ряда кокошников. 11 и 12 декабря 1956 г. П.Ф. Ищериков срочно шлёт серию телеграмм и уже известное нам письмо профессору Н.Н. Воронину, с просьбой предотвратить уничтожение. По ходатайству академика И.Э. Грабаря (председателя Научно-методического совета по охране памятников культуры при Президиуме АН СССР) Совмин РСФСР просит от Совмина БАССР приостановить снос до решения комиссии из московских специалистов³.

Время удалось выиграть, и прибывший в Уфу главный инженер-архитектор Государственной инспекции по охране памятников истории и искусства при Министерстве культуры СССР В.И. Фёдоров обследовал храм. В его предварительном заключении 16 января 1956 г. так описана древнейшая часть собора:

«В настоящее время памятник состоит из трёх объёмов, возникших в разные строительные периоды:

1. Абсидная часть (восточная) – построена в 1835 году;
2. Средняя часть – безстолпный пятиглавый храм (холодная церковь) построена в конце XVI столетия;
3. Западная часть – трапезная, квадратная со скруглёнными углами, сооружение построено в 1824 г. [...]

Средняя часть является наиболее древней и наиболее ценной частью памятника. Она имеет форму прямоугольника, продольные стороны которого расположены с севера на юг. Прямоугольник перекрыт сильно вспарушенным⁴ зеркально-сомкнутым сводом.

По северному и южному фасаду имеются угловые колонны, доходящие от карниза до половины высоты здания. Ниже колонн выступают лопатки, соединённые между собой фигурным пояском (на уровне основания колонн). Завершаются стены тремя кокошниками по коротким сторонам, и четырьмя кокош-

¹ Там же. Л. 108 и об.

² РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 4. Д. 621. Л. 24.

³ НА РБ. Ф. Р-4423. Оп. 1. Д. 9. Л. 77-81.

⁴ Вспарушенный свод – крестовый свод, у которого центральная часть заметно поднята над боковыми (*Плужников В.И.* Термины российского архитектурного наследия, М., 1995. С. 40).

никами по длинным сторонам прямоугольника. Позднее кокошники заложили кирпичом, и на них опиралась четырёхскатная железная кровля. В настоящее время кровля разобрана и теперь хорошо видно позакомарное покрытие всего храма. К четырём угловым барабанам примыкает второй и третий ряд килевидных закомар. Во втором ряду сохранились диагональные закомары на углах, а пятый, средний барабан покоится на четверике, оканчивающимся килевидными закомарами на каждой из четырёх сторон. Барабаны имеют следы первоначальных декоративных украшений, исполненных из тёсанного кирпича в виде колонок, соединенных арочками.

Барабаны и закомары в удовлетворительном состоянии, имеется незначительное разрушение, ликвидация которых не требует больших затрат. Глав и крестов не сохранилось.

Сомкнутый свод и стены также в удовлетворительном состоянии. Имеется одна незначительная трещина на своде (над южным окном по западной стене).

Северная и южная стены имеют по одному дверному и два оконных проёма.

Восточная стена прорезана в основании тремя проёмами для входа в алтарь, а западная стена – соответственно тремя проёмами для входа в трапезную. На этой же стене имеется два окна, из которых северное было превращено в дверь для входа на деревянные хоры, построенные в XIX столетии. Каменный пол сохранился на 70%¹.

Размеры соборного кирпича, снятые П.Ф. Ищериковым таковы: 30–31 x 8–9 x 14–15 см, другой размер: 27–28 x 7–8 x 15–16 см². Ищериков добавляет относительно нефа: «Сомкнутый зеркальный свод древней части собора с высоким подъёмом, перекрывающий храм, окраской разделен на кессоны. [...] На стенах, забеленных извёсткой, проглядывают фрески, которыми храм был расписан, но их "правили" и в XIX веке. [...] В своде имеются, в его основании, кованые квадратного сечения связи, которые, как известно, были введены в конце XV – начале XVI века»³. Ищериковым также были выявлены 27 голосников, особых сосудов, вмурованных в стены для улучшения внутренней акустики храма⁴.

В конце января 1956 г. Научно-методический совет по охране памятников культуры при Президиуме АН СССР рассмотрел отчёт В.И. Фёдорова и признал уфимский собор ценным па-

¹ НА РБ. Ф. Р-4423. Оп. 1. Д. 9. Л. 76, 99–101.

² Там же. Л. 89.

³ Там же. Л. 90.

⁴ Там же. Л. 65.

мятником. Для составления эскизного проекта реставрации Государственная инспекция по охране памятников запросила в Министерстве культуры БАССР фотографии, копии обмерных чертежей 1940 г., а также копии архивных чертежей собора¹. Проект начали разрабатывать в проектно-реставрационной мастерской Академии строительства и архитектуры.

В ходе переписки органов надзора в сфере памятников архитектуры с высшими инстанциями Башкирской АССР к началу мая 1956 г. было получено распоряжение Совмина РСФСР об отмене решения Совмина БАССР о сносе памятника². Однако, 2, 3 и 5 июня шестью взрывами собор был варварски уничтожен³. Критическая статья «В защиту памятников культуры» в Литературной газете от 23 августа 1956 г., подписанная И.Э. Грабарем, М.Н. Тихомировым, И.Г. Эренбургом и другими, помогла спасти архитектурные шедевры многих русских городов, но, увы, не смогла уберечь Уфу от потерь.

После разрушения открылись конструкционные элементы храма – кованые «связи» и ранее скрытые пустоты в кирпичной кладке. Фотограф Степан Стива⁴ проводил фотофиксацию руин собора в течении лета 1956 г.⁵

Как первоначально выглядел этот безвозвратно ушедший памятник?

Историкам неизвестно ни одного подробного описания вида колокольни XVII в., заново отстроенной в конце XVIII в.⁶ Что касается древнейшей сохранившейся до 1956 г. части – это неф, размерами около 9 x 14,2 м, и толщиной стен около 1,3 м⁷.

Обратимся к ранним документам. Известные чертежи XIX –

¹ Там же. Л. 34–36, 59, 71, 74, 106.

² Там же. Л. 12, 47–60.

³ Там же. Л. 8–9. Это случилось после ходатайства Совмина БАССР перед министром культуры СССР Н.А. Михайловым, и после согласия прибывшего в Уфу председателя Совмина РСФСР М.А. Яснова. Как следует из официальных жалоб на случившееся, и в случае с Михайловым, и в случае с Ясновым были получены лишь устные согласия на подрыв (РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 4. Д. 621. Л. 50–61).

⁴ Степан Степанович Стива (1882–1972), уфимский фотограф. См.: *Чечуха А.А. Картинки с золотыми обрезками // Уфа. 2004. № 11; НА РБ. Ф. Р-4423. Оп. 1. Д. 9. Л. 9 об.*

⁵ Фото разрушенного собора см.: РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 4. Д. 621. Л. 69–75; НА РБ. ф. Р-4423. Оп. 1. Д. 9. Л. 8–10.

⁶ *Свице Я.С., Ахметшина Т.* Сведения по истории Уфы и уфимских храмов по материалам из «Летописи градо-уфимской Троицкой церкви» диакона Петра Сухарева // Бирская старина: Историко-краеведческий альманах. Вып. 3. История Южного Урала: экономика, образование, религия / под ред. Ю.Н. Сергеева. Бирск, 2010. С. 106.

⁷ План 1940 г. (Архив НПЦ Министерства культуры РБ).

начала XX вв. были сделаны уже после завершения реконструкций 1824 и 1835 гг.¹ Единственный известный чертёж Смоленского собора XVIII в. был выполнен рукою уфимского воеводы Алексея Никифоровича Борисова в 1771 г.² и приложен к письму П.И. Рычкова в Академию наук³ относительно звона неизвестного происхождения в одном из приделов храма.

На чертеже изображена церковь с пятью главами на четверике, показаны нижний ряд из четырёх кокошников, остальные кокошники закрыты четырёхскатной крышей; западный фасад нефа с двумя окнами верхнего света; на углах четверика парные колонки; ниже карниза расположен пояс ширинок⁴ с округлыми нишами; портал трапезной обрамлён колонками и арочным поясом с рельефным орнаментом-бегунком внутри и вне пояса; правее портала небольшое окно. Покрытие глав обозначено сеткой, покрытие крыш нарисовано как деревянное; приделы Петропавловский и Никольский со своими главами показаны южнее нефа (рис. 1).

Сравнивая этот рисунок с чертежами и фотографиями XX в. замечаем, что все элементы переданы на нём без соблюдения пропорций. Допуская наличие пояса ширинок, предполагаем, что таковой мог быть удалён в XIX в. В целом, конструкция бесстолпного пятиглавого нефа с тремя рядами кокошников характерна для церквей московского посадского зодчества XVII в.⁵ Более точную дату постройки возможно установить, изучив письменные источники, и проведя архитектурный сравнительный анализ.

В историко-краеведческой литературе с XIX в. фигурируют несколько дат возведения Смоленского собора, часто приводится легендарное основание храма в 1579 г. (дата обретения иконы Казанской Божией Матери). В составленном, скорее всего, в конце XVIII в. «Уфимском летописце», опубликованном в 1852 г. в «Оренбургских губернских ведомостях», указана дата освящения Смоленского собора в 1616 г. (см. далее статью Я.С. Свице).

В упомянутом же письме 1771 г. воевода А.Н. Борисов докладывал: «В прибавление сего принужден я стараться, и по

¹ План, датируемый 1884–1885 гг. и подписанный губернатором П.А. Полторацким (Там же).

² РГАДА. Ф. 248. Оп. 1, ч. 7. Д. 725, кн. 3927. Л. 805–806.

³ СПб филиал Архива РАН. Ф. 3. Оп. 32. Д. 15.

⁴ Декоративный мотив в виде заглублённого прямоугольника (обычно близкого к квадрату) с уступчатым или профилированным обрамлением (Плужников В.И. Указ. соч. С. 137).

⁵ См.: Грабарь И.Э. История русского искусства. Т. 2. СПб., 1909. С. 119–150.

имеющейся здесь архиве отыскивать, и отыскал таковое сведение, что ныне имянуемая церковь во имя Смоленския Богоматери Одигитрии напред сего именовалась пречистыя Богоматери Казанския, и по згорении оной в царствование государя царя и великого князя Михаила Федоровича для возобновления той же церкви от первосвященнаго митрополита казанского и свияжского к соборному попу и благословенная грамота прислана. А во 145м году [1637 г.] февраля во 2й день от его ж преосвященства при писменном виде в Уфе стольником и воеводою князь Петром Федоровичем [Волконским] в ту соборную церковь Казанские Богородицы и на пределы к двум престолом верховных апостол Петра и Павла и Чудотворца Николая и антимины для освящения тех церквей з дьяконом Герасимом Ивановым получены»¹.

П.Ф. Ищериков и В.И. Фёдоров, придерживаясь мнения о постройке каменного Смоленского собора в конце XVI в., брали за основание письменные источники и краткое типологическое обследование. Однако, если предположить, что сведения 1771 г. достоверны, и сгоревшая церковь (с приделами) была деревянной, а в 1637 г. были повторно освящены отстроенные деревянные приделы, то время освящения каменного собора смещается от 1616 г. к 1640–1670-м гг. Более поздняя дата постройки и освящения собора также вероятна, она близка возведению аналогичных церквей², и хронологически соотносится со временем прибытия в Уфу смоленских шляхтичей после войны 1654 г.

В целом, сохранившиеся фотографии, описания и чертежи, сделанные по инициативе П.Ф. Ищерикова, позволяют начать работу по реконструкции собора. Представленный нами чертёж-реконструкция центральной части основан на обмерах 1940 г. с учётом утраченных деталей нефа, зафиксированных в 1771 г. (рис. 2). Принимая 1679 г. за корректную дату освящения южного, Петропавловского, придела, неф показан до появления приделов на момент середины 1670-х гг. Трапезная воссоздана по размерам, данным А. Борисовым, с повторением деталей церковью московского зодчества XVII в. Главы крыты деревянным лемехом, хотя в статьях краеведа XIX в. Р.Г. Игнатьева встречается упоминание о главах черепичных.

Рис. 1. План и фасад уфимского Смоленского собора, 1771 г. (РГАДА. Ф. 248. Оп. 1, ч. 7. Д. 725, кн. 3927. Л. 805–806), фрагмент. Опубликовано: Атлас-хроника «Башкирия» / Сост. И.М. Шеляков, В.Н. Макарова, Б.И. Коныхов. Уфа, 2009.

¹ СПб филиал Архива РАН. Ф. 3. Оп. 32. Д. 15. Л. 7 и об.

² См.: *Грабарь И.Э.* Указ. соч.

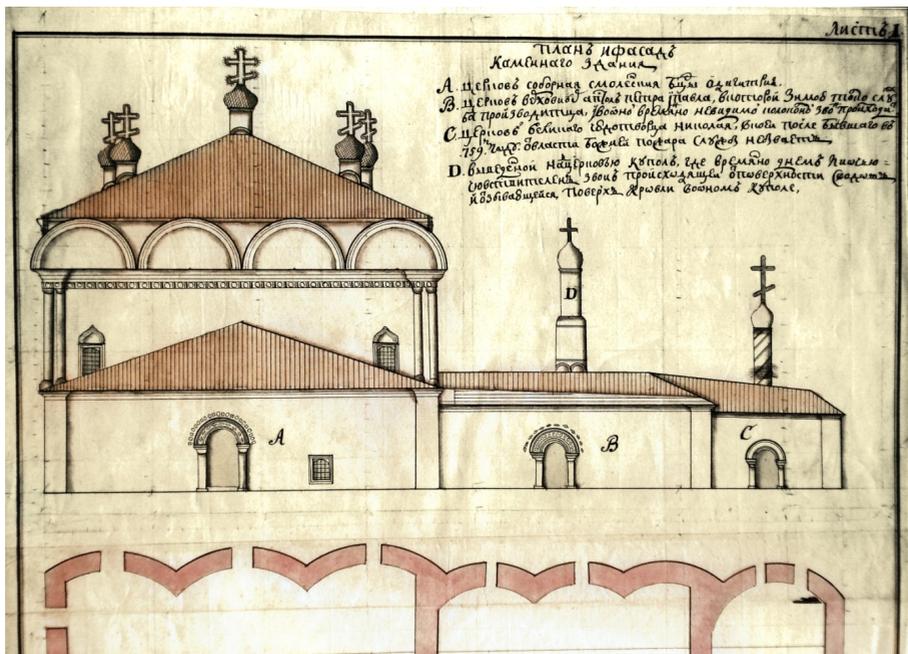

Рис. 2. Чертеж-реконструкция центральной части уфимского Смоленского собора (около 1675 г.), выполнена автором данной статьи.

**Духовенство уфимского Смоленского собора
и Свято-Троицкой церкви (XVII – начало XX вв.)**

Более 300 лет Смоленский собор являлся главным храмом обширного Уфимского и Уфимско-Оренбургского края. До открытия в 1800 г. самостоятельной епархии, протоиереи Смоленского собора, наряду с архимандритами Успенского мужского монастыря, являлись представителям высшей духовной власти в провинции. И после преобразования в 1842 г. Смоленского собора в приходскую Свято-Троицкую церковь, древнейший храм являлся важным историческим, культурным и духовным центром губернии и епархии.

Однако история старейшего православного храма до сих пор остаётся слабо изученной, в том числе судьба его духовенства. Исследования о Смоленском соборе Уфы чётко делятся на два периода – дореволюционный (середина XIX – начало XX вв.) и современный (с конца 1980-х гг.), разрываемые абсолютной пустотой атеистической советской эпохи, когда даже в обобщающих «историях Башкирии» история православной церкви вообще и главного храма Уфы полностью отсутствовали.

Постепенно складывавшийся примерно с рубежа XVIII–XIX вв. историко-краеведческий социум в Уфе собирал материалы, семейные предания, архивные документы, составлял рукописные сочинения, где, естественно, внимание обращалось на историю православной церкви. Хотя уфимские краеведы, любители старины относились преимущественно к дворянам и чиновникам, православие было неотъемлемой частью их культуры. Кроме того, многие из них были выходцами из духовного сословия.

С 1840-х гг. происходит переход от рукописной традиции к публикации краеведческих работ на появившейся «площадке» – выходивших с 1838 г. в Уфе «Оренбургских губернских ведомостей». Первый редактор неофициальной части «ведомостей» Иван Прокофьевич Сосфенов с первого года начинает размещать статьи о православных храмах¹.

¹ Освящение в г. Уфе Кладбищенской церкви (15 Июля 1845 года) // Оренбургские губернские ведомости. 1845. 28 июля; Освящение храма в доме Оренбургской Духовной Семинарии. (11 Ноября 1845 г.) // Там же. 1 декабря; *Софтеров*. Уфимский женский монастырь // Там же. 1847. 31 мая; Известия о жизни Преосвященного Августина, епископа Оренбургского и Уфимского, почерпнутые из его своеручных записок // Там же. 18 октября (перепечатка из журнала «Москвитянин»); мн. др.

Но, кроме текущих событий в жизни православной церкви, история христианства в крае освещалась крайне скупо. В публиковавшемся в 1848 г. «Хронологическом обзоре достопримечательных событий в пределах нынешней Оренбургской губернии и важнейших постановлений, относящихся к этому краю» абсолютно доминирует светская история. Вообще не упоминается о возведении Смоленской церкви Уфы: «1586. Посланный с служилыми людьми боярин Нагой, основал в Башкирии на реке Белой город Уфу»¹. Точной информацией краеведы не обладали, вероятно, из-за гибели архива во время пожара в 1806 г.²

Постепенно складывается церковное краеведение, по архивам, которые сохранялись в епархии, создаются первые исторические труды³. Настоящий прорыв случился в 1852 г., когда редактор «ведомостей» И.П. Сосфенов публикует целый цикл исторических сочинений из имевшейся у него «летописи города Уфы» или «Уфимского летописца», безымянного источника, явно составившегося постепенно, видимо, с XVIII в.

И 24 мая 1852 г. выходит первая история Смоленского храма – статья «О состоящем в городе Уфе каменном соборе»⁴. Приведем её полностью, со сносками.

«В начале города построена была первая церковь деревянного здания, в проименование Богоматере, именуемая Казанская которая была освящена от Рождества Христова 1584 года⁵. А после, по соизволению Государя Феодора Иоанновича на казённой интерес, с помощью военных людей, построен каменный собор в проименование Богоматере, нарицаемая Смоленская, а в котором году начало сего построения последовало, сего по справкам не найдено, а только известно, что когда оной освящён 1616 года⁶.

При оном каменная тёплая церковь пожертвованием Уфимских дворян Артемьевых в 1672 году⁷.

¹ Там же. 1848. 31 июля.

² Современник 4 февраля 1806 г. записал в дневнике: «В одиннадцатом часу ночи неизвестно от чего загорелся корпус стоящий на горе где архиерейский дом, в котором помещена была семинария и консистория. Загорелся и весь сгорел до основания, даже не успели вынести ничего» (Архив Книжной палаты РБ. Ф. 1/1804(С). Дневник М.С. Ребелинского. Ч. II. Л. 103).

³ В.В. Краткий исторический взгляд на развитие духовного образования в Оренбургском крае // Там же. 1851. 2, 9, 16, 23, 30 июня.

⁴ Там же. 1852. 24 мая. Опубликовано: И.П. Сосфенов: начало уфимской литературы / сост. М.И. Роднов. Уфа, 2012. С. 91–95.

⁵ Сие обозначено в найденном стенном засове, выдолбленном вместо ящика, ветхом антиминсе (здесь и далее сноски первоисточника – Я.С.).

⁶ В найденном в том же месте ветхом антиминсе.

⁷ Сие обозначено было на состоящем под престолом кресте.

Подежь сего пристроен каменной в проименование Свяителя Христова Николая придел от тшания гостиной сотни посадника Курятникова в 1686 году¹.

При оном бывшие протопопы, о которых только известия найдено:

1) Стефан Васильев, при котором в 1636 году, по грамоте Государя Михаила Феодоровича для продовольствия соборной братии отведено сенных покосов за Белою рекою на тысячу копен.

2) Василий Емельянов. При оном начался в 1707 году из того собора Июля на 8-е число крестный ход и со образом Божия Матере, наречённой Казанской в, село Богородское, отстоящее от города Уфы в 16 верстах, по причине таковой, как в том году было в здешнем краю Башкирское замешательство, и того селения жители объята были от угрожающей смерти великим страхом более потому, что все Русские селения были преданы от бунтовщиков огню. Но сие Божию помощью и молитвами Пресвятой Богородицы благополучно от такового насчастия спаслось; то жители за сие во благодарность дали потомственное обещание, чтоб сию святую икону ежегодно Июля на 8 число, принимая, молебствовать, для чего и построена в проименование таковоеж церковь, и посему древнему обычаю тот крестный ход и доньне продолжается².

3. Иван Лаврентьев, поступивший из Москвы, при оном было обыкновение, что знатной фамилии люди, по смерти погребались внутри собора³.

4. Матвей Афонасьев, природою из Уфимских, которой по не счастью лишён был сана.

При оном в 1758 году из Казани имел чрез здешний город Уфу проезд в Оренбург, Преосвященный Гавриил, Епископ Казанский, для освящения тамошнего новопостроенного собора.

5. Андрей Фёдоров, поступивший из Казани, при котором ветхости собора все были исправлены, и приведён был оный в хорошей вид.

6. Яков Семеонов Неверов, переведённый из города Бирска, а родом из Сызрана, при котором в 1759 году Мая на 9 число по случившемуся от молнии и грома пожару собор со внешности и внутренности выгорел, от чего причинился не малой вред,

¹ Сие известно от надписи на ветхой иконе Свяителя Николая.

² Сие обозначено в проповеденном о сём ходе деле, присланном от архирейского дома поповским старостою иеромонахом Ионою Салникевым, хранящемся до сего в бывшем Успенском монастыре, в архиве.

³ Сие доказательно тем, что могилы, обваливаясь, делали нередко на церковном полу ямины.

а в 1767 году тот собор, по возобновлении, освящён.

А в 1770 году в тёплом соборе переделан иконостас и учреждено вне города кладбище.

В 1771 году с Октября месяца всё тёплом соборе начал продолжаться не редко колокольной и невидимой разной звук, и по представлению того Протоиерея прислан был от Оренбургского Губернатора Рейнздорфа для испытания сего Архитектор Калязин, которым причины сего звука не найдено, и оной после в 1773 году в Марте месяце миновался; какого уже после никогда не было.

В 1782 году в Апреле месяце сломана была пошатнувшаяся старая каменная колокольня.

7. Василий Михайлов, природою из Уфимских, при котором 1782 года Марта 24 прибыл в здешний город Уфу Преосвященный Лаврентий, Епископ Вятский, для открытия Наместничества, который Мая 7 дня и отбыл.

1791 года всё здешнее духовенство обращено в ведомство от Вятской епархии в Казанскую, а в Вятском находилось 25 лет.

1793 года приложены в собор из рода купцов Дюковых семь серебряных лампад, стоящих в 750 р., дарохранительница серебрянопозлащенная в 75 руб., лжица золотая во 125 рублей.

1797 года Июня 11 по полудни в 9 часу от нашедшей тучи и от удара сильного грома в свод того собора и попало на иконостасе золота, а Троицкая церковь до основания стореда.

Октября 14 дня было в том соборе освящение постановленной Уфимского полку церкви в проименование Петра и Павла.

1798 года Мая 8 заложена при соборе новая колокольня каменная.

Сентября 8 состоялись на духовные Правления штаты, на жалованье приказным служителям и сторожам и на содержание оных.

Октября 1 соборная колокольня окончание кладкою получила.

Ноября 15 состоялся указ о обретении Св. мощей в Вологодской Епархии в городе Тотьме, в 1796 году при копании под новостроющуюся церковь канав, преподобного Феодосия Тотемского; погребены оные были 1588 года Января 28 дня.

1799 года Января 1 состоялся указ о избавлении священно и церковно служителей от всех городских тягостей и работ.

12-го последовал указ о награде белого духовенства скуфьями, камилавками и крестами.

1799 года Февраля 22 построенная на городском кладбище, в проименование Успения Божия Матере церковь, пожертвова-

нием и попечением помещика Сергея Аничькова освящена.

Августа 20 построена в оном соборе на образ Казанския Божия Матере, мерою вышины 1 арш. 4 верш., а ширины 3 четверти, сребропозлащённая риза от пожертвования из рода купцов Жулябиных.

Июля 18 состоялся указ, чтоб оставшимся вдовам священническим и дьяковским жёнам, кои свыше 40 лет, производить жалованье из собираемой в штраф с духовенства суммы, а которые менее тех лет позволено торговать мещанским торгом.

1800 года Января 21 дня Уфимской собор, по открытии Оренбургской Епархии, получил наименование кафедральным (или архиерейским), и служители оного стали получать штатное жалованье, именно: протоиерей 120 р., ключарь 80 р., два священника по 60 р., протодьякон 60 р., два диакона каждой по 40 руб., 2 иподиакона по 25 р., 4 псаломщика по 20 руб., а на содержание собора ежегодно по 200 рублей.

30 Сентября подняты на новопостроенную соборную колокольню для звона колокола, и от сего числа оная прияла своё существование.

1801 года Июня 16 дня сего собора протоиерей Василий при указе Святейшего Синода получил в награду крест, для ношения на персях, и после сего 1809 г. Апреля 23 дня помер.

1809 год. 8 Протоиерей Гавриил Михайлов, переведённый из Мензелинска.

При котором Октября 31 получен из Святейшего Синода указ о построении на новопрожектированном плане нового каменного архиерейского собора на сумму, собранную от доброточно-дателей, а по смете до 50 тысяч рублей, а ветхости старого собора поправить на отпускаемую из казны ежегодную сумму.

1810 года в Январе приложено от помещика Таузакова на построение собора 10 тысяч рублей.

В Ноябре месяце протоиерей Гавриил перемещён в Оренбургский собор.

Протоиерей Илья Агафонов, при нём в 1816 году, от бывшего в Уфе пожара, кафедральный собор сгорел и вновь поправлен.

Протоиерей Илья Попов, родом из Уфимских.

При нём в 1824 году Государь Император Александр Павлович был в городе Уфе, а до Высочайшего посещения тёплый собор во имя Св. Апостол Петра и Павла и придел Св. Николая отломаны и при холодном соборе приделана новая трапезная, а те два престола помещены уже в оной.

Протоиерей Александр Кандарицкий, в 1827 году переве-

дён из Златоустовского завода».

Анализ первой краткой истории Смоленского собора показывает, что уфимские краеведы XVIII – середины XIX вв. не знали точной даты строительства храма. В стене храма были найдены два ветхих антиминса, один из которых указывает дату освящения Смоленской церкви в 1616 г., хотя само возведение отнесено к царствованию Фёдора Иоанновича (1584– 1598).

Первым же известным настоятелем Смоленского собора назван Стефан Васильев (1636 г.). Информация по XVII и первой половине XVIII вв. очень краткая и отрывочная, лишь с 1750-х гг. начинается достаточно полный перечень главных священников Смоленского собора. При этом дальнейшие записи носят явно летописный характер погодных записей, но не регулярных. Можно допустить, что данный источник – «Уфимская летопись» – начал составляться не позднее конца XVIII в., когда ещё были живы свидетели событий полувековой давности. В начале XIX в. появляются точные сведения о денежных суммах, а обрывается уфимская летопись на дате 1827 г. (последняя запись вообще в «Уфимской летописи» датируется апрелем 1828 г.).

Стоит заметить, что «Емельянов», «Лаврентьев», скорее всего, не фамилии, а отчества. По сложившейся старинной традиции, в эту эпоху фамилии у духовенства были ещё мало употребительны, главным у клирика считалось имя. Вплоть до первой трети XIX в. даже в официальных документах часто указывались только имя и отчество¹.

Первая краткая летописная история Смоленского собора имеет большое значение, так как иных, в первую очередь, официальных источников тогда не существовало. Даже в адрес-календарях Российской империи, помимо епархиального управления, упоминались лишь настоятели провинциальных монастырей, как Таисия из Уфимского Рождественского².

Современники понимали важность сохранения преданий о главном соборе края. Материалы «Уфимской летописи» переписывались от руки и хранились в семейных архивах. Известен ещё один список «летописи» в коллекции Исторического музея в Москве. Если сосфеновская публикация заканчивается на 1827 г., то во втором добавлено: «Ноября 6-го по указу святейшаго Синода архимандрит Филарет переведен во второю классную Го-

¹ Записки Д.И. Ростиславова, профессора СПб Духовной академии // Русская старина. № 3. 1882. С. 661–664.

² Адрес-календарь Российский на лето от Рождества Христова 1766. Показывающий о всех чинах и присудственных местах в государстве, кто при начале сего года в каком звании или в какой должности состоит. СПб., б. г. С. 51.

больский Знаменской монастырь которой от 4-го декабря отбыл, и был жития честнаго и любим обществом, ныне т. е. 1828 года архимандритом в Казани». Концовка была вставлена из другой части «Уфимского летописца» о мужском монастыре¹.

Этот второй рукописный список под названием «Краткое описание губернского города Уфы» был приобретён известным коллекционером Елпидифором Васильевичем Барсовым (1836–1917). В 1914 и 1919 гг. барсовская коллекция поступила в Государственный исторический музей².

Находящийся в фондах отдела письменных источников музея в Москве второй список летописи³ отличается по своей структуре. По всей видимости, текст неоднократно переписывался, он более поздний. Здесь изменена структура материала, летописные погодные записи превращены в абзацы, что соответствовало новейшим литературным традициям. Затем сделаны небольшие текстуальные правки, слово «тысяча» проставлено числом, добавлены склонения, вместо 1636 – 1636-м, где-то изменена пунктуация, сноска об иеромонахе Ионе перенесена внутрь текста и т. д.

Бытование среди жителей Уфы летописных материалов о Смоленском соборе позволяет предположить, что именно его духовенство выступало составителем и хранителем преданий.

Так, житель Уфы В.А. Ребелинский в 1847 г. представил редактору «ведомостей» И.П. Сосфенову другой летописный источник – «Осада г. Уфы во время Пугачёвского бунта». Редактор поблагодарил Ребелинского «за доставление копии с летописи», которая, скорее всего, восходит к протоиерею Смоленского собора Я. Неверову⁴, внуком которого и был В.А. Ребелинский.

Публикация в 1852 г. первой краткой, летописной истории Смоленского собора с почти одновременным изданием рукописи об осаде Уфы пугачёвцами в 1848 г., принесённой В.А. Ребелинским, позволяет предположить, что в Уфе к началу XIX в. существовали две летописные традиции: светская и церковная. Все церковные сюжеты «Уфимской летописи» – о женском и мужском монастырях, соборе – представляют отдельные фрагменты.

¹ Оренбургские губернские ведомости. 1852. 3 мая. См.: И.П. Сосфенов: начало уфимской литературы / сост. М.И. Роднов. Уфа, 2012. С. 90.

² См.: Яновский А.Д. Е.В. Барсов – учёный и коллекционер // Череповец: краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1999; ресурсы Интернета.

³ ГИМ ОПИ. Ф. 450. Д. 708.

⁴ См.: Роднов М.И. Первое описание осады Уфы и предания о ростовском купце И.И. Дюкове // Река времени. 2013: уникальные свидетельства прошлого / Отв. ред. Ю.М. Абсалямов, Р.Н. Рахимов, М.И. Роднов. Уфа, 2013. С. 52–59; здесь же публикация источника.

Традиции церковного краеведения продолжались в трудах Льва Степановича Суходольского¹, а в 1864 г. выходит «Описание Уфы» М. Сомова, где показано состояние «старого собора», приводятся сведения о сооружении Смоленского собора, который был освящён в 1579 г. Эта не подтверждённая дата до сих пор широко используется в научной и краеведческой литературе. Используя не сохранившиеся записки, полученные от зятя В.А. Ребелинского, Сомов приводит ряд преданий о храме².

Одновременно, в конце 1850-х гг. начинается расцвет творчества Руфа Гавриловича Игнатьева, ведущего историка и краеведа второй половины XIX в.

Хотя образ Р.Г. Игнатьева сильно искажался в советское и последующее время, история православной церкви на Южном Урале была одной из ключевых в его трудах. Уже в 1866 г. выходит специальное исследование «Церковь свят. Троицы или старый (Смоленский) Собор в г. Уфе»³, первое научное, историко-краеведческое исследование главного храма края.

Игнатьев отмечает плохое состояние источников, называя и «Уфимский летописец» – «неизвестно на чём основанная, краткая хронология города с основания его и до 1826 года». Большая работа Р.Г. Игнатьева о Смоленском соборе – это одно из первых произведений только что переехавшего в Уфу краеведа, который начинал «осваивать» местные источники. При этом Игнатьев ссылался как раз на «Уфимский летописец» за 1852 г.

Но, сравнение источников показывает, что Р.Г. Игнатьев не видел оригинала газетной публикации, его отсылки не подтверждаются. Так, он утверждает, что в 1600 г. Казанскую церковь сломали, а на её месте возвели Смоленскую усилиями смоленских дворян, ссылаясь на «Оренбургские губернские ведомости» № 20 за 1852 г. Но в № 20 за 17 мая 1852 г. «Уфимский летописец» повествует о событиях только с 1783 г. По всей видимости, Руф Игнатьев пользовался какой-то рукописной копией, пересказом газетной статьи, дополненной иными сведениями.

¹ Суходольский Л.С. Взгляд на первые следы христианской веры в пределах Оренбургского края // Оренбургские губернские ведомости. 1854. 6, 13, 20, 27 марта, 3 апреля; 1858. 17, 24 мая, 14, 21, 28 июня; 1859. 3 января; Он же. Распространение христианства в земле Уральского казачьего войска // Там же. 10 января; Он же. Распространение христианства в Зауральском крае // Там же. 17 января; Он же. Распространение христианства в пределах Оренбургского края, в XVIII столетии // Там же. 24 января, 14, 21 февраля, 28 марта, 11, 25 апреля.

² Оренбургские губернские ведомости. 1864. 4, 11 апреля.

³ Игнатьев Р.Г. Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / Отв. ред. В.А. Лабuzов; сост. М.И. Роднов. Т. I: 1859–1866 года. Оренбург, 2011. С. 167–190.

В то же время Р.Г. Игнатъев очень подробно изучил сам собор (в его время Троицкую церковь), хранившуюся там церковную утварь, кладбище, остатки которого он наблюдал, пристальное внимание Игнатъев обратил на помянники (диптики), которые велись в Смоленском соборе, где записывались имена поминавшихся персон, от царей и митрополитов до уфимских дворян и купцов. Эта первичная документация, возможно, служила основой для последующих летописных сочинений.

Игнатъев установил имя одного из священников Смоленского собора. В Ильинской церкви Уфы на евангелии он нашёл подпись: «Евстафий протопоп Уфимский» (1693 г.). А в 1696 г. в грамоте уфимского воеводы Василья Леонтьева давались указания «соборные церкви протопресвитеру Стефану Евстафьеву»¹.

В дальнейшем Руф Игнатъев неоднократно обращался к истории Смоленского собора, тем более, что с одним из настоятелей его, о. Феодором (Агафоновым) он был хорошо знаком и в 1867 г. опубликовал некролог на его кончину². Игнатъев в памятной книжке за 1873 г. приводит сведения по Троицкой церкви, рассказывает об особо отмечавшихся праздничных днях, выделяет роль настоятеля Смоленского собора о. Иакова Неверова в обороне Уфы от пугачёвских шаек, подчёркивает его роль как духовного руководителя горожан, публикует некоторые его проповеди³, а также участие в борьбе с католическим влиянием ссыльных поляков⁴.

В 1876 г. Р.Г. Игнатъев публикует ещё одну статью «Заметки о церкви св. Троицы, прежнему Смоленском Кафедральном Соборе, в Уфе», где, повторив свои прежние выводы, впервые поведал о гибели части собора в 1824 г. При подготовке встречи императора Александра I епископ Амвросий (Морев) произвёл значительную реконструкцию храма, были сломаны два придела, уничтожено кладбище. Узнавший об этом Александр I сделал выговор епископу. Ранее в «Русской старине» вышли воспоминания о поездке Государя по России, где рассказывался данный сюжет, что позволило Игнатъеву предать огласке эту историю⁵.

В 1881 г. выходит заметка Игнатъева «Древняя икона Божией Матери Псковской в церкви св. Троицы, в г. Уфе»⁶. А вер-

¹ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. Т. 5. 1676–1700. СПб., 1842. С. 465.

² См.: Игнатъев Р.Г. Указ. соч. Т. II: 1866–1868 годы / сост. М.И. Роднов. Уфа [Электронный ресурс (и далее)], 2011.

³ См.: Там же. Т. IV: 1873 год. Уфа, 2011; др.

⁴ См.: Там же. Т. V: 1873–1875 годы. Уфа, 2011.

⁵ Там же. Т. VI: 1875–1879, 1862, 1864 годы. Уфа, 2012. С. 51–52.

⁶ Там же. Т. VII: 1880–1881 годы. Уфа, 2013. С. 158–159.

нувшись в конце жизни в Уфу, Р.Г. Игнатъев в письме городскому голове Д.С. Волкову пытался спасти от уничтожения старинный иконостас Троицкой церкви¹.

В 1880-е гг. попытку подготовить историю Уфы предпринял городской голова Д.С. Волков, по заданию которого в Москве были изготовлены качественные копии, в том числе первый известный полный список причта Смоленского собора из «Ландратской книги по городу Уфе», подворной переписи жителей, проведённой в 1718 г.² В Смоленском соборе служили:

Причт	Число душ в доме
Протопоп Иван Лаврентьев	6
Сын его дьякон Лаврентий	2
Ключарь Андрей Васильев	13 (в том числе 3 дворовых людей и 3 человека в семье дворника)
Дьякон Степан Алексеев	6
Пономарь Степан Иванов	3
Трапезник Евсей Серебряков	6

Рубеж XIX–XX вв. стал временем подъёма церковного краеведения, на что повлияло издание с 1879 г. «Уфимских епархиальных ведомостей». Кроме отдельных статей, где затрагивается история Смоленского собора / Троицкой церкви³, в 1899 г. преподаватель Уфимского духовного училища И.Е. Златоверховников выпускает объёмный труд по Уфимской епархии, где приводит сведения и по Троицкой церкви, бывшему Смоленскому собору, соглашаясь с датой его основания в 1579 г.⁴ Затем выходит фундаментальная работа Н.Н. Чернавского по Оренбургской епархии⁵, другие публикации.

Эти «классические» труды долгое время служили основным источником для местных любителей старины. Так, в 1909 г. история Троицкой церкви пересказывалась журналистом по сочи-

¹ Там же. Т. IX: 1883–1886 годы; работы разных лет. Уфа, 2013. С. 286–287.

² НА УНЦ РАН. Ф. 23. Оп. 1. Д. 10. Л. 66.

³ *Сосфенов Владимир*. Уфимские церковные колокола // Уфимские губернские ведомости. 1887. 8 августа; *Барсов Я.П.* Первые заселенцы и первые насадители христианства и гражданственности в Уфимско-Оренбургском крае // Там же. 1895. 19, 20, 28 января, 4, 5, 16, 17, 21, 23 февраля, 17, 18, 21, 23, 28 марта, 12, 13 апреля.

⁴ *Златоверховников Иван*. Уфимская епархия. Географический, этнографический, административно-исторический и статистический очерк. Уфа, 1899. С. 63–66.

⁵ *Чернавский Николай*. Оренбургская епархия в прошлом её и настоящем. Выпуск второй, с приложением 15 портретов // Труды Оренбургской учёной архивной комиссии. Вып. X. Оренбург, 1901–1902.

нениям Рычкова, Игнатъева, Златоверховникова¹.

После 1917 г. наступили десятилетия полного забвения². Лишь с конца 1980-х гг. история православной церкви вновь возвращается в работах историка Ю.Н. Сергеева³. Занимаясь в основном ранним периодом христианства на Южном Урале, он обходит вопрос о появлении Смоленского собора и не выделяет его историю, но приводит список настоятелей Уфимского кафедрального собора Казанской (Смоленской) Божьей Матери с XVI по первую четверть XIX вв. (протопопы). Хотя даётся ссылка только на два источника: «Оренбургские губернские ведомости» за 1852 г. № 21 (приведённая выше статья из «Уфимской летописи») и «Уфимских губернских ведомостей» за 1875 г. № 36 (публикация Р.Г. Игнатъева с упоминанием протопопа Андриана⁴), автор указал примерное пребывание протопопа Ивана Лаврентьева в 1720-е гг., установил начальные и конечные даты священников Смоленского собора, начиная с Я.С. Неверова⁵.

В дальнейшем Ю.Н. Сергеев определил ряд имён уфимских священников Смоленского собора и других храмов. Малочисленность источников не позволяет показать состав причта именно Богородицкого (Смоленского) храма, поэтому ниже приводится список всех известных на сегодняшний день священников, из которых лишь по второй половине XVIII в. точно известен состав духовенства главного храма Уфы.

С начала 1990-х гг. наступил новый этап в изучении православия на Южном Урале. Архивисты и краеведы подготовили сборник, где есть отдельная статья о Троицкой церкви⁶. Начинается подъём краеведческого движения, выходят статьи о Смоленском соборе, содержащие, с разной степенью подробности, общеизвестные факты из дореволюционной литературы,

¹ Зоркий. К истории древнейшей из уфимских церквей – Троицкой // Уфимский край. 1909. 18 июля.

² В истории города есть сжатая информация (История Уфы. Уфа, 1981). Историографию советской эпохи см.: Сергеев Ю.Н. Православное духовенство Южного Урала: очерки истории духовного сословия (вторая половина XVI–XVIII вв.). Уфа, 2004. С. 10–14.

³ Сергеев Ю.Н. Православная церковь в Башкирии – проводник политики царизма (вторая половина XVI – первая половина XIX в.). Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Куйбышев, 1990.

⁴ См.: Игнатъев Р.Г. Указ. соч. Т. VI. С. 39–40.

⁵ Сергеев Ю.Н. Православная церковь в Башкортостане (вторая половина XVI – середина XIX века). Уфа, 1996. С. 6, 74.

⁶ Шушпанов С.Г. Троицкая церковь // Васильева О.В., Латыпова В.В., Любимова О.И., Валеева М.Г., Ильясова Н.И., Шушпанов С.Г., Мохов В.В., Утябаев Р.А., Злимина Н.П., Егоров П.В. Дорога к храму. История религиозных учреждений г. Уфы. Уфа, 1993. С. 11–15.

часто в собственной интерпретации, без научно-справочного аппарата¹. В исследованиях В.Н. Захарова раскрывается география Уфимского кремля, где находился собор². Одновременно начинается издание источников³.

Результаты публикаций краеведов по истории Смоленской церкви со всеми легендами и догадками транслируются как многочисленными ресурсами Интернета, так и популярной беллетристикой⁴. Поэтому необходимы квалифицированные исследования, основанные на фактах, документальных свидетельствах, в первую очередь восстановление состава причта храма, до 1800 г. протоиереи (протопопы) Смоленского собора по сути возглавляли всё православное духовенство края.

Список настоятелей, протопопов (протоиереев) Смоленского собора и священников других церквей Уфы XVI–XVIII вв.:

Анриан (Адриан) (1593)

Стефан Васильев (1636)

Стефан Иванов и Иван Стефанов (первая половина XVII в.)

Фёдор Игнатьев (1647)

Евстафий (1693)

Стефан Евстафьев (1696)

Василий Емельянов (1707)

А. Яковлев (1718)

Иван Лаврентьев (1718 или 1720-е)

Матвей Афонасьев (1758)

Андрей Фёдоров

Яков Семёнович Неверов

В ту эпоху обычным было наследование детьми православного духовенства места отца и, повторимся, в документах указы-

¹ *Нигматуллина И.В.* Старая Уфа. Историко-краеведческий очерк. Уфа, 2007. С. 51–53 (1-е изд.: 2004); *Исангулов Тагир.* Троицкая церковь // Уфа: страницы истории. Ч. 2 / Сост. М.В. Агеева. Уфа, 2004. С. 122–123; *Буравцов Владимир.* Что имеем – не храним // Там же. С. 138–139; *Свице Я.С.* Первые храмы и монастыри города Уфы конца XVI–XVII веков // Там же. С. 104–122 (здесь приведены имена отдельных настоятелей). В сокращённом виде: *Свице Я.* Первые храмы и монастыри города Уфы конца XVI–XVII веков // Уфа: страницы истории / Сост. М.В. Агеева. Уфа, 2006; др.

² *Захаров Владимир.* Изыскания об Уфимском кремле. Дела военных инженеров, 1728–1759 гг. // Судебная связующая нить. Краеведческий альманах. Вып. 5 / Сост. Г.А. Иксанова. Уфа, 2008. С. 25–29; др.

³ *Свице Я.С., Ахметшина Т.* Сведения по истории Уфы и уфимских храмов по материалам из «Летописи градо-уфимской Троицкой церкви» диакона Петра Сухарева // Бирская старина: Историко-краеведческий альманах. Вып. 3. История Южного Урала: экономика, образование, религия / под ред. Ю.Н. Сергеева. Бирск, 2010; др.

⁴ См., напр.: *Ефимова Е.С.* Храмы Уфы. Уфа, 1999; *Круль Сергей.* Легенды Уфимского кремля: повесть. Уфа, 2015; др.

валось только отчество без фамилии. Это подтверждают записи в метрической книге Богородицкого собора Уфы за 1776 г., в заголовке проставлено: «протопопа Иакова Семионова и священников Семиона Дмитрева и Василья Михайлова»¹. Все священники записаны по отчеству, это Яков Семёнович Неверов, Семён Дмитриевич Ребелинский и Василий Михайлович Фрагранский.

Ситуация меняется с о. Якова (Неверова), духовного пастыря в самое трудное время пугачёвщины, который входил в штаб руководства обороной города, известны даже его речи.

В статье Игнатьева «Поминки по защитниках г. Уфы в пугачёвщину 1773–1774 годов», изданной в 1877 г., краевед в сноске указывает, что Неверов был похоронен при Успенской церкви и «умер чрез 20 лет после осады»². Однако, «Уфимский летописец» сообщает, что в 1782 г. храм возглавлял Василий Михайлов. Скорее всего, о. Иаков (Неверов) скончался в Уфе в начале 1780-х гг.

Следующим протоиереем собора был Василий Михайлович Фрагранский (Василий Михайлов из «Уфимской летописи» и рукописи ГИМа). Он уже служил в храме в 1782 г. Именно при нём в январе 1800 г. Смоленский собор стал кафедральным или архиерейским после открытия Оренбургско-Уфимской епархии. Теперь здесь служили сами архиереи, епископы.

Умер В.М. Фрагранский 23 апреля 1809 г. О смерти соборного протоиерея сделал запись в своём дневнике уфимский чиновник М.С. Ребелинский: «23 апреля 1809 г. В сей день помер соборной протопоп Василий Михайлов около 60 лет, служил протопопом около 27-ми лет», а 25 апреля «протопопа погребали; отпевал сам преосвященной со всеми градскими священниками, несли до кладбища с образами и со звоном»³.

Надгробие о. Василия Фрагранского, видимо, сохранялось около Успенской церкви до сноса храма в начале 1930-х гг. В летописи Успенской церкви, составленной в 1885 г. протоиереем Стефаном Константиновским, содержится перечень сохранившихся надгробий. «В ограде при Успенской церкви, на месте бывшего кладбища находятся до сего времени многие надгробия, из них известны по надписям: чугунная плита у входа в церковь с левой стороны над прахом уфимского кафедрального протоиерея Василия Михайлова Фрагранского, скончавшегося в 1809 году, 52 лет от рождения и жены его Евдокии Дмитриевой, без означения времени кончины её»⁴.

¹ ГАКО. Ф. 237. Оп. 75. Д. 538. Л. 334.

² Игнатьев Р.Г. Указ. соч. Т. VI. С. 127.

³ Архив Книжной палаты РБ. Ф. 1/1792(С). Дневник М.С. Ребелинского. Ч. I. Л. 188.

⁴ Свице Я.С. Исторический очерк «Летопись уфимской Успенской церкви»

В описи Успенского кладбища за 1910 г. была также указана могила Василия Михайловича Фрагранского, родившегося 22 апреля 1750 г., а умершего 23 апреля 1809 г. Под одним надгробием с ним лежала супруга Евфимия¹ Дмитриевна².

Материалы специального обследования уфимских кладбищ в 1910 г. совпадают со сведениями дневника М.С. Ребелинского. В.М. Фрагранский, следовательно, стал протоиереем Смоленского собора с 1782 г., когда скончался о. Иаков Неверов. Из дневника М.С. Ребелинского известно также о службе его отца³.

О духовенстве, служившем в XIX в., сведений сохранилось больше. Основными источниками по составу причта любой церкви в основном являются метрические книги. Но по Смоленскому собору они за первую треть XIX в. не сохранились, в архиве отложились только метрические книги приходской Троицкой церкви с 1862 г.⁴ Клировые ведомости, духовные росписи и другая приходская документация также не сохранилась совсем. В связи с этим большой интерес представляют данные двух ревизий 1811 и 1816 гг., в которых перечислен весь причт собора, с указанием возраста, состава семей и перемещений в другие храмы. Они показывают многочисленный состав духовенства, служившего при главном храме Уфы⁵.

Согласно «Уфимскому летописцу» с апреля 1809 по ноябрь 1810 г. Смоленский собор возглавлял протоиерей Гавриил Михайлов, перемещённый затем в Оренбургский собор. Затем настоятелем храма служил Илья Агафонов, при котором храм горел в 1816 г. По какой-то причине в указанных ревизских сказках нет сведений об этих двух протоиереях.

Зато можно составить более подробную биографию кафедрального протоиерея о. Илии Петровича Попова (1783 – после 1851). По всей видимости, он действительно был «родом из уфимских». Его отец священник Пётр Иванов (1763 г. р.) в ревизию 1795 г. служил священником в соборе и в 1807 г. был перемещён к градо-уфимской Рождества Богородской церкви. У священника Петра Иванова были, по крайней мере, два сына – Илья (будущий протоиерей) и Павел, бывший дьячком при соборе, и умерший в 1810 г. Вдова дьячка Павла Петрова по переписи

священника Стефана Константиновского (Летопись уфимской Успенской церкви) // Успенский сборник. Успенская церковь в истории Уфы / Отв. ред. М.И. Роднов, Г.О. Иванова. Уфа. 2014. С. 21.

¹ Правильное имя супруги о. Василия Фрагранского.

² Уфимский некрополь / сост. М.И. Роднов. СПб., 2015. С. 18, 33.

³ См.: *Свище Я.С.* Семья Ребелинских // Река времени. 2013. С. 77–87.

⁴ См.: НА РБ. Ф. И-294. Оп. 2. Д. 3.

⁵ Там же. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 122. Л. 31–37; Д. 350. Л. 12–20.

си 1816 г. жила в семье брата мужа.

Илия Попов окончил, располагавшуюся в Уфе, Оренбургскую духовную семинарию, и в 1807 г. был определён священником к Преображенскому собору Оренбурга. В декабре 1811 г. перемещён в уфимский собор. К 1816 г. о. Илия Попов был вдов, с ним жила семилетняя дочь. К 1824 г. о. Илия был уже кафедральным протоиереем, он участвовал во встрече императора Александра I в Уфе. При подготовке к визиту собор был значительно переделан, сломаны древние Петропавловский и Никольские пределы. Узнавший об этом император заметил: «Следовало бы стариною подорожить»¹.

Согласно «Уфимскому летописцу» Илия Попов служил до 1827 г., в 1851 г. являлся протоиереем уже Воскресенского кафедрального собора Уфы².

С 1827 г. протоиереем Смоленского собора состоял о. Александр Афанасьевич Кандарицкий. Он был в числе первых учеников, учреждённой в 1800 г. Оренбургской духовной семинарии. Из-за нехватки кадров, к преподаванию привлекались студенты старших классов, в том числе студент класса философии Александр Кандарицкий³. В 1836 г., по-видимому, он всё ещё являлся кафедральным протоиереем, указан в числе присутствующих Оренбургской духовной консистории⁴.

В 1842 г., после построения и освящения Воскресенского кафедрального собора, Смоленский собор был обращён в приходскую церковь. Главный храм переименовали в честь Святой Троицы, придел Святителя Николая – в честь иконы Смоленской Божией Матери. В судьбах древнейшего храма Уфимского края наступили новые времена.

Резко сократился штат, если в начале XIX в. при храме состоял многочисленный штат священников и церковнослужителей, то в 1873 г. остались один священник и два причетника, причём жалованье (83 руб. 96 коп. в год) получал только настоятель, «причетникам же жалованья неположено». Имелся деревянный церковный дом для причта. Приход же включал 77 дво-

¹ *Свице Я.С., Ахметшина Т.* Указ. соч. С. 118.

² Адрес-календарь Оренбургской губернии. 1851 года. Уфа, б. г. С. 76.

³ *Сергеев Ю.Н.* Православное духовенство Южного Урала в конце XVIII – первой половине XIX века (на примере Оренбургской епархии). Уфа, 2007. С. 111.

⁴ Адрес-календарь Оренбургского отдельного корпуса, Оренбургской губернии и Управления Оренбургского края по части пограничной, с присовокуплением кратких статистических сведений 1836 года. Оренбург, б. г. С. 135.

ров и свыше 400 чел.¹ В конце XIX в. при Троицкой церкви остались только священник и псаломщик, доход клира составлял 800 руб., к храму была приписана дер. Глумилино, всего приходжан насчитывалось 726 чел.²

Кроме того, исторический центр Уфы переместился в новую часть города, вокруг бывшего собора проживали в основном люди не очень состоятельные, возле реки складывалась торгово-промышленная зона из амбаров и лабазов. Доходы причта Троицкой церкви были весьма скромные.

Но традиции главного храма Уфимского края сохранялись, при Троицкой церкви с 1871 г. стали вести летопись храма, что требовали в пореформенный период для каждой церкви, сохранившуюся в архиве Национального музея РБ³. Этот источник, а также начавшие выходить адрес-календари и «Уфимские епархиальные ведомости» позволяют установить список настоятелей Троицкой церкви.

С 1838 г. здесь служил Матвей Емельянович Борецкий, затем протоиерей (в 1851 г. и, видимо, ранее), умер в 1860 г. Он состоял членом Оренбургского попечительства о бедных духовного звания в 1851 г., а в 1858 г. служил законоучителем в Уфимском уездном училище⁴.

В летописи Троицкого храма указано, что 12 декабря 1861 г. на свя-

¹ *Игнатъев Р.Г.* Указ. соч. Т. IV. С. 122.

² *Златоверховников Иван.* Указ. соч. С. 394, 396. В 1861 г. к Троицкой церкви были приписаны жители деревень Ветошниково и Мармылёво.

³ Автором основной исторической части летописи был дьякон Троицкой церкви Пётр Степанович Сухарев, служивший здесь с 1870 г. псаломщиком. Возможно, Пётр Сухарев принадлежал к семье уфимского духовенства. По крайней мере, в 1811 г. сторожем в соборе служил 21-летний Иван Стефанович Сухарев, отцом которого был Мензелинской округи села Городища пономарь Стефан Игнатъев. Можно отметить, что диакон Пётр Сухарев обладал не только исследовательским, но и литературным талантом. Историческая часть церковной летописи, которую он составил, является интересным краеведческим очерком, в котором приведены разнообразные, подчас уникальные сведения. Само повествование написано ярко и эмоционально, за каждой строчкой угадывается незаурядная личность автора, неравнодушного к истории своего города и храма. Из причта Троицкой церкви дьякон Пётр Сухарев выбыл в 1873 г. В начале 1880-х гг. он служил священником в селе Нагадаке Стерлитамакского уезда (*Гурвич Н.А.* Справочная книжка Уфимской губернии. Сведения числовые и описательные относятся к 1882–83 гг. и только весьма немногие – к прежним годам. Уфа, 1883. Отдел I. С. 59). В мае 1884 г. П.С. Сухарев скончался (Уфимские епархиальные ведомости. 1884. № 14. С. 421).

⁴ *Свице Я.С., Ахметшина Т.* Указ. соч. С. 119; Адрес-календарь Оренбургской губернии. 1851 года. С. 78; Адрес-календарь Оренбургского края на 1858 год. Оренбург, 1858. С. 171.

щенническое место поступил о. Фёдор Виссарионович Агафонов, возглавлявший приход до сентября 1867 г., затем переведён в Успенскую церковь¹. Священник Фёдор Агафонов активно занимался просветительской деятельностью, открыл при храме церковно-приходскую школу, автор ряда сочинений².

С сентября 1867 г. священником в Троицкую церковь был назначен о. Михаил Соколов, прослуживший в ней, по крайней мере, до 1870 г.³ В 1878 г. настоятелем являлся священник Николай Матвеевич Соколов⁴. Кроме пастырского служения, с начала 1870-х гг. он являлся преподавателем русского языка и географии в Уфимском епархиальном женском училище, в 1880–1884 гг. был членом совета училища⁵.

В ноябре 1885 г. к Троицкой церкви был перемещен священник Сергиевской церкви Пётр Сергеевич Юловский⁶.

С 1886 г. настоятелем храма являлся видный уфимский церковно-общественный деятель, священник, затем протоиерей Владимир Васильевич Сперанский (1853–1914). Владимир Сперанский был сыном протоиерея стерлитамакского собора, благочинного Василия Никаноровича Сперанского (1823–1879), в 1878 г. окончил Уфимскую духовную семинарию. Служил священником в сёлах Верхоторе, Топорнино и Поддубово, в 1886–1897 гг. в Троицкой церкви. В ноябре 1897 г. о. Владимир Сперанский был переведён в Благовещенский женский монастырь⁷. В разные годы священник Владимир Сперанский состоял членом консистории, наблюдателем церковно-приходских школ, членом совета епархиального женского училища, членом епархиального училищного совета, казначеем эмеритальной кассы, старшим членом попечительства о бедных духовного звания, членом епархиального ревизионного комитета и председателем правления Тихоновского попечительства при епархиальном женском училище⁸. О. Владимир был женат на дочери протоиерея градо-уфимской Успенской церкви Татьяне Степановне Константиновской. В начале XX в. семья Сперанских, жила на улице Большой Казанской в собственном каменном доме (или о.

¹ Свице Я.С., Ахметшина Т. Указ. соч. С. 119; Игнатъев Р.Г. Указ. соч. Т. II. С. 39–40 (некролог).

² См., напр.: Агафонов Ф.В. Отчёт о состоянии училища при церкви Святой Троицы (Старом Смоленском соборе) в г. Уфе // Уфимские губернские ведомости. 1866. 1 октября.

³ НА РБ. Ф. И-294. Оп. 2. Д. 11. Л. 440.

⁴ Там же. Д. 19. Л. 396.

⁵ Уфимские епархиальные ведомости. 1913. № 3. С. 27–28; № 5. С. 40.

⁶ Там же. 1885. № 24. С. 756.

⁷ Там же. 1896. № 12. С. 422–423; 1898. № 1. С. 5.

⁸ Там же. 1914. № 24. С. 521–523.

Владимир был владельцем этого дома) который сохранился до сегодняшнего дня (ул. Октябрьской революции, 58).

В 1897 г. к Троицкой церкви был переведён священник села Языково Виктор Семёнович Покрывалов¹, прослуживший здесь до середины 1920-х гг. В 1886 г. Виктор Покрывалов окончил курс Казанской духовной семинарии и в ноябре 1885 г. епископом Дионисием (Хитровым) был рукоположен в сан священника², до назначения в Уфу служил в селе Фёдоровке Стерлитамакского³ и Языково Уфимского уездов.

Уже с середины XIX в. Троицкий приход считался одним из беднейших в Уфе. Древний храм ветшал и требовал ремонта, средств на который не было. В 1912 г. усилиями о. Виктора и церковно-приходского попечительства начался ремонт церкви. Были подновлены стены и видимая часть фундамента, внутреннее убранство дополнено росписью в русско-византийском стиле. Обновлённой церковь простояла недолго, пожар внутри храма в 1916 г. нанёс убытку в 700 руб. Священник Покрывалов возобновил записи в летописи храма, которые не велись с 1885 г., где поведал о ремонте церкви, своей борьбе с сектой «безпоповщиков» в деревне Дубовке, об организации христианских чтений и открытии школы за рекой Белой «на бывших церковных лугах». О. Виктор Покрывалов внёс вклад в изучение истории Смоленского собора. На страницах «Уфимских епархиальных ведомостей» им были опубликованы небольшие очерки об истории двух древних икон, находившихся в Троицкой церкви: Николая Чудотворца и Смоленской Божией Матери⁴.

Духовенство Троицкой церкви оказалось в водовороте революции и Гражданской войны. В конце 1920-х гг. настоятелем храма (возможно, последним) был один из самых известных уфимских священников и общественных деятелей – Гавриил Иосифович Граммаков (1870 г. р.). По окончании Уфимской духовной семинарии и учёбы в Казанской духовной академии, с 1892 г. он служил преподавателем словесности и истории русской литературы в Уфимской духовной семинарии. С 1893 г. также состоял преподавателем в Уфимском епархиальном женском училище, затем инспектором классов. С 1897 г. был членом Уфим-

¹ Там же. 1898. № 1. С. 5.

² Там же. 1886. № 5. С. 141.

³ Памятная книжка Уфимской губернии на 1891 год. Уфа, 1891. С. 30.

⁴ Сказание о древней иконе Святытеля и Чудотворца Николая в Троицкой церкви г. Уфы // Уфимские епархиальные ведомости. 1908. № 22. С. 1010; Сказание о древне чтимой иконе Смоленския Божией Матери – Семиозерной, находящейся в Троицкой церкви г. Уфы // Там же. 1913. № 11. С. 308.

ского уездного отделения епархиального училищного совета¹. В 1901–1902 гг. принял сан священника, в конце 1903 г. освобождён от преподавательской службы и назначен вторым священником к церкви женского монастыря и благочинным церковью города², протоиерей с 1916 г.³

В сентябре 1917 г. состоялись выборы ректора Уфимской духовной семинарии. Из 14 кандидатов, в числе которых были бывшие ректоры Литовской, Волынской и Витебской духовных семинарий, большинством голосов был избран протоиерей Граммаков⁴. После окончания гражданской войны о. Гавриил служил в Благовещенском монастыре и Воскресенском соборе, в начале 1920-х гг. являлся одним из лидеров обновленцев⁵.

По всей видимости, в дальнейшем он перешёл на сторону последователей патриарха Тихона и митрополита Сергия (Страгородского), так как в 1926 – начале 1927 гг., являясь настоятелем Троицкой церкви, находился в подчинении епископа Иоанна (Пояркова). Вместе с прихожанами о. Гавриил Граммаков вёл борьбу с последователями епископа Андрея (Ухтомского)⁶. Сохранились свидетельства, что часть прихожан Троицкой церкви летом 1927 г. обращалась к властям с заявлением о разрешении организовать при Троицкой церкви вторую Андреевскую общину и отводе в её распоряжение левого (Смоленского) придельного алтаря⁷. В 1933 г. Свято-Троицкий храм был закрыт⁸.

Таким образом, изучение состава причта Смоленского собора, затем Троицкой церкви показывает резкие изменения в численности приходского духовенства. От многочисленного штата кафедрального собора, главного православного храма округа, состав причта сократился до одного священника и нескольких церковнослужителей рядовой Троицкой церкви. Но все прошедшие столетия в древнейшем храме Уфы служили яркие личности, оставившие свой след в православной культуре края.

¹ Уфимские епархиальные ведомости. 1902. № 14. С. 918; 1903. № 17. С. 1194.

² Там же. 1903. № 24. С. 1693.

³ Там же. 1916. № 10. С. 322.

⁴ *Ергин Ю.В., Свище Я.С.* Уфимская (до 1865 года – Оренбургская) духовная семинария – одно из старейших средних духовных учебных заведений России // Педагогический журнал Башкортостана. 2014. № 2. С. 141.

⁵ См.: Церковный рассвет. 1923. № 1–2 (январь), 3–4 (февраль).

⁶ НА РБ. Ф. Р-394. Оп. 1. Д. 527. Л. 120, 198–200.

⁷ Там же. Л. 297–298.

⁸ См.: Там же. Д. 2315.

**Воспоминания
(о краеведе П.Ф. Ищерикове, его семье, жизни
и смерти, о взрыве Троице-Смоленской церкви)**

Первый вариант (записан со слов)

Это был необычный человек, патриот Уфы, влюблённый в свою профессию, он болел душой за историю города. Свою будущую жену, Надежду Дмитриевну, Пётр Фёдорович Ищериков встретил в Спасской церкви, когда ей было всего 12 лет [возможно, здесь ошибка, ибо она родилась 19 августа 1894 г. – здесь и далее примечания мои, П.Е.]. Влюбился в неё он сразу и ходил за нею везде, пока не добился её руки. Она была дочкой священника Спасской церкви и жила в церковном доме [что стоит западнее храма в 20 м. Разумов Дмитрий Васильевич (~1853–1921) диакон Спасской церкви в 1914–1920 гг., с июня 1920 г. – священник; умер в октябре 1921 г. И.И. запомнила разговоры только о пребывании его в последнем сане]. Надежда и в старости имела очень красивые черты лица. Они жили очень счастливо; у них было четверо детей, все дети были красивыми, но судьба их не была счастливой...

Первый сын Ищериковых Фёдор умер ещё до войны. Вторая – дочь Ольга, была женою Алексея Давыдовича Ящука, начальника отдела кадров из Адмиралтейства. Она имела двух детей – Володю и Юру. Володя 1939 г. р. «прославился» тем, что труд всей жизни Ищерикова – 3 сарая материалов: его архивы, записи, книги, газеты и т. д. сдал в утильсырьё. Юра в детстве почти ослеп, у него 10% зрения оставалось, но помню, как он раскрашивал рисунки карандашами, работал на верстачке, у него была замедленная реакция, он туго соображал и умер в 26 лет примерно в 1973 г. также в Ленинграде. Третий сын П.Ф. и Н.Д. – Михаил, всю жизнь работал завучем в вечерней школе № 3, жену имел урождённую Вронскую. Четвёртый сын Ищериковых – Юрий, убили на фронте.

В детстве я дружила с Ольгой, это была очень простодушная, добрая, прямая девушка. Вся жизнь Ищериковых прошла в этом деревянном доме слева от Спасской церкви. Дети играли в мезонине, особенно веселилась озорница Ольга... Кабинет Петра Фёдоровича выглядел как кабинет учёного, с книгами (могу показать в доме эту комнату), но была одна странная вещь: на его рабочем столе стоял человеческий череп...

Как хлопотал Ищериков, чтобы защитить Троицкую церковь от уничтожения! Он был очень одинок, никто [из горожан] не возмущался особенно, а если кто чего и говорил, всех гоняла милиция: «Уходите, будем взрывать! Сейчас заберём всех, кто тут за церковь!» Я запомнила такую картину: после первого взрыва Ищериков бежит по улице Октябрьской (Казанской), его борода с проседью тряслась от ужаса. Он кричал: «Что наделали! Что наделали! У меня же три решения есть из Москвы о её сохранении!!..» Но мне кажется, он знал о готовящемся взрыве, пришёл заранее, кого-то его предупредил...

Было несколько взрывов, т. к. сразу взорвать не смогли, кладка была на яйцах [на растворе, замешанном на яичном желтке]. После второго взрыва колокольня упала на землю как подкошенная, целиком, даже не рассыпалась [на самом деле – рассыпалась, это в народном представлении (слышал и не раз), что она упала целою]. После нескольких взрывов церковь распалась на огромные куски, которые на кирпичи разъять было невозможно. Эти глыбы стали топить в Белой под монастырём в начале Золотухи. Видимо, на глубину им тащить было лень, и они долго выступали из воды, особенно в жаркое лето, когда Белая отступает, мелеет. Может быть, так и лежат, я не видела с тех пор...

Уничтожили фундамент церкви, заглубились дальше, тут же наткнулись на кладбище, бульдозерами начали выворачивать могилы. Огромное количество костей и черепов валялось кругом, перемешанное с землёй, мусором. Окрестные мальчишки измывались над ними, пинали ногами, давили.

Священником Троицкой церкви долгие годы был Покрывалов [Виктор Семёнович]. Человек довольно известный, его знали все вокруг, не говоря уже о троицких прихожанах, родители были с ними знакомы семьями. У него было три дочери: Дора, Катя и младшая Галя. Дочь Галя влюбилась в моего отца, Ивана Ильича. Моя мать пошла к Покрываловым и увидела извозчика, которого обычно посылали за Иваном Ильичём, стоящим у дома Покрываловых. Я уже не помню подробностей разговора Гали и моего отца, но Галя выговаривала ему за то, что его жена была на каком-то увеселительном мероприятии. Мать моя ничего не сказала, вернулась домой, а в следующее утро пришла жена Покрывалова с полчетвертью молока. Мать велела ей, этой «старой сводне», больше сюда не приходите. Умер батюшка Покрывалов в 1928 году, его схоронили с почестями у Троицкой церкви. Мой отец Иван Ильич умер в 1936 году.

Когда убрали Троицкую церковь и стали строить «монумент дружбы» [конец 1950-х гг.], начали срезать сам Троицкий холм.

Срывая пласт земли больше, чем на 2 метра, вырыли и священника Покрывалова во всём его облачении, с молитвенником в руках. Его череп сохранился вместе с каштановыми волосами (у него была характерная лысина и волосы по бокам), причём волосы были и внутри черепа [?]. Моя мама на похороны Покрывалова не ходила по личным причинам, но когда его вырыли, я пришла и сказала маме, и мы с нею пошли. Ребята хулиганы с Посадской улицы Кузнецовы надели на кол череп с волосами и лысиной и бегали так. Таскали несколько дней. Как мы ни пытались отнять у них Покрываловский череп, не получалось, они убегали, к себе не подпускали никого. Надевали на себя его сохранившиеся облачения и бегали так. Насаживали на палки и другие черепа. Мы стыдили их, но было бесполезно, одна женщина-татарка (Нэля Хасановна Хамзина) тоже пыталась пресечь это, ругала балбесов, взывала к их совести, требовала захоронить, так и говорила им: «Вы же русские, это же ваши!..», – а они над нею смеялись! Куда дели череп – не знаю. Не знаю.

Уничтожение Троицкой церкви сломило здоровье Ищерикову, он стал болеть. В [сентябре] 1961 году дочь П.Ф. Ищерикова Ольга, живущая с семьёй в Ленинграде, позвала отца к себе делать операцию на глаза, т. к. зрения у него почти не осталось. Но только ему сделали укол на операционном столе, он неожиданно умер... Похоронен Ищериков на Серафимовском кладбище, я была на его могиле с Ольгой. Вдова его, Надежда Дмитриевна, была убита горем. Как она горевала! Она была вне себя от того, что мужа похоронили там, а не в Уфе. Когда оставалась одна, садилась в угол к иконам, поставит перед собою мешочек с землёй с могилы Петра Фёдоровича, зажжёт свечку и плачет. Но при мне она никогда не плакала, это мне рассказывала Тамара Осокина [о ней в полном варианте воспоминаний]. Жизнь Н.Д. была нелёгкой, много ей пришлось перенести. До такой степени она тосковала, что надолго Петра Фёдоровича не пережила и вскоре умерла, году в 1968–1970-м, похоронена на Сергиевском кладбище в Уфе. Дочь Ольга тоже долго не прожила, умерла от рака и схоронена на Серафимовском кладбище, где отец.

Всё наследие Петра Фёдоровича постигла горькая участь. Ещё при жизни сам Ищериков говорил, что предлагал сдать свои архивы в Башкирскую академию наук, но они не взяли. После смерти деда внук Вова несколько раз приглашал к себе сотрудников музея и академии, и предлагал забрать архивы, но они всё не шли. Тогда ему надоело, он сгрёб всю «макулатуру» и на трёх грузовиках сдал в утильсырьё, а много фотографий, остатки бумаг свалил в овраг (со слов новой хозяйки их бывшей

квартиры). Вскоре сотрудники музея или академии явились и схватились за голову, так как дом по Октябрьской, 37 Вовка уже продал, поменял на квартиру и уехал в Ленинград. Сюда заселились новые жильцы, и, проходя мимо, уже я видела, как в их дворе уже какой-то колченогий мужичонка татарчонок [маленького роста] растапливал печь последними старинными книгами из сарая.

Второй вариант (написан лично по просьбе П.В. Егорова)

Это красивая, дружная, скромная, работающая семья. Пётр Фёдорович – глава семьи, известный в г. Уфе краевед, патриот города, влюблённый в свою работу, имел жену Надежду Дмитриевну, с которой познакомился, вернее, увидел её впервые, в церкви, когда ей было 12 лет, и влюбился. Годы шли, они потом стали встречаться, он сделал ей предложение, но семья была против, так как у него ничего нет, но всё же потихоньку шили ей приданное. В общем, Пётр Фёдорович впоследствии получил согласие на их брак. У них было четверо детей: старший Федя, который умер (по-моему) перед войной от туберкулёза, вторая Ольга 1917 г. рождения, третий Миша 1919 г. рождения, четвёртый Юра.

Мы с Ольгой дружили с детского сада, потом учились вместе в школе, затем она уехала учиться в институт в Ленинград и там вышла замуж (до войны), её муж работал в адмиралтействе, по окончании они жили (кажется) в Белой Церкви, где их застала война. Срочно семьи погрузили в эшелон, но дорогой этот эшелон разбомбили, и Ольга с двухлетним ребёнком Вовой добралась два с лишним месяца в Уфу к родителям. Родители очень страдали от неизвестности. И, наконец, в конце августа – начале сентября, где пешком, где как, она оборванная, босиком, грязная, во вшах, добралась до Уфы. С вокзала пешком голодная шла по улицам, а когда пошла по своей улице Октябрьской революции (бывшая Казанская), то концом юбки-клёш закрывала своё лицо, стесняясь, чтобы знакомые не увидели её в таком виде. Надежда Дмитриевна с большой осторожностью отпаивала куриным бульоном Ольгу и её сына Владимира, чтобы они не наелись досыта, ибо были истощены. 2 месяца она не знала, что с Ольгой. Вове было 2 года, и он говорил: «Мама, ешь! Мама, ешь!»

Но не надолго эта радость поселилась в их доме. Взяли на фронт Петра Фёдоровича и младшего сына Юру, и от Ольгиного мужа сведений какое-то время не было. Надежда Дмитриевна работала в больнице медицинской сестрой, очень горевала о сы-

не и муже.

Юру убили, а Пётр Фёдорович вернулся потом домой. Ольга после войны уехала к мужу, в то время он служил в Кёнигсберге. Старший сын Ольги Вова подрастал, и Ольга, боясь, что мальчик, играя и лазая, подорвётся на минах, отправила его к бабушке в Уфу.

Где-то в 1946 г. (может, я немного ошибаюсь) Ольга приехала рожать в отчий дом к своей маме, родился сын Юра, и так как в доме было холодно (отопление дровяное), он заболел воспалением среднего уха. Надежда Дмитриевна правильно поставила диагноз и предложила Оле делать уколы пенициллина, но детский врач не находила, что это воспаление. Время было упущено, а через две недели из уха потёк гной, и стали колоть, а гной весь не рассосался, и где-то давил на глазной нерв. Через несколько лет, где-то 5–6, Юра прибегает домой и говорит: «Мама! Зажги свет – темно!» Оля сказала: «Что ты! На улице белый свет». Оказывается, он ослеп. Из-за болезни ребёнка их перевели в Ленинград, Юре делали трепанацию черепа, через несколько лет – ещё раз. У него 10% осталось зрения и заторможенная реакция мышления и замедленный рост. В результате Оля урывками работала со слепыми, где учился её сын больной в школе для слепых...

Ищериковы жили трудно материально, но дружно, и теперь, вспоминая их, я восхищаюсь этой мудрой женщиной, имеющей четырёх детей, работая, живя в доме без всяких удобств. Воду на себе, печи, дрова, когда она успевала всё делать? А в доме был всегда порядок.

Пётр Фёдорович заручился тремя документами, в том числе и из Москвы, чтобы Троицкую церковь сохранить, как исторический памятник старины, ибо она была построена на месте основания г. Уфы, и в ней в подвале сидел Салават Юлаев. Но её взорвали где-то в 4–5 ч. утра. У нас всё в доме тряслось, мы выскочили, и когда второй взрыв был, то отдельно стоящая колокольня, как подкошенная рухнула пополам. Взрывали целую неделю, до того прочная кладка, а остатки, которые не разбивались, отвезли в разные места в реку Белую, и долго ещё эти глыбы летом видно было. Пётр Фёдорович бежал из дома по Октябрьской, пиджак едва накинутый, борода трясётся от сильного волнения, и он только говорил: «Что наделали, что наделали! Ведь у меня есть 3 решения о сохранении этого памятника!»... Он говорил, что в его сараях битком набиты газеты и т. д. и он предлагал весь этот материал в академию наук, но почему-то не соглашались, время тянули...

И он заболел – давление глазного дна, и ему была предло-

жена операция. Ольга стала настаивать, чтобы её сделали в их адмиралтейской клинике в г. Ленинграде, что мама в возрасте, и что Оля будет за ним ухаживать и потом привезёт домой. Ему сделали укол, но до операции дело не дошло, ибо он на столе умер. Похоронен он на Серафимовском кладбище в г. Ленинграде (в то время он так назывался). Надежда Дмитриевна настолько горевала, что мешочек с землёй с могилы мужа стоял на століке всегда перед ней, но она такая была мужественная женщина и никогда при людях не плакала, а сама мучительно страдала.

Перед войной у Ищериковых забрали половину дома, и там поселилась семья. Дом был жактовский. Внук Надежды Дмитриевны Вова женился и захотел жить у бабушки в Уфе, и они некоторое время жили, но его жена была единственная дочь у матери своей, да с больным сердцем, и её тянуло домой в Ленинград.

Я уже не помню, какой это был год, я поехала на экскурсию по путёвке в Ленинград, и Надежда Дмитриевна попросила передать Оле 3-хлитровую банку мёда. На обратном пути Оля дала мне два поручения для мамы и сына. Как раз были именины – Вера, Надежда, Любовь, и поэтому, я пошла через день, сказала, что надо, а она мне только сказала: «Ну, больше она меня и не увидит». (Дело в том, что Оля отдыхала всегда только в Уфе у мамы, ибо сын слепой, а тут впервые она отдыхала у своей свахи на даче со всей семьёй в т. ч. и со снохой). А поручение для Вовы я смогла передать только спустя ещё 4 дня. И когда пришла, то от изумления чуть не упала: от Ольги уехала, и приехав, снова вижу Олю в Уфе, а в доме в гробу – Надежду Дмитриевну.

До этого я спросила Надежду Дмитриевну, почему она с такой уверенностью говорит о своей смерти, она сняла кофточку и показала мне синяки по рукам и телу и сказала, что у неё лопаются сосуды. Мы её проводили в последний путь на Сергиевское кладбище...

В конце концов, после смерти Надежды Дмитриевны Вова обменялся с какой-то женщиной квартирами и потом он ту квартиру обменял на Ленинград. Проходя мимо дома Ищериковых, я увидела много выставленных в горшочках цветов, а было холодно. И узнала от новой жилички, что теперь она тут живёт, что Вова всё выставил, что из сараев архив Петра Фёдоровича сдал Вова в макулатуру, а все фото выбросил в овраг, что приходил кто-то из академии наук и зашёл в сарай, где ещё были кое-какие книги. А по словам этой новой жилички, сосед во второй половине живущий – растапливал ими печи. Человек, назвавший себя из академии наук, за голову хватался.

Через некоторое время, я подряд каждый год встречалась с Олей, так как мой зять учился в военной академии в Ленинграде, и свой отпуск я проводила там. Слепой младший сын Ольгин умер лет 26-ти, и впервые Ольга имела возможность съездить на Чёрное море, откуда она мне писала, что теперь всегда будет ездить отдыхать на море, но солнце южное не пошло ей на пользу: она нажарила себе рак и вскоре умерла.

Последний раз я была по путёвке в Сестрорецке, и Ольгина семья пригласили меня в гости (сын с семьёй и муж Олин Алексей Давидович соединились и жили около «Авроры»). Мы ходили на Серафимовское кладбище, где недалеко от отца схоронена и Ольга. У неё остались сын и две внучки, одну звали Олей, имя другой не помню.

Примечания.

Первый вариант воспоминаний записан мною в 1996 г. Примерно через год я попросил Ираиду Ивановну записать всё собственноручно, но не показывал мою запись, так сказать, ради «чистоты эксперимента», что она сделала 28 апреля 1997 г., и получился второй вариант. Затем мне показалось, что некоторые эпизоды раскрыты не полностью, и я с её слов делал вставки в первый вариант, отчасти записывая на диктофон в июле 2002 г. Кроме рассказа о семье Ищериковых, она поведала мне о зданиях по улице Казанской, об отдельных старожилах Уфы, о Спасской церкви, Благовещенском монастыре и т. п. (сюда не включено). Далее я дополнял у И.И. Селезнёвой первый вариант воспоминаний трижды (один раз по моей просьбе к ней ходила Р.Г Юнусова, навещая уже больную, прикованную к постели Ираиду Ивановну).

Таким образом изучение Троицко-Смоленской церкви само стало обрастать историей. К сожалению, никаких новых фотографий её и вообще старой Уфы у И.И. не сохранилось. Всю жизнь она прожила в уютном деревянном доме на Троицкой (Первомайской) площади, в нескольких десятках метров от своей церкви. Замечу, что об этом храме и вообще об улице Казанской, это самый богатый из собранных мною рассказов.

Во второй вариант правок я не делал, сохранив к тому же и саму тетрадку, написанную её рукой. Ради точности информации оба варианта воспоминаний не объединены воедино, а оставлены, как они были записаны. В скобках даны мои пояснения.

(публикация П.В. Егорова)

Пётр Степанович Ефтюгин

В истории нашего края есть немало известных фамилий, угасших со временем и прочно забытых потомками, но в свою эпоху сыгравших важную, а подчас и выдающуюся роль. К числу таких родов относятся Ефтюгины (Евтюгины), входившие в состав управленческой и социокультурной элиты Оренбургской губернии на протяжении почти столетия.

Отец Петра Степановича – Степан Ефтюгин начал канцелярскую службу в Исетской провинции в середине XVIII в. Поспешность в создании этой провинции Оренбургской губернии не могла не сказаться на уровне подготовленности управленческого аппарата. Учреждённая в 1737 г., в обстановке самого ожесточённого башкирского восстания, Исетская провинция не была укомплектована даже минимальным числом канцелярских служащих. Как выяснилось уже после создания провинции, её центр (Чебаркульская крепость) был крайне неудобен в административном отношении. Лишь в 1743 г. губернатор И.И. Неплюев принял вполне рациональное решение, перенеся всё управление провинцией в Челябинск.

В Российской империи середины XVIII в. не имелось более прецедентов, когда второй человек в системе управления провинцией не имел даже XIV чина. Тем не менее, в 1742 г. должность секретаря провинции исполнял канцелярист Михаил Черемисинов¹. Напомним, что провинциальный секретарь в середине XVIII в. приравнивался к дьякам с приписью при уездных воеводах. Должность соответствовала XIII классу петровской табели. Даже спустя пять лет после создания Исетской провинции служащие не имели окладов и не получали жалования.

В 1742 г., несмотря на многократные обещания воеводы Исетской провинции, никто из штата провинции (2 канцеляриста, 3 подканцеляриста, 8 копиистов) не был официально введён в должность. Глава канцелярии провинции Михаил Черемисинов, обременённый большой семьёй, был вынужден сам пахать землю, пожалованную его отцу драгуну. Во время губернаторской ревизии провинции 1780 г. выяснилось, что среди копиистов Исетской провинции числились четыре человека, которые практически не умели читать и писать².

¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 146. Л. 299.

² НА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 45.

Лишь в 1761 г. утвердили штатное жалование служащим Исетской провинции, по которому были установлены весьма высокие оклады всем служащим. С этого времени пять канцеляристов Исетской провинции получали 130 руб. в год, 20 копиистов по 60 руб. в год¹. В результате через пять лет гражданские служащие Исетской провинции в своём наказе в Уложенную комиссию попросили правительство позволить им приобретать дворовых людей в соответствии с рангом: «Приказным служителям, яко то протоколисту, регистратору, канцеляристам и прочим повелеть по рангам их покупая иметь дворовых людей по пропорции, сколько каждой чин, ибо они от трудов приказных всегда неотлучны бывают, паче же и в отлучках в комиссиях довольно бывают, а в города имеются дома неминуемо по полицейской должности содержание рогаточных караулов в чистоте улиц на них и прочих всякие тягости несут»².

Среди тех, кто подписал наказ от жителей Исетской провинции, значился и подканцелярист Степан Ефтюгин, затем коллежский регистратор, первый чин, освобождавший от телесных наказаний. В 1766 г. на него подал жалобу коллежский регистратор Андрей Колесников, который обвинил его в незаконном получении этого чина. Ефтюгин якобы стал коллежским регистратором не благодаря усердию и рвению, а по протекции своего брата. В жалобе отмечалось, что Степан Ефтюгин происходил не из дворян, имевших преимущество при получении чина, а из драгунских детей. Колесников жаловался, что Степан Ефтюгин произведён в коллежские регистраторы «случайно», из младших канцеляристов. Колесников выслужил канцеляристом 12 лет и регистратором 7 лет, а Ефтюгин пробыл канцеляристом лишь 7 лет, а в протоколисты переименован только через полтора года. По утверждению Колесникова, Ефтюгин получил чин «по проискам его через брата его в той Оренбургской канцелярии, находящегося у дел секретаря Ивана Боброва»³.

Секретарь Иван Бобров был включён в штат Оренбургской экспедиции ещё при первом начальнике И.И. Кирилове. В его послужном списке от 1742 г. значилось, что до экспедиции он служил подьячим в «Доме Ростовского архиерея»⁴. Родство Степана Ефтюгина с Иваном Бобровым представляется очень важным не только с точки зрения карьерных успехов челябинского протоколиста. Дело в том, что Иван (Меньшой) Бобров оказался в Оренбурге, как и многие первые оренбургские жители, не по

¹ Там же. Л. 118.

² РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 109. Л. 49.

³ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4. Л. 121.

⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 142. Л. 27.

своей воле. Бывший архиерейский подьячий имел отношение к известному делу бывшего фаворита Петра II – князя Ивана Алексеевича Долгорукова, лично подделавшего императорскую подпись под фальшивым завещанием Петра II. Согласно с этим подложным актом, после смерти императора престол должен был перейти к наречённой невесте императора княжне Екатерине Алексеевне Долгоруковой, которая была родной сестрой Ивана Алексеевича. Иван Бобров был обвинён в контактах с опальным фаворитом: «Сам вместе с ссыльным Долгоруким в квартире реченого капитана Михалевского и был и обедал за что и сослан в Оренбург с женой и детьми»¹.

С точки зрения этики сословной культуры середины XVIII в. странно, что князь и всесильный фаворит, пусть даже и бывший, обедает в обществе архиерейского подьячего. Очевидно, что Бобровы и Ефтюгины не относили себя к слою скромных канцеляристов, знавших своё место. Именно этим обстоятельством, видимо, объясняется, что именно протоколист Степан Ефтюгин стал инициатором самого грандиозного сенатского расследования второй половины XVIII в. в Оренбургской губернии².

В 1766 г. Ефтюгин сообщил правительству о многолетнем и крупномасштабном хищении провианта в Исетской провинции. Будучи провиантским повытчиком, Степан Ефтюгин заявил своему непосредственному начальнику об обнаружении им у провиантских вахтёров «фальшивой книги о приходе провианта». В ходе первичного дознания, которое вёл подпоручик Гурьянов, выяснилось, что местные служащие вносили в журналы сведения о приходе провианта, которые не имели ничего общего с реальными поступлениями. Разница оседала в карманах целой группы служащих во главе с главой канцелярии. Гурьянов насчитал по ведомостям «на первый случай ущерб для казны в провианте до 30 000 рублей». Уже после доклада Гурьянова, в Челябинск по приказу губернатора был послан подполковник Арбеков, который не только подтвердил сведения подпоручика Гурьянова, но и указал на значительно более масштабные злоупотребления. Расследование велось в общей сложности 12 лет.

Столь длительный срок объясняется не только неторопливостью российской фемиды, сколько последствиями пугачёвщины, на которые ссылались подсудимые. Фигуранты дела отказывались предоставлять отчётную документацию на том основании, что все дела были уничтожены во время взятия Челябинска повстанческой армией в феврале 1774 г. Тем не менее, сле-

¹ Там же. Л. 18.

² Там же. Л. 27.

дователи доказали, что «делам сожженным быть не можно, для того, что канцелярия имела выход со всеми нужными делами под прикрытием воинской команды в пригородки, где никого от замешательства разграбления не было»¹. Примечателен итог процесса. Решение, оглашённое в 1778 г., могло быть вынесено в любую другую эпоху нашей истории. Виновным в ущербе был признан один «бывший при провиантском магазине пищик». Был составлен документ «о краже и продажи им самим сделанной провианта и овса до 2000 четей»².

По утверждению полковника Арбекова новый воевода Исетской провинции Хвостов целенаправленно «старался закрыть виновных». При этом Арбеков доложил в Сенат, что «Вышеназванный подпоручик Гурьянов, будучи определенным [в] ту же комиссию с провиантской стороны депутатом, докладывал еще, что когда был[а] Исецкая провинциальная канцелярия на затребование всех сведений прислала, что непременно ущерба могло открыться на 65000 рублей»³.

Степан Ефтюгин, прекрасно понимая, куда клонится следствие, развил бурную деятельность. Ему удалось взять показания у крестьянских старост, поставлявших провиант в счёт подушной подати. В ходе расследования он доказал, что крестьянам было приказано засчитывать за хлебный сбор по одному рублю за четверть ржи. Однако исетские чиновники, пользуясь неосведомлённостью и забитостью крестьян, взимали подати не зерном, а мукой. Таким образом, Ефтюгин выяснил, что «за примольную из ржи муку с каждой четверти четверик, за которую должно было по прежним узаконением выдавать только по 2 копейки за помол за четверть, то и от сей выдачи оказалось переданных денег 1800 рублей»⁴.

Тем не менее, инициатива и открытия протоколиста Ефтюгина отнюдь не получили должного признания начальства. Более того, он был обвинён, что «научал крестьян входить со всех до них не принадлежащими и не справедливыми просьбами, которые в том показали, что они были научены от него Ефтюгина»⁵. Когда же комиссия начала допрос Ефтюгина на предмет его контактов с крестьянами, Ефтюгин «с надменностью сказал, что он и доносить не хочет». В результате протоколист «в рассуждении явного неповиновения и упрямства посажен до решения

¹ Там же. Л. 39.

² Там же. Л. 47.

³ Там же. Л. 121.

⁴ Там же. Оп. 80. Д. 6539. Л. 12.

⁵ Там же. Л. 17.

дела под караул о чем Правительствующему сенату донесено»¹. Исход данного дела был вполне предсказуем. В махинациях с поставками провианта были заинтересованы все звенья управленческого аппарата Исетской провинции – от воеводы до последнего пищика. Ситуация напоминала известный анекдот, если преступление выгодно всем, тогда это уже как бы и не преступление. Об интересах крестьян думали в последнюю очередь.

Не случайно, что в своём наказе в Уложенную комиссию исетские служащие просили правительство разрешить отставным своим коллегам участвовать в провиантских подрядах². Тем не менее, независимо от мотивов, позиция протоколиста Ефтюгина, отважившегося на одиночное противостояние с системой, заслуживает уважения.

По всей видимости, это расследование привело к отставке, если не к смерти Степана Ефтюгина. В формулярных списках Исетской провинции от 1785 г. его имя отсутствует. Однако с 1782 г. в Челябинской нижней расправе начинает служить его сын – Пётр Степанович Ефтюгин. Он родился в 1766 г. По формулярному списку 1785 г. он выходец из подьячих³, но в формуляре за 1820 г. отмечено уже дворянское происхождение. Формулярные списки служащих XIX в. считаются достаточно достоверным источником. Вместе с тем, в самих требованиях их заполнения были законодательные лакуны, позволявшие очень вольно толковать вопрос о сословном происхождении, если чиновник уже оформил свои права на потомственное дворянство. Во всяком случае, согласно данным В.А. Новикова, Ефтюгины⁴ были включены в дворянскую книгу Оренбургской губернии между 1800 и 1818 гг.⁵

В списках 1785 и 1820 гг. разнится и год вступления в службу Петра Степановича Ефтюгина: 1782 и 1781 гг. Дело в том, что лишний год выслуги для надворного советника имел большое значение. В 1791 г. Ефтюгин получил первый классный

¹ Там же. Л. 19.

² Там же. Ф. 342. Оп. 1. Д. 109. Л. 51.

³ НА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 17. Л. 164.

⁴ С 1786 г. в Оренбургской области Уфимского наместничества в губернском магистрате секретарём I департамента служил Фёдор (Иванович) Ефтюгин (Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1786. Б. м. и г. С. 318), на 1788 г. коллежский регистратор (Там же 1788. СПб., б. г. С. 309), в 1789 г. стряпчий второго департамента (Там же 1789. Б. м. и г. С. 300), по 1793 г. и далее (?).

⁵ Новиков В.А. Сборник материалов для истории Уфимского дворянства, составленный В.А. Новиковым в 1879 году, продолженный и дополненный до 1902 года включительно, депутатом Уфимского дворянства Н.А. Гурвичем. Уфа, 1903. С. 47.

чин – коллежского регистратора. Правительство Елизаветы Петровны, чтобы ограничить доступ к чинам, дающим дворянство, установило 8-летний срок пребывания в должности канцеляристов, после чего их разрешалось жаловать в регистраторы¹. Согласно списку 1785 г., на момент его составления Ефтюгин был ещё подканцеляристом. В 1820 г. он указал, что стал канцеляристом в 1782 г. Для того, чтобы исполнить 8-летний ценз, Ефтюгину было необходимо стать канцеляристом не позже 1782 г. Указание на дворянское происхождение позволяло вовсе обойти 8-летний срок. Интересно, что в формуляре 1820 г. указано, что сведения о службе были получены у самого Петра Степановича Ефтюгина «по представленного от него за подписом списке». Почему секретарь канцелярии не счёл необходимым справиться с формулярными списками 1785 г., сказать трудно. Возможно, Ефтюгин мог сослаться на уничтожение архивных документов Челябинска во время взятия его пугачёвцами в феврале 1774 г. Во всяком случае, эти, казалось бы, малозначительные детали карьеры, свидетельствуют, что Пётр Степанович мог позволить себе довольно широко трактовать вопросы служебной этики.

Если верить формулярному списку 1820 г. Евтюгин стал канцеляристом в 1783 г., губернским регистратором в 1786 г., коллежским регистратором в 1791 г. В 1794 г. он переводится на должность зауряд-секретаря в Уфимский земский суд. В месяцеслове за 1796 г. в Уфимском нижнем суде действительно значился «секретарь зауряд» Пётр Ефтюгин². В том же году Пётр Степанович «переводится к делам» оренбургского гражданского губернатора князя Баратаева. Иван Мельхиседекович Бараташвили служил в крае с 1787 г. и занимал сначала должность председателя Уфимской казённой палаты, а затем и гражданского губернатора³.

В конце XVIII в. перевод из судебного ведомства в финансовое учреждение не являлся экстраординарным явлением. Достаточно упомянуть сослуживца Ефтюгина и будущего его зятя Михаила Семёновича Ребелинского, который так же перешёл из гражданской в казённую палату⁴. Однако, случайными подобные переводы чиновников не являлись. Служащие казённой палаты должны были обладать определёнными качествами, среди

¹ *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство XVIII в.: формирование бюрократии. М., 1974. С. 137.

² Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1796. СПб., б. г. С. 348.

³ *Семёнов В.Г., Семёнова В.П.* Баратаев М.М. // Башкирская энциклопедия. Т. 1. Уфа, 2005. С. 319.

⁴ НА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 346. Л. 98.

которых особо ценились способность изыскивать казне дополнительные доходы или добиваться сокращения расходов. Судя по стремительному продвижению по службе, Пётр Степанович об­ладал этими качествами в полной мере. В 1796 г. он получил чин губернского секретаря, а в 1799 г. – титулярного советника, как сказано в формуляре, «за расторопность и усердие». Возможно, что навыки и знания в финансовых вопросах Пётр Степанович унаследовал от своего отца, который в своё время раскрыл финансовые махинации служащих Исетской провинции. В том же 1799 г. он переходит к делам нового гражданского губернатора – Ивана Онуфриевича Куриса, который пробыл в крае до 1800 г.

В 1799 г. Пётр Степанович получил очень важный для него чин коллежского асессора, дававший права потомственного дворянина, а, следовательно, возможность обзавестись поместьем с крестьянами. После Куриса на посту гражданского губернатора последовательно побывали тайный советник Глазенап, действительный статский советник Вразский, тайный советник Фризель. В 1806 г. Петру Степановичу был пожалован чин надворного советника. Место службы Евтюгина оставалось неизменным вплоть до 1810 г., когда он был переведён советником в Оренбургскую казённую палату. В 1816 г. он должен был по выслуге лет получить чин коллежского советника. Однако, судя по сведениям месяцесловов, следующего чина Пётр Степанович не дождался. Вплоть до 1824 г. он оставался на должности советника казённой палаты в чине надворного советника.

В формулярном списке 1814 г. Пётр Степанович указал, что владеет 14 ревизскими душами в сельце Авдон¹. В материалах Генерального межевания по Уфимскому уезду такой населённый пункт, как и его владелец, не отмечены. Вместе с тем, основные мероприятия по межеванию Уфимского уезда были закончены уже к началу XIX в. Деревня Авдон появилась между V и VI ревизиями, а точнее первые крестьяне были куплены Петром Степановичем Ефтюгиным в 1809 г. Он, в частности, приобрёл две ревизские души у коллежского советника Воронцова, одного человека у коллежской асессорши Кротковой, две души у генерал-лейтенанта Левашова и три души у титулярного советника Фёдора Ефтюгина. Кроме того, в 1811 г. он купил у капитана Каменева ещё четырёх крестьян, которых перевёл в Авдон из Симбирской губернии².

Населённый пункт в ревизских сказках назван деревней, в 1816 г. имение Авдон названо сельцом. Им раздельно владели

¹ Там же.

² Там же. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 67. Л. 155.

два хозяина – сам надворный советник и его супруга Анна Ефимовна. Причём, если за мужем было записано 15 душ мужского и 13 женского пола, то за супругой числилось 13 мужского и 12 женского пола. Интересно, что под сказкой вместо матери расписался её сын губернский регистратор Павел Ефтюгин. Следовательно, у Петра Степановича была не только дочь¹. Действительно, в формулярных списках 1820 г. отмечен коллежский регистратор Павел Петрович Ефтюгин, служившей в Оренбургской палате гражданского суда. Он родился около 1798–1799 гг., именно тогда, когда его отец получил чин, дававший права потомственного дворянства. Однако в формулярных списках 1825 и 1827 гг. имя сына Петра Степановича уже не упоминается. Очевидно, Павел Петрович не на долго пережил своего отца.

В результате сельцо Авдон полностью перешло дочери Петра Степановича – Надежде Петровне (муж – Михаил Семёнович Ребелинский). Она получила первую свою долю наследства во второй половине 1828 г. Ей достались 15 душ мужского и 13 душ женского пола, за её матерью ещё числилась вторая половина имения в сельце Авдон². К этому времени Надежда Петровна успела овдоветь и выйти вторично замуж за Василия Ивановича Фомичёва³. Он, как и первый муж, служил в Уфимской казённой палате и также не имел благородных корней. В дворянское собрание Оренбургской губернии Фомичёв принят только в 1824 г. Благодаря ордену Анны 3-й ст. был внесён в первую часть дворянской книги⁴.

Василий Иванович родился в 1781 г., в 1796 г. вступил в Оренбургскую межевую контору копиистом. К 1806 г., будучи уже коллежским регистратором, перевёлся в штат удельной конторы, а в 1813 г. получил чин титулярного советника. В 1817 г. Василий Иванович переводится в Оренбургскую казенную палату чиновником по особым поручениям по отделению питейного сбора. В 1818 г. Василий Иванович был награждён орденом святой Анны 3-й степени⁵. До женитьбы на Надежде Петровне Ребелинской у Фомичёва уже было имение Никольское, Фомичёво тож с 18 ревизскими душами. В 1853 г. Никольское унаследовали два его сына от первой жены – титулярный советник Павел и корнет Гавриил. В Никольском числилось 65 ревизских душ и

¹ Там же. Д. 609. Л. 9–10.

² Там же. Д. 352. Л. 155.

³ См. также: *Свище Я.С. Семья Ребелинских // Река времени. 2013: уникальные свидетельства прошлого / Отв. ред. Ю.М. Абсалямов, Р.Н. Рахимов, М.И. Роднов. Уфа, 2013. С. 80–81.*

⁴ НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 584. Л. 6.

⁵ Там же. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 691. Л. 37.

400 дес. пашни¹. На 1861 г. селение находилось в собственности наследников Фомичёвых, а выкупную сделку с крестьянами в 1863 г. заключал уже единственный владелец – коллежский секретарь Василий Павлович Фомичёв².

К 1850 г. у сельца Авдон был только один хозяин – гвардейский штаб-ротмистр Михаил Михайлович Рембелинский, добавивший к своей фамилии букву «м» (в документах употреблялись оба варианта). Интересно, что из четырёх ревизских душ две достались по наследству от матери надворной советницы Надежды Фомичёвой в 1850 г., остальные две души купил у неё же³.

В 1857 г. Уфимский уездный суд вызывал майора Михаила Михайловича Ребелинского по взысканию с него губернской секретаршей А.Г. Бреевой 571 руб. 43 коп. сер. «за вырытие в даче её камня и истребление леса на обжиг извести»⁴. А в конце 1861 г. уже сам майор Михаил Михайлович Рембелинский возбуждал дело «о взыскании им с Бирского купца Уткина по заёмным письмам денег 3398 руб. 99 коп. серебром»⁵.

Но имение в Авдоне он продал. На 1861 г. поместье в селе Авдон (Евтюгино) – 33 двора, 1790,5 дес. и 208 чел. крепостных крестьян принадлежало Фёдоровой. Дворовых и, видимо, усадебных не имелось, хотя имением управляла сама владелица. В селе строилась церковь⁶. Губернская секретарша Надежда Васильевна Фёдорова и договорилась к 1863 г. с крепостными (89 рев. душ) села Авдонова, Евтюгино тож о выкупе за 10 680 руб.⁷

В Авдоне появился православный храм. После освящения в Уфе 17 октября 1861 г. новой каменной Ильинской церкви, стоявшая рядом старинная деревянная церковь была разобрана «и отдана в село Авдон, Уфимского уезда, где и освящена во имя Св. Сергия Родонежского Чудотворца». Краевед Р.Г. Игнатьев добавлял, что церковь «Св. Сергия Родонежского, в селе Авдоне, деревянная, построена в 1861 г. помещиком Сергеем Николаевичем Фёдоровым»⁸.

В уфимском краеведении хорошо известен внук Петра Степановича Ефтюгина – Михаил Михайлович Ребелинский, ко-

¹ Там же. Д. 2840. Л. 43.

² Оренбургские губернские ведомости. 1863. 20 июля. В.П. Фомичёв входил в число первых трёх мировых посредников в Уфимском уезде (Там же. 1861. 27 мая), что говорит о культурных традициях семьи.

³ НА РБ. ф. И-138. Оп. 2. Д. 609. Л. 9.

⁴ Оренбургские губернские ведомости. 1857. 30 марта.

⁵ Там же. 1861. 18 ноября.

⁶ См.: Река времени. 2011. Уфа, 2011. С. 59, 127.

⁷ Оренбургские губернские ведомости. 1863. 2 февраля.

⁸ Игнатьев Р.Г. Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / сост. М.И. Роднов. Т. IV: 1873 год. Уфа [Электр. ресурс], 2011. С. 84, 129.

торый составлял записки, фрагменты их были скопированы Д.С. Волковым и, благодаря этому, дошли до наших дней¹. Без сомнения, литературно-краеведческие увлечения появились не на пустом месте. Во второй половине XVIII в. по всей стране складываются, так называемые, «культурные гнёзда», включавшие образованное чиновничество, дворянство, духовенство. Происходит постепенный переход от летописного наследия к созданию исторических исследований в духе новейшей европейской традиции, расцветает мемуаристика. «Кружки образованных и грамотных единомышленников, – неотъемлемая черта развития провинциальной историографии в последнюю четверть XVIII века. Провинциальные "гнёзда" 80–90-х годов становятся устойчивыми, их представители обмениваются книгами, раскрывают двери библиотек для местных историков [...] обсуждают свои литературные опыты»².

Анализ историко-краеведческих материалов³ позволяет предположить, что на рубеже XVIII–XIX вв. в Уфе тоже существовало своеобразное сообщество любителей старины, объединявшее дворян, чиновников и, возможно, духовенство. Пока гипотетически можно допустить, что в «культурное гнездо» входили Романовские, Фёдоровы, Фомичёвы, Юматовы, Ребелинские, другие и, скорее всего, важную роль играл в этом сообществе Пётр Степанович Ефтюгин.

Биографии отца и сына Ефтюгиных свидетельствуют, что это были квалифицированные администраторы, хорошо знавшие делопроизводство, непосредственные участники многих важных событий в Оренбургском крае, приближённые к первым лицам региона. Это способствовало не только формированию богатого семейного архива, но и вырабатывало интерес к истории, пониманию важности фиксации происходивших на их глазах политических событий.

В середине XIX в. у первого редактора издававшихся в Уфе «Оренбургских губернских ведомостей» И.П. Сосфенова оказалась анонимная рукопись, которую он в 1852 г. опубликовал в газете под заголовком «Уфимский летописец», летописец – небольшая летопись (см. выше статью Я.С. Свице). Редактор подчёркивал, что он получал исторические материалы предыдущего столетия из собраний уфимских коллекционеров. Так, издание

¹ Свице Я.С. Записки Михаила Михайловича Ребелинского // Река времени. 2014 / Отв. ред. М.И. Роднов. Уфа, 2014 (здесь также текст записок).

² Севастьянова А.А. Русская провинциальная историография второй половины XVIII в. Диссертация ... докт. ист. наук. Ярославль, 1993. С. 246.

³ См., напр.: Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. С.Т. Аксаков. Семья и окружение. Краеведческие очерки. Уфа, 1991.

переписки А.В. Суворова с Г.А. Потёмкиным за 1784 г. он предварил оговоркой: «В бумагах одного из проживающих в Уфе любителей отечественной истории нашли мы собственноручное письмо знаменитого Князя Итальянского к Князю Таврическому, с пометою последнего о времени получения письма»¹.

«Уфимский летописец» представлял из себя сборник текстов, включал несколько разнородных фрагментов, а любая летопись – это сборник (свод)², начинавшийся рассказами об осаде Уфы пугачёвцами, женском и мужском монастырях в Уфе, после чего в № 20 именно под заголовком «Уфимский летописец» следует хронологическое описание важнейших событий в крае с 1783 по 1827 гг.

Главными персонажами повествования «Уфимского летописца» выступают почти исключительно первые лица наместничества и губернии, епископы, командиры военных частей, расквартированных в Уфе. Среди сплошного перечня царских указов, важнейших событий (от войн до пожаров) на страницах Уфимской летописи практически нет никаких фигур из среднего звена администрации, дворян и чиновничества. За одним исключением, и чрезвычайно символичным.

В событиях за 1797 г., после упоминания о назначении гражданским губернатором князя И.М. Баратаева, вдруг следует неожиданное прибавление: что определён «правителем его дел Губернский Секретарь Пётр Степанович *Ефтюгин* и произведён в Титулярные Советники» (далее называется уфимский городничий Е.И. Павлов).

Затем в тексте встречаем лишь имя полковника Уфимского пехотного полка А.П. Мансурова, а за 1798 г. указана отставка Игельстрома, назначение военным губернатором Н.Н. Бахметева, а гражданским И.А. Куриса, после чего опять встречаем прибавление: «правителем его дел тот же Титулярный Советник *Ефтюгин*, что и при Князе Баратаеве, произведён в Коллежские Ассесоры по Высочайшему указу за отличность».

Среди всего многочисленного уфимского чиновничества, П.С. Ефтюгин – единственный, чьё имя и карьерное продвижение упоминается в Уфимской летописи.

Далее встречаем имя шефа уфимского полка Ингенгарда, купцов Подъячевых, в постройках которых случились большие

¹ Оренбургские губернские ведомости. 1852. 19 апреля. Под любителем истории подразумевался не В.С. Юматов, уже умерший, а кто-то иной.

² «Честь определения сохранившихся русских летописей как сборников (или сводов) принадлежит П.М. Строеву» (*Алешковский М.Х.* «Повесть временных лет». Из истории создания и редакционной переработки / Отв. ред. Ф.Б. Успенский. Предисловие Т.В. Гимона и С.М. Михеева. М., 2015. С. 22).

пожары, в 1800 г. вместо Куриса прибывает гражданский губернатор К.И. Глазенап. И снова добавление! «При нём Правителем дел тот же Коллежский Ассесор *Евтюгин*, что был при Губернаторе Князя Баратаева и Курисе».

Когда Глазенапа заменяет А.А. Врасский, «Уфимский летописец» ненавязчиво напоминает читателям: «при нём правителем дел Коллежский Ассесор *Евтюгин*, что был при Князе Баратаеве, Курисе и Глазенапе».

В 1803 г. гражданским губернатором назначен И.Г. Фризель, и, ну как без него, «при нём правителем дел Коллежский Ассесор *Евтюгин*, который находился и при прежних Губернаторах, начиная от Князя Баратаева, произведённый в Надворные Советники, и после определён Советником в Казённую Палату в 1810 году»¹.

Пять (!) раз упоминается в тексте Уфимской летописи П.С. Ефтюгин, единственный из уфимских чиновников, причём последняя запись весьма примечательна. Хронологическое повествование здесь нарушается и в текст за 1803 г. включена информация о событии за 1810 г., хотя в Уфимской летописи далее следует изложение по годам и месяцам в хронологической последовательности.

Летописные тексты «могут возникать двумя способами. В-первых, летопись может вестись синхронно событиям, из года в год. Во-вторых, события могут описываться ретроспективно, единовременно за много лет, так сказать, "задним числом". Почти в любой сохранившейся летописи присутствуют фрагменты, созданные обоими этими способами»².

Последняя запись в «Уфимском летописце» за 1803 и 1810 гг. позволяет почти точно утверждать, что Пётр Степанович Ефтюгин и являлся составителем этой части Уфимской летописи, постоянно вписывая самого себя в хронику событий, как бы напоминая будущим потомкам, читателям и историкам (sic!), кто является автором данного текста.

Приведённая выше биография П.С. Ефтюгина точно соответствует фрагменту Уфимской летописи. Вступил он в службу в начале 1780-х гг. и начало летописи относится к 1783 г. В 1810 г. карьера его обрывается, он даже не получает следующего ему чина коллежского советника. И последние подробные записи в Уфимской летописи датируются началом 1810-х гг. После детального описания событий военного двенадцатого года, вперые в летописи следует большой временной разрыв. Следующая

¹ Оренбургские губернские ведомости. 1852. 17 мая.

² *Алешковский М.Х.* Указ. соч. С. 15.

запись приходится на 12 мая 1816 г., затем 1 июня 1821 г., потом идут краткие записи за 1822, 1825 и 1827 гг. Даже визит в Уфу Государя Императора Александра I занесён в летописный свод двумя строчками: «было посещение города».

Последние формулярные списки П.С. Ефтюгина датируются 1825 и 1827 гг. И «Уфимский летописец» заканчивается на этой дате. Причём, видимо, автор последние годы жизни либо болел, либо утратил всякий интерес к составлению истории края (переселился в своё имение в Авдон?). Последние отрывочные записи производят впечатление, что хозяин достал старую тетрадь, смахнул пыль и, подумав, добавил несколько строчек.

Опубликованная И.П. Сосфеновым в 1852 г. Уфимская летопись состоит из разных фрагментов, без сомнения, составлявшихся разными лицами и в разное время. Списки Уфимской летописи расходились по рукам, список из собрания Исторического музея в Москве является переписанным в более поздний период текстом, но с добавлением за 1828 г., которое свидетельствует, что владельцы списков вносили в летопись иную информацию (см. выше статью Я.С. Свице).

В руках же редактора «Оренбургских губернских ведомостей» И.П. Сосфенова оказался более ранний, первоначальный (?) вариант Уфимской летописи, в том числе фрагмент, автором которого, без сомнения, является Пётр Степанович Ефтюгин. Но от кого редактор получил летопись?

За большим лесным массивом к югу от имени П.С. Ефтюгина в сельце Авдон лежала помещичья деревня Юматово. Владелец усадьбы, судья уездного суда в 1794 г., секунд-майор Степан Никитич Юматов¹ начал службу почти одновременно с П.С. Ефтюгиным. Наверняка, ближайшие соседи общались, а сын С.Н. Юматова – Василий Степанович Юматов (†1848) станет одним из первых уфимских историков-краеведов. Возможно, от отца он унаследовал старинную рукопись под названием «Уфимский летописец» из коллекции соседа-помещика Петра Степановича Ефтюгина. После кончины краеведа во время эпидемии холеры, архив оказался у редактора И.П. Сосфенова, он и опубликовал записки П.С. Ефтюгина, которые тот вёл с 1783 по 1827 гг. А интерес к истории своего края Пётр Степанович Ефтюгин передал молодёжи (М.М. Ребелинскому² и В.С. Юматову).

¹ Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1794. СПб., б. г. С. 262.

² Возможно также, что текст Уфимской летописи передал И.П. Сосфенову и М.М. Ребелинский, который, видимо, в это время проживал в Уфе, хотя свидетельств о их знакомстве не имеется.

**Переезд губернских учреждений из Уфы в Оренбург
в 1797 г.**

В конце 1796 г. император Павел I пересмотрел административную реформу Екатерины II (1775 г.) и 12 декабря подписал указ «О новом разделении государства на губернии»¹. Он фактически упразднил 13 губерний – Олонецкую, Кольванскую, Брацлавскую, Черниговскую, Новгород-Северскую, Вознесенскую, Екатеринославскую, Саратовскую, Полоцкую, Могилёвскую, Виленскую, Слонимскую и Таврическую область, разделив их территории между соседними. Несколько губерний были переименованы и укрупнены: Харьковская стала называться Слободско-Украинской (восстановлена в границах 1780 г.), Кавказская – вновь Астраханской, Рижская губерния стала Лифляндской, Ревельская – Эстляндской. Основной задачей реформы административного деления императора Павла I было стремление добиться более чёткой управляемости страны. Оценивая законодательство 1796–1801 гг., Н.Я. Эйдельман считал, что оно было довольно противоречивым, но главным стержнем новых указов были централизация и самодержавие. При этом коллегиальный принцип управления заменялся единоличным².

Административные преобразования затронули и Оренбургский край. Согласно этому указу Павла I, Уфимское наместничество было преобразовано в Оренбургскую губернию³. Она состояла из 10 уездов: Оренбургского, Верхнеуральского, Троицкого, Челябинского, Уфимского, Стерлитамакского, Бирского, Мензелинского, Бугульминского, Бузулукского. Белебеевский и Бугурусланский уезды были упразднены. До административных преобразований Павла I Уфа являлась центром наместничества. Указ от 12 декабря 1796 г. ничего не говорил, где будет находиться центр и все присутственные места новой Оренбургской губернии – в Уфе или Оренбурге. Оренбургский гражданский губернатор И.М. Баратаев первым поднял этот вопрос в губернском правлении, после чего было составлено обращение в Сенат⁴. Сенатским указом от 23 марта 1797 г. было объявлено:

¹ ПСЗ I. СПб., 1830. Т. 24. № 17634. С. 229.

² Эйдельман Н.Я. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII – начало XIX вв. М., 1986. С. 64.

³ ПСЗ I. Т. 24. № 17634.

⁴ Ардашев Н.Н. К 100-летию юбилею Оренбургской губернии // Труды Оренбургской учёной архивной комиссии. Вып. 2. Оренбург, 1897. С. 11.

«Быть г. Оренбургу губернским городом»¹. Таким образом, предстоял переезд всех губернских учреждений из Уфы в Оренбург, где теперь должны были находиться военное и гражданское управления с двумя губернаторами во главе.

Переезд губернских учреждений нашёл достаточно подробное освещение в статье Ардашева. Н.Н. Ардашев (1862–1923) – русский историк, в 1887 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета, затем работал архивариусом Московского архива министерства юстиции. С 1895 г. служил в Оренбурге секретарём Тургайского статистического комитета, затем советником Оренбургского губернского правления. В 1902 г. возвратился на службу в Московский архив министерства юстиции. Одновременно преподавал в Московском археологическом институте, читал лекции по русской дипломатике, вёл занятия по палеографии, участвовал в подготовке издания Археологического словаря. Н.Н. Ардашев был избран членом десяти учёных обществ и комиссий, в том числе Совета Московского археологического института (с 1907 г.), Историко-родословного общества в Москве². При работе над своей статьей автор использовал преимущественно архивные документы, присланные из сенатского архива в Оренбургскую архивную комиссию.

В предисловии Н.Н. Ардашев пишет: «стало общеизвестным фактом, что при императоре Павле такого-то года, месяца и числа, вместо Уфимского наместничества учреждена Оренбургская губерния. Но и только. Как это осуществилось, кем и скоро ли, при каких обстоятельствах и условиях, наконец, с какими последствиями. Всё это, как и многое другое, пока скрыто и таится в недрах архивов в кучах столетних дел»³. Ардашев попытался собрать, как он указывал, «мозаику на эту тему, – подобранную и слепленную из тех отрывков и кусочков, какие могли быть найдены теперь в архивах»⁴. Статья Н.Н. Ардашева «К столетнему юбилею Оренбургской губернии» была также напечатана в газете «Оренбургские губернские ведомости» за 1897 г.

По мнению автора, одной из самых сложных проблем готовившегося переезда являлось то, что Оренбург, как административный центр, находился «в упадке». Это выражалось, помимо прочего, в отсутствии в городе каменных зданий, в которых могли разместиться учреждения. Старые помещения без проведения ремонта разрушились, а новые, после приостановки деятельности конторы строений в 1776 г., связанной с прекраще-

¹ ПСЗ I. Т. 24. № 17888. С. 515.

² См.: Википедия; др. ресурсы Интернета.

³ Ардашев Н.Н. Указ. соч. С. 1–2.

⁴ Там же. С. 2.

нием поступления в край ссыльных, которые являлись дешёвой рабочей силой, перестали строиться. Кроме того, в 1786 г. в Оренбурге произошёл пожар, уничтоживший 340 домов¹.

Было решено занять под губернские учреждения следующие здания в Оренбурге: для губернского правления и приказа общественного призрения – двухэтажное здание бывшей губернской канцелярии; для казённой палаты и духовного магометанского собрания – помещение пограничного суда; для палаты суда и расправы – здание соляного правления; для гражданского губернатора и вице-губернатора – занять бывший губернаторский дом. Однако, все намеченные строения требовали ремонта. Оренбургский архитектор Мусатов, осмотрев дома, докладывал, что на ремонт потребуется до 132 000 штук кирпича, 1150 досок, 2100 брёвен разных сортов.

Казённая палата в Уфе выделила деньги на упаковочные материалы. Уфимскому городничему было предписано подготовить подводы для перевозки дел до села Чесноковки и организовать охрану документов в ночное время. Уфимскому, Стерлитамакскому, Оренбургскому нижним земским судам следовало выставить на станциях вдоль всего тракта от Уфы до Оренбурга, по маршруту переезда, наряды от местных жителей по 30 подвод в каждом для перевозки дел. Был составлен график нарядов: 15 мая – в Уфимском уезде, 16 мая – в Стерлитамакском. Наряды возобновлялись каждые три дня. Городничие уездов должны были обеспечивать охрану дел на станицах, выделяя для этой цели по солдату. М.С. Ребелинский отметил в дневнике: «23 мая 1797 г. начали увязывать архивные дела для отправления в Оренбург [...] 5 июня вышел последний с делами транспорт»².

Переезд губернских учреждений проходил в следующем порядке: сначала губернское правление вместе с приказом общественного призрения, прибывшие в Оренбург 2 июня 1797 г., затем – палата суда и расправы (прибыли 3 июня), следом – казённая палата с губернским казначейством, и, наконец, духовное магометанское собрание. Дела следовали в сопровождении приказных служителей. Всего, как сообщает Н.Н. Ардашев, с каждой из 14 станций было отправлено 11 транспортов, по 30 подвод в каждом³.

Всей работой по переезду губернских учреждений из Уфы руководил гражданский губернатор Иван Михайлович Баратаев. О.А. Игельстром, новый военный губернатор Оренбургского

¹ Там же. С. 8.

² Юдин П. Из дневника М.С. Ребелинского// Русский архив. 1897. № 3. С. 468.

³ Ардашев Н.Н. Указ. соч. С. 16.

края, прибывший в Оренбург в январе 1797 г., со своей стороны давал общие указания «по местной надобности [...] как об отсылке из упраздняемых силою сих штатов присутственных мест решенных и нерешенных дел куда [...] следовать будут и к сохранению казенного в них где какое есть имущество, так укомплектовав оставляемые судебные места чинами и канцелярскими служителями»¹. В своём рапорте в Сенат от 21 июня 1797 г. И.М. Баратаев подробно доложил, какие здания в Оренбурге заняты губернскими учреждениями, при этом сетовал, что главная проблема «гнилость многих помещений»². Состав новых присутственных мест был укомплектован в соответствии со штатами, утверждёнными 31 декабря 1796 г.³ Как свидетельствуют рапорты в Сенат, гражданский губернатор постарался во всех губернских учреждениях сохранить прежних чиновников.

Н.Н. Ардашев писал, что переезд губернских учреждений из Уфы в Оренбург привёл к «инциденту» между губернским прокурором М.Д. Княжевичем и гражданским губернатором И.М. Баратаевым⁴. Губернский прокурор был против переноса губернских учреждений в Оренбург. В июне 1797 г. М.Д. Княжевич в рапорте генерал-прокурору А.Б. Куракину докладывал о переезде, отмечая его нецелесообразность⁵. Он писал, что в Оренбурге практически нет помещений, удобных для работы присутственных мест: «За ветхостью и разрушением казенных строений в губернаторском доме, палате суда и расправы оба департамента помещены будут в том месте, где в прежние времена была губернская канцелярия, весьма тесно и не более для каждого департамента досталось как по две комнаты и притом прихожая, где с трудностью или почти невозможно поместить присутственных камор и немалое число приказных служителей»⁶. По мнению М.Д. Княжевича, такие неудобства приведут к «великому промедлению в делах». Единственный большой казённый дом, в котором могли бы разместиться все судебные учреждения, не имеет крыши, остальные казённые дома заняты военно-служилым населением.

¹ Семёнова Н.Л. Иван Михайлович Баратаев – гражданский губернатор Оренбургской губернии // Власть в российской провинции в XIX в. (на материалах Южного Урала): историко-антропологический подход / науч. ред. Н.Л. Семёнова. Стерлитамак, 2015. С. 138–139.

² ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 46. Л. 1.

³ ПСЗ I. Т. 44. № 17702.

⁴ Ардашев Н.Н. Указ. соч. С. 16.

⁵ Семёнова Н.Л. Губернские прокуроры в системе местного управления Российской империи в конце XVIII – начале XIX в. (на примере Оренбургской губернии) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2015. № 3 (Т. 4). С. 134.

⁶ РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 452. Л. 31.

«Инцидент» состоял в том, что губернский прокурор выступил против дополнительных повинностей, связанных с поставкой подвод и перевозом губернских учреждений, которые ложились на плечи местных жителей. Губернский прокурор напомнил гражданскому губернатору высочайший указ от 1 сентября 1780 г., который не разрешал «никаких новых нарядов и поборов с населения ни для каких надобностей производить, а всякие дела исправлять по добровольному найму»¹. По распоряжению гражданского губернатора поставка подвод от населения производилась без всякого вознаграждения. И.М. Баратаев, объясняя свои действия, ссылался на высочайший указ от 2 декабря 1796 г., который устанавливал, что до 1 мая 1797 г. должны быть окончены все подготовительные работы для переноса губернских учреждений. Но поскольку никаких денежных средств не выделено, то он вынужден прибегать к поставкам подвод от населения, о чём он доложил в Сенат².

Дело было рассмотрено в Сенате, который указом от 16 декабря 1797 г. потребовал объяснить: по каким обстоятельствам губернское правление приступило к наряду «обывательских» подвод в таком большом количестве без всякого платежа и предложил представить расчёты о денежных выплатах населению за подводы. Переписка с Сенатом затягивалась: в январе 1798 г. гражданский губернатор ответил, что сделал распоряжение о поставке подвод, рассчитывая на выделение денег для переезда. Затягивать же перевод губернских учреждений из-за отсутствия ассигнований он не решился. Стоимость найма подвод у обывателей, по сведениям гражданского губернатора, составляла 1098 руб. 90 коп., рассчитывая по 1 копейке с лошади и версты при 333 вер. между Уфой и Оренбургом. Сенат признал доводы гражданского губернатора убедительными и приказал выделить требуемую денежную сумму из средств, назначенных Оренбургской губернии ранее, по указу 14 февраля 1797 г. на ремонт зданий и другие чрезвычайные расходы, связанные с переездом губернских учреждений³. Но неизвестно, было ли исполнено предписание Сената, так как указ был получен в 1801 г., да «едва ли сами обыватели стали предъявлять свои требования. Наконец, сумма, указанная Сенатом в качестве источника на покрытие и этого, не имевшегося в виду расхода, была слишком незначительна по сравнению с теми текущими потребностями, которые она должна была покрывать»⁴. Кроме того, в ок-

¹ Ардашев Н.Н. Указ. соч. С. 16.

² Там же. С. 17.

³ Там же. С. 18.

⁴ Там же. С. 19.

тябре 1799 г. И.М. Баратаев был отстранён от должности гражданского губернатора и переехал в Саратов¹.

Перевод присутственных мест из Уфы и начало работы вскоре показали, что выбор Оренбурга в качестве новой столицы губернии неудачен. Не хватало зданий для губернских учреждений (от уфимского плана размещения присутственных мест из-за ветхости строений пришлось отказаться), город находился в значительном удалении от уездов, что создавало трудности в сообщении. Проблемой стали крайне высокие цены на аренду жилья для чиновников. Так, приказные служители платили за квартиры от 3 до 4 руб. в месяц, в то время как их жалованье составляло 40–80 руб. в год. Дорогими, по сравнению с Уфой, были в Оренбурге продукты и дрова: хлеб продавался от 90 коп. до 1 руб. за пуд, а дрова – от 8 до 10 руб. за сажень².

По новому штату 1796 г. на содержание всех присутственных мест Оренбургской губернии выделялось 6980 руб., что было на 3020 руб. меньше, чем на содержание Уфимского наместничества³. На практике оказалось, что этих средств явно недостаточно. Чиновники палаты суда и расправы неоднократно обращались к гражданскому губернатору с прошениями о своём «бедственном» положении и указывали, что в связи с упразднением средних судебных мест (в Оренбурге – верхнего земского суда, губернского магистрата и нижних расправ в уездах) резко возрос объём их работы. Казённая палата, палата суда и расправы жаловались на отсутствие средств на хозяйственные нужды: отопление, канцелярские расходы, наём прислуги. Гражданский губернатор И.М. Баратаев обратился к правительству с предложением пересмотреть штаты губернских учреждений в сторону увеличения средств на их содержание. По его расчётам следовало отпускать для губернских учреждений 12 949 руб. в год (вместо 6980 руб.), на уездные и сельские – 20 590 (вместо 9040 руб.). Всего, на всю губернию требовалось 33 539 руб. (вместо отпускаемых по штату 16 020 руб.)⁴. Как полагал И.М. Баратаев, дополнительное финансирование губернских учреждений можно было осуществить за счёт тех средств, которые удалось сэкономить в результате упразднения средних и низших судебных учреждений Оренбургской губернии. Эта экономия составила по губернии 59 700 руб.

¹ Семёнова Н.Л. Иван Михайлович Баратаев – гражданский губернатор Оренбургской губернии. С. 142.

² Ардашев Н.Н. Указ. соч. С. 24.

³ Там же. С. 25.

⁴ Там же. С. 28.

5 ноября 1797 г. в Сенате были рассмотрены вопросы о ремонте зданий в Оренбургской губернии и предложения И.М. Баратаева по реформе штатов. Для ремонта зданий было предписано ограничиться суммой в 10 000 руб., которая была выделена Оренбургской губернии по указу от 14 февраля 1797 г. на наём присутственных мест. Губернские штаты были оставлены без изменений, то есть проект гражданского губернатора И.М. Баратаева отклонили. Не было принято и предложение Ивана Михайловича возобновить ссылку преступников в Оренбургский край, которая была прекращена в 1776 г. Н.Н. Ардашев писал, что обеспечение всех губернских учреждений добротными зданиями, а чиновников необходимым жалованьем в Оренбурге «было слишком большим делом, оно требовало миллионных сумм»¹. Поэтому правительство не могло на него решиться.

Для губернской администрации в Оренбурге было очевидно, что необходимо вернуть присутственные места в Уфу. Вскоре это стало ясно и для правительства. Сенаторы М.Г. Спиридов и И.В. Лопухин, прибывшие в край с ревизией в 1800 г., пришли к выводу, что местом пребывания всех учреждений следует снова сделать Уфу. Сенат согласился с мнением Спиридова и Лопухина. По этому вопросу был составлен всеподданнейший доклад императору, но высочайшего соизволения не проследовало. Уже после воцарения императора Александра I в 1801 г., до Уфы дошёл слух, что присутственные места будут переводить в Уфу². 5 марта 1802 г. по высочайше утверждённому докладу был подписан сенатский указ «О переводе губернского управления из города Оренбурга в город Уфу»³. Все губернские учреждения были переведены снова в Уфу, которая стала местом пребывания гражданского губернатора, а военный губернатор продолжал оставаться в Оренбурге.

История с неудавшимся переводом гражданской администрации в Оренбург показала, что Уфа являлась «естественной» столицей всего Южного Урала, Оренбургского края, как географический центр региона.

¹ Там же. С. 32.

² Резанцев П.Г. Административная роль города Уфы в Оренбургском крае (публикация М.И. Роднова) // Река времени. 2014. Уфа, 2014. С. 103–112.

³ ПСЗ I. Т. 27. № 20170.

Земские начальники Уфимской губернии

После отмены крепостного права возник своеобразный вакуум власти на селе. Помещики, государственная, удельная или кантонная (для казаков) администрация, ранее осуществлявшие контроль над жизнью многонациональной деревни, фактически были устранены от реального влияния на жизнь деревни. Действовавшие с 1861 г. мировые посредники изначально выступали как временные чиновники для решения конкретной задачи ликвидации крепостных отношений. Сменившие их коллегиальные губернские по крестьянским делам присутствия показали низкую эффективность в оперативном управлении селом.

Поэтому при установлении консервативного режима императора Александра III вводится новый институт участковых земских начальников, по-сути глав государственной администрации, контролировавших почти все стороны жизни крестьянства на своих участках, включавших по несколько волостей.

Принятые 12 июля 1889 г. «Правила о порядке приведения в действие положения о земских участковых начальниках»¹ сосредоточили в их руках самые широкие административно-судебные функции при отсутствии контроля со стороны самого крестьянства². Апелляции на действия земских начальников рассматривал съезд участковых начальников, решение которого утверждалось губернским административным присутствием, которое возглавлял губернатор. Этим создавалась «вертикаль» власти на селе, что вызывало жёсткую критику как со стороны либеральной общественности³, так и советских историков⁴.

В Уфимской губернии введение института земских начальников было осуществлено лишь спустя пять лет, 6 июня 1894 г. было принято положение «О приведении в действие законоположений от 12 июля 1889 г. о преобразовании местных крестьянских и судебных учреждений в губерниях: Астраханской,

¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 32. Д. 4. Л. 1; ПСЗ II. Т. 52. № 57438; ПСЗ III. Т. 9. № 6196.

² *Звонцова А.В.* Положение о земских участковых начальниках как политико-правовая основа консервативных реформ конца XIX века // *Столица и провинция в отечественной и всемирной истории.* Т. 1. Тула, 2004. С. 30–33.

³ *Евреинов Г.А.* Крестьянский вопрос в его современной обстановке. СПб., 1903; мн. др.

⁴ *Либерман А.А.* Состав института земских начальников // *Вопросы истории.* 1976. № 8; мн. др.

Олонецкой, Оренбургской и Уфимской»¹.

При разбивке Уфимской губернии на участки учитывались особенности местности, состав населения. Циркуляром министра внутренних дел И.Н. Дурново уфимскому губернатору Н.Х. Логвинову от 18 июля 1894 г. было предписано «вести 69 земских участковых начальников и столько же кандидатов к ним»². Ключарь и протоиерей Уфимского кафедрального собора Василий Покровский 1 и 2 октября 1894 г. всех вновь назначенных правительством земских участковых начальников Уфимской губернии привёл к присяге и отобрал письменное «клятвенное обещание» на верность царскому правительству.

Число земских участков определялось законодательным порядком, на основании представления министра внутренних дел. Границы участков могли быть изменены губернским присутствием по предложению Уфимского губернатора, представлениям уездного съезда или по ходатайству уездного земского собрания. Всего в губернии насчитывалось 69 земских участков, в том числе в Мензелинском уезде – 11, Бирском – 16, Белебеевском – 13, Уфимском – 11, Стерлитамакском – 12, Златоустовском – 6³. Количество участков в Уфимской губернии оставалось неизменным вплоть до революции⁴.

Для удобства земские участковые начальники были размещены в крупных населённых пунктах. При каждом начальнике имелась канцелярия, состоявшая из трёх–четырёх канцелярских служащих. Вот как описывал присутственное место земского начальника Лейдекера современник: «Сам Лейдекер живет в Стерлитамаке, а дая камеры нанимает в д. Костякове довольно чистенькую избёнку, переделённую пополам. За перегородкой живет его письмоводитель с женой, из отставных унтер-офицеров. Обстановка конечно, убогая, да что и ждать по нашим заходустьям! Два простых стола, столько же стульев, грибенника по три за штуку, расщелившийся шкаф для бумаг, портрет государя на стене в облупленной и заезженной мухами рамке – вот и всё "присутственное" место земского начальника»⁵.

Претендентам на важную должность земского начальника, которых отбирали лично губернатор с губернским и уездными

¹ ПСЗ II. Т. 52. № 57438.

² НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 1879. Л. 15.

³ Обзор Уфимской губернии за 1914 год. Уфа, 1915. С. 2; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 45, тетрадь 2. С. 4.

⁴ Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1914 год. Уфа, 1914. С. 15–16.

⁵ Минцлов С.Р. Уфа. Из кн. «Дебри жизни» / вступление и составление М.Г. Рахимкулова. Уфа, 1992. С. 108–109.

предводителями дворянства, предъявлялся целый ряд требований: иметь высшее образование или прослужить не менее трёх лет в должности мирового посредника, мирового судьи, непреременного члена присутствия по крестьянским делам, владеть (или членом семьи) определённым количеством земли или недвижимым имуществом, оценённым не менее чем в 7,5 тыс. руб.¹

Но на практике лиц, отвечавших этим требованиям, постоянно не хватало, особенно в таких губерниях как Уфимская, где дворянство было малочисленным. В экстраординарных случаях при отсутствии кандидатов из числа местного дворянства министр внутренних дел по предоставлению губернатора мог назначить на должность земского начальника любое лицо с высшим или средним образованием, независимо от его сословного происхождения и земельного ценза.

Сплошное обследование формулярных списков земских начальников² показывает, что в Уфимской губернии дворянство занимало от 92% (Уфимский уезд) до 68% (Стерлитамакский) должностей, в среднем по губернии – 77%.

Лишь 23% земских начальников Уфимской губернии не имели дворянского происхождения. Например, земский начальник 5-го участка Белебеевского уезда статский советник П.Ф. Дмитриев был из купцов³, земский начальник 14-го участка Бирского уезда штаб-ротмистр В.А. Попов – сын священника⁴, земский участковый начальник 9-го участка Стерлитамакского уезда коллежский регистратор Б.Б. Линде – сын провизора⁵. Крестьянское происхождение имел отставной подполковник В.М. Гончаров⁶.

По имущественному положению имеются сведения о 100 земских начальниках Уфимской губернии. Учтена вся их земельная собственность независимо от того, в какой губернии она находилась, включая совладение с родственниками. Если земский начальник и его жена имели земельную собственность, то она суммировалась, так как земские начальники назначались и по цензу жены или родителей⁷. В раздел иных видов собственности отнесены в основном дома.

В целом по Уфимской губернии девять земских начальников (или членов семьи) имели от 2 и более тыс. дес. земли, трое –

¹ ПСЗ I. Т. 39. № 40457.

² См.: НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 1753–1940.

³ Там же. Д. 1791. Л. 4–18.

⁴ Там же. Д. 1871. Л. 5.

⁵ Там же. Д. 1838. Л. 2–4.

⁶ Там же. Д. 1771. Л. 12–90.

⁷ ПСЗ III. Т. 9. № 6196.

от 1,5 до 2 тыс. дес., четверо – от 1 до 1,5 тыс. дес., девять – по 500–1000 дес. и шесть человек – от 100 до 500 дес. Ещё семеро обладали иными видами собственности. То есть, лишь 31% земских начальников имели земельную собственность, 7% принадлежали дома в разных городах Уфимской губернии и 62% ничем не обладали. Большинство относилось к чиновничеству, существовавшему на доходы от службы.

Абсолютное большинство земских участковых начальников Уфимской губернии в конце XIX – начале XX века были православными (94%), остальные – либо лютеранами (3%), либо мусульманами – (2%). Мусульманское вероисповедание, согласно формулярным спискам, исповедовал земский начальник 3-го участка поручик запаса Акрам Мухамед Джанович Биглов¹, а также земский начальник 8-го участка (оба Белебеевский уезд) Шагбаз Гарей Хайретдинович Еникеев².

Должность земского начальника изначально законодательством была поставлена в довольно невыгодные условия, вследствие чего постоянно пополнять их состав местными помещиками с высшим юридическим образованием или трёхлетним опытом службы в крестьянских учреждениях на деле оказалось невозможным. В результате контингент претендентов был довольно узок, состоял в основном из получивших среднее, преимущественно военного профиля, образование и не имеющих опыта службы в крестьянских учреждениях, людей среднего возраста и по большей части абсолютно не готовых к исполнению судебных полномочий.

Надзор за деятельностью земских начальников в уезде принадлежал уездному съезду. По указу от 6 июня 1894 г. были созданы административные присутствия уездных съездов земских участковых начальников, в состав которых входили представители дворянства, председатели земских управ, уездные члены окружного суда, почётные мировые судьи и городские судьи³. Эти уездные административные присутствия были апелляционными инстанциями для дел, которые рассматривали земские участковые начальники и городские судьи. Уездный съезд рассматривал жалобы на постановления земских начальников, их представления по некоторым административным делам, по отмене приговоров сельских сходов, а также ежегодные отчёты земских начальников о своей деятельности.

Председателями уездных административных присутствий

¹ НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 1758. Л. 3–5.

² Там же. Д. 1793. Л. 4–6.

³ ПСЗ III. Т. 9. № 1889. С. 70–74.

были предводители местного дворянства. Однако, в соответствии с «Положением о земских участковых начальниках», в уездах, не имевших дворянского представительства, губернаторы имели право выдвигать на должность председателя уездного административного присутствия одного из земских начальников. Выдвинутая губернатором кандидатура утверждалась правительством. Уфимский губернатор Н.Х. Логвинов на все должности председателей местных административных присутствий утвердил земских участковых начальников, чем поставил последних в совершенно независимое от местных органов дворянской корпорации положение.

Работа уездного съезда как надзорного органа была активной и тщательной. Большое количество дел в рассмотрении уездного съезда в Уфимской губернии ежемесячно подтверждает важную роль этого контролирующего органа. Обильная деловая переписка по каждому разбираемому вопросу говорит о внимательном рассмотрении каждого дела с соблюдением всех сроков и правил, установленных законодательством. Заседания уездных съездов проводились не реже пяти раз в месяц, на одно заседание приходилось в среднем разбирательство 50 дел, что не могло не сказаться на качестве разрешения каждого вопроса.

Органом надзора за уездными съездами и земскими начальниками было губернское присутствие¹. Делопроизводство земских начальников имели право ревизовать уездные съезды, уездные предводители дворянства, губернские присутствия и губернаторы.

Анализ архивных материалов показывает, что в Уфимской губернии были случаи предания земских начальников уголовному суду. В 1912 г. Казанская судебная палата признала в преступлении коллежского советника земского начальника 5-го участка Златоустовского уезда М.А. Железнова. Был предан суду по 341 и 380-й статьях Уложения о наказаниях губернский секретарь, земский начальник 6-го участка Златоустовского уезда М.В. Епанечников. В 1911 г. было возбуждено уголовное дело против земского начальника 4-го участка Златоустовского уезда Файренберга. Казанская судебная палата всех земских начальников признала виновными в преступлениях, освободила от должности, подвергла денежному взысканию до 300 руб. и аресту в тюрьме до 3 месяцев².

Уголовному преследованию за преступления по должности

¹ Горемыкин И.А. Свод узаконений и распоряжений правительства об устройстве сельского состояния учреждений по крестьянским делам. СПб., 1898. Т. 1, ч. 1. С. 766.

² НА РБ. Ф И-10. Оп. 1. Д. 1794. Л. 70.

был подвергнут земский участковый начальник 3-го участка Стерлитамакского уезда статский советник, князь В.В. Шаховский. В.В. Шаховский получил образование в морском училище, в 1886–1889 гг. под командованием флигель-адъютанта С.О. Макарова на «Витязе» совершил кругосветное плавание. Князь имел награды: орден Св. Анны 3-й ст. и медали. Шаховский занимал должности земских начальников Уфимского и Стерлитамакского уездов с 1894 г., пока в 1912 г. не был удалён с занимаемой поста в виду предания суду по 354 статье Уложения о наказаниях¹.

В губернское присутствие в 1909 г. поступило дело на земского начальника 1-го участка Белебеевского уезда Франциска Ксаверия Высоцкого. Бугульминский мещанин А.В. Иванов в помещении Белебеевского семейного клуба потребовал от него уплатить карточный долг, обвиняя в шулерстве. Земский начальник, используя свои служебные полномочия, хотел привлечь А.В. Иванова к ответственности. В результате Высоцкий вышел в отставку и не получил усиленной пенсии².

Целая полемика развернулась на страницах газеты «Урал» в 1901 г. по поводу ареста крестьянина Архипа Кондорова из деревни Бекетово местным становым приставом. Земский начальник 2-го участка Уфимского уезда коллежский ассессор П.П. Листовский подверг крестьянина аресту, так как тот не снял шляпу при разговоре с ним. Корреспондент, критикуя действия земского начальника, написал, что нужно говорить с должностным лицом «валяясь на брюхе» и сняв шапку³.

В 1902 г. получило огласку и негативный резонанс в обществе дело о крестьянке Марии Корпут, обвиняемой в краже перстня у земского начальника П.П. Листовского. Коллежский ассессор П.П. Листовский доказывал на суде, что М. Корпут, живя у него в качестве домашней прислуги, украла перстень стоимостью 300 руб., а затем заложила его в банк. В ходе судебного разбирательства Корпут утверждала, что она была с П.П. Листовским в незаконной интимной связи и получила перстень в подарок, который и заложила⁴.

В добавок к многочисленным обязанностям, на земских начальников с 1906 г. была возложена реализация Столыпинской реформы. Их служебная карьера ставилась в прямую зависимость от количества выделившихся из общины крестьян. Губернатор А.С. Ключарёв в циркуляре от 7 февраля 1908 г., указы-

¹ Там же. Д. 1929. Л. 2–13.

² См.: Там же. Д. 1774. Л. 2–117.

³ Урал (Екатеринбург). 1901. 16 октября.

⁴ НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 1839. Л. 71–72.

вал земским начальникам, что «при оценке служебной деятельности их правильная постановка дела проведения в жизнь закона 9 ноября 1906 г. будет иметь решающее значение». В связи с этим у земских начальников происходит резкое увеличение нагрузки. Например, анализ делопроизводства земского участкового начальника 5-го участка Стерлитамакского уезда С.К. Лейдекера показывает, что число входящих бумаг по его участку в 1908 г. составило 2841. Для регистраций прошений завели особую тетрадь, где было записано 415 заявлений¹. Хотя отдельные земские начальники отнюдь не симпатизировали Столыпинской реформе и выделу на хутора².

Анализ делопроизводства земских участковых начальников Уфимской губернии показывает, что среди уголовных дел преобладали дела о кражах лошадей, нарушениях закона об охране башкирских лесов, мошенничестве, обмане, самовольной порубке и т. д. Среди гражданских дел наиболее часто рассматривались приговоры об удалении сельскими обществами из своей среды «порочных и вредных членов», а также дела по вопросам опекунов и усыновления.

Таким образом, земские начальники Уфимской губернии, в отличие от других российских регионов, в основном представляли служащее дворянство, не имевшее своих поместий. Созданная система управления крестьянством, ключевую роль в которой играли земские начальники, в условиях авторитарного режима Российской империи в целом успешно выполняла свои функции контроля и административно-судебного регулирования за жизнью самого многочисленного слоя населения. Институт земских начальников был упразднен в 1917 г.

¹ Там же. Д. 2484. Л. 1–2.

² Минцлов С.Р. Указ. соч. С. 122.

Братья

Бесценной жемчужиной русской народной культуры по праву считается Национальный академический оркестр народных инструментов имени Н.П. Осипова. Во всём мире коллектив воспринимается «визитной карточкой» России, её национальным достоянием. С оркестром выступали Лидия Русланова и Людмила Зыкина, Ольга Воронец и Иван Козловский, Дмитрий Хворостовский и другие звёзды российской музыкальной культуры.

Оркестр был создан в 1919 г. как Первый Московский Великорусский оркестр Б.С. Трояновского под управлением П.И. Алексеева. С первого концерта 16 августа 1919 г. в саду «Эрмитаж», завоевавший популярность выступлениями перед бойцами Красной Армии и ценителями народной музыки по всей стране, оркестр с 1924 г. начинает активно привлекаться для радиопередач. Успех у многомиллионной аудитории изменил статус коллектива, с 1928 г. он стал Оркестром инструментов Всероссийского радиокомитета, а в 1936 г. получает звание Государственного оркестра народных инструментов СССР.

С 1940 по 1945 гг. руководил оркестром Николай Петрович Осипов. «Как большой музыкант и новатор, он обогатил звучание оркестра новыми красками, введя в его состав старинные народные инструменты». В годы Великой Отечественной войны оркестр выступал перед бойцами и тружениками тыла, снискав поистине всенародную любовь. Лучше самих слушателей фронтовой поры трудно дать оценку труду музыкантов: «Прослушав данный вами шефский концерт, мы, бойцы, сержанты и офицеры войсковой части, выражаем свою глубокую благодарность и своё восхищение исключительным мастерством исполнения близких и родных нам песен нашего великого народа».

Николай Петрович Осипов умер в 1945 г. и приказом № 390 председателя Комитета по делам искусств при Совете министров СССР М. Храпченко от 13 июля 1946 г. постановлено: «Присвоить Государственному Русскому народному оркестру имя Заслуженного артиста РСФСР Николая Петровича Осипова». С тех пор имя Н.П. Осипова стоит в названии коллектива.

А с 1945 по 1954 г. оркестром руководил брат – Дмитрий Петрович Осипов, тоже заслуженный артист РСФСР, лауреат Государственной премии СССР. При Д.П. Осипове начались зарубежные гастролы оркестра, принесшие ему мировую славу¹.

¹ См.: Национальный Академический Оркестр Народных Инструментов

Однако до недавнего времени широкая общественность даже не представляла, что братья Осиповы связаны с Уфой, их исторические корни напрямую восходят к знаменитому дворянскому роду Сергеевых / Осиповых, чьё фамильное поместье располагалось к северу от Уфы, в селе Богородском (Сергеевка).

Дочь Петра Ивановича Сергеева Александра Петровна (1843 г. р.) вышла замуж за Николая Ивановича Осипова († до 1895 г.), унаследовав землю и фамильную усадьбу в Богородском (Сергеевке). В семье было несколько детей. Александру Николаевичу Осипову досталось второе имение в Стерлитамакском уезде (хутор Никольский), которое мать подарила ему в 1896 г. В 1908 г. он продал землю Крестьянскому банку¹.

Свои доли из фамильного поместья возле Богородского (лесные участки) получили дочери, первая – Евгения Николаевна, в замужестве Пильц. Её супруг Александр Иванович Пильц (1870–1944) сделал успешную карьеру. До марта 1916 г. он занимал пост товарища (заместителя) министра внутренних дел, последняя должность – Иркутский генерал-губернатор². Умер в эмиграции в Болгарии.

Вторая дочь – Любовь Николаевна, вышла замуж за управляющего Уфимским отделением Государственного банка И.П. Грунского, известного деятеля российской кооперации (о нём следующая статья). Она тоже получила долю (950 дес.), где будет заложен хутор. Владения некогда огромного имения Сергеевых давно уже распродавались по частям, но самые доходные земли возле села Богородского со старинной усадьбой сохранялись во владении ещё одного внука помещика-инженера П.И. Сергеева, сына Александры Петровны и Николая Ивановича Осиповых – статского советника Петра Николаевича Осипова.

В 1900 г. ему принадлежало 2272 дес. земли³, поместье

России имени Н.П. Осипова / The Ossipov Balalaika Orchestra (The Ossipov National Academic Folk Instruments Orchestra of Russia). Буклет-путеводитель. М., 2009; Национальный академический оркестр народных инструментов имени Н.П. Осипова под руководством Николая Калинина. Буклет. Б. м. и г.; Государственный русский народный оркестр им. Н. Осипова. Буклет. М., 1969.

¹ ЦГАСО. Ф. 322. Оп. 1. Д. 375. Л. 1 об., 2, 55.

² Биржевые ведомости (СПб.). Вечерний выпуск. 1916. 18 (31) марта; Иркутская жизнь. 1916. 19 марта.

³ На 1895 г. площадь имения составляла 3794,03 дес. и принадлежало оно Осиповым А.П. и А.Н. (Александр Петровне и Александру Николаевичу) (Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. VII. Свод экономических данных по губернии. Часть II-я. Список земельных владений губернии. Уфа, 1901. С. 78–79). Пётр Николаевич Осипов унаследовал в поместье долю матери после её кончины.

П.Н. Осипов предлагал для покупки Крестьянскому банку. Стояла усадьба (дом, флигель, баня, конюшня и пр.), держали лошадей, коров, свиней и даже 12 волов, немало имелось сельскохозяйственного инвентаря, часть земли сдавалась в аренду крестьянам, другую часть обрабатывали. Кроме того, на земле П.Н. Осипова жители Богородского (Сергеевки) выстроили 37 усадеб, 60 амбаров, 48 бань, распахали 56 огородов¹.

Мало известно о жизни родителей, Александры Петровны и Николая Ивановича Осиповых. Они давно покинули родовое имение в Уфимской губернии, семья жила в Москве или Петербурге. Так, когда Александра Петровна Осипова в 1896 г. дарит второе имение сыну Александру Николаевичу, поверенным в её делах выступал тайный советник Николай Иосифович Осипов, получавший почту по адресу: Санкт-Петербург, Гагаринская улица, дом № 11². А Пётр Николаевич Осипов в 1900 г. сообщал в Крестьянский банк, что деньги за проданное имение «желаю получить в Петербурге»³.

При восстановлении родословной трудности представляет отсутствие точных сведений о жизни семьи Осиповых в столицах. Уфимское имение оставалось для них существенным источником доходов и, реже, летней дачей, куда, видимо, члены семейства время от времени наведывались, здесь служил Александр Николаевич Осипов⁴, в Уфе повстречали женихов его сестры Евгения и Любовь (в 1901 г.) Николаевны Осиповы.

Да и брат, Пётр Николаевич Осипов, последний владелец имения в Богородском, регулярно приезжал в Уфимскую губернию. В 1900 г. отмечалось, что «имение находится в заведывании приказчика, находящегося под наблюдением владельца, приезжающего в имение летом во время уборки хлебов». Управляющим в Богородском в 1900 г. являлся Степан Никифорович Киселёв, из здешних крестьян. А доходы только от полеводства были немалыми. В 1898 г. из поместья продали 13 тыс. пуд. хлеба на 9375 руб., в 1899 г. – 19 010 пуд. на 7569 руб. Всего же, по подсчёту банковского оценщика, чистый доход имения в Бого-

¹ ЦГАСО. Ф. 322. Оп. 1. Д. 1454. Л. 1, 9 об., 17 об.

² Там же. Д. 375. Л. 5, 11. Видимо, родственник: Осипов Николай Осипович, тайный советник, Гагаринская, 11. Член от министерства Государственных имуществ в Совете по железно-дорожным делам при министерстве путей сообщения и в Совете по тарифным делам при министерстве финансов (Весь Петербург на 1894 г. Адресная и справочная книга / под ред. Н.И. Игнатова. Б. м. и г. Алфавитный указатель жителей столицы. С. 173).

³ ЦГАСО. Ф. 322. Оп. 1. Д. 1454. Л. 1 об.

⁴ Затем он тоже переезжает в северную столицу. В 1907 г. его адрес: Петербург, Греческий проспект, д. 17, кв. 9 (Там же. Д. 2279. Л. 2).

родском составлял около 10,3 тыс. руб.¹

Поэтому в конце лета, когда убирали урожай, арендаторы вносили плату, в Уфу и далее в Богородское приезжал П.Н. Осипов, чтобы лично проследить за продажей хлеба. Рядом с имением на реке Белой имелись пристани (Топорнино, Ахлыстино, Удельные Дуваней), в отсутствие хозяина зерно нельзя было оставлять на хранение в поместье, сразу требовалось продать.

По собранным сведениям последний помещик села Богородского Пётр Николаевич Осипов родился в Москве в 1871 г., супруга – Татьяна Васильевна, родилась в 1876 г. в Одессе. В семье было четверо детей, сыновья: Николай (родился в 1901 г. в Санкт-Петербурге, умер в 1945 г. в Москве), Сергей (родился в 1905 г. также в Петербурге, умер в 1948 г. в Москве, лётчик, участник Великой Отечественной войны), Дмитрий (родился в 1909 г. в Уфе, умер в 1954 г. в Москве) и дочь Мария (родилась в 1899 г., после революции эмигрировала в Швецию, где и скончалась в 1927 г.).

Отец, надворный советник Пётр Николаевич Осипов, последние годы перед революцией служил в Петербурге в Государственной канцелярии одной из высших структур власти Российской империи Государственного совета в должности делопроизводителя по отделению личного состава и общих дел. В 1912 г. одновременно исполнял обязанности делопроизводителя хозяйственного комитета, проживал на улице Николаевской (ныне Марата), 77². Семья сохраняла контакты с Уфой, в 1908 г. братья Пётр и Александр Осиповы подарили земству усадьбу с постройками, в 1909 г. в Уфе родился младший сын Дмитрий.

Возможно, из-за необходимости продать поместье (а процесс этот был сложным и длительным) вся семья и приехала на время в Уфу и, в ожидании появления на свет младшего сына, остались здесь, скорее всего в уфимском доме брата (Александра Николаевича³). Наверняка, в 1908 г. вместе с родителями оказались на уфимской земле и остальные дети, в том числе Ника Осипов, восьмилетний мальчик, уже занимавшийся музыкой, обучавшийся игре на балалайке. В Уфе родился брат Дмитрий⁴.

¹ Там же. Д. 1454. Л. 1, 17, 18 и об., 21.

² Весь Петербург: Адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга на 1912 год. СПб., б. г. Отдел I. С. 6, 664.

³ Коллежский секретарь Александр Николаевич Осипов владел домом в Уфе на улице Гоголевской, № 40 на 1904 и 1911 гг. (Список улиц и домовладений города Уфы, а также адреса должностных лиц и общественных деятелей / сост. А.Ф. Сильвестров и В.А. Ошурко. Уфа, 1904. С. 87; Справочная книга г. Уфы. Уфа, 1911. С. 42).

⁴ Сведения из РГАЛИ различаются. Согласно справке, подписанной дирек-

Можно предположить, что семейство Осиповых из Петербурга поддерживало контакты с уфимскими родственниками и знакомыми, в первую очередь с сестрой Петра Николаевича Осипова Любовью Николаевной Грунской. Овдовев в 1912 г., она с тех пор постоянно жила на своём хуторе «Барыня» возле Богородского. Не забудем, что при здешнем храме находились также могилы предков по матери.

Приезжали питерские Осиповы в Уфимский край или только переписывались, неизвестно, в любом случае, местные жители знали, что дети бывшего барина увлеклись музыкой, да не простой, а народной. К 1925 г., когда Л.Н. Грунская бежала со своего хутора, спасаясь от ареста, Николай Петрович Осипов уже делал успешную карьеру музыканта, специализировавшегося на русских народных инструментах. Собиравшийся написать историю села учитель Иван Кузьмич Семёнов (1915–2011) специально приезжал в Богородское и долгими вечерами беседовал с бабушками, старожилками, вспоминая ушедшее прошлое. От них он и узнал, что знаменитый хор имени Осипова назван в честь сына бывшего барина.

Среди жителей села сохранялись воспоминания о последних владельцах. Краевед О.С. Мордовина беседовала с И.К. Семёновым, который буквально за несколько дней до своей кончины, уже не вставая, говорил – знаменитый музыкант Николай Петрович Осипов – «наш», происходит из рода Сергеевых.

Научная биография Николая и Дмитрия Петровичей Осиповых ещё ждёт своего автора¹. Но общие вехи творческого пути братьев можно восстановить².

тором РГАЛИ Т.М. Горяевой, от 1 декабря 2012 г., Д.П. Осипов «родился 26 октября 1909 г. в Уфе в семье служащего» (Ф. 2919. Оп. 2. Д. 69), но по сведениям главного специалиста центра комплектования РГАЛИ И.Ю. Зелениной «Д.П. Осипов родился 26 мая 1909 г. в Уфе в дворянской семье».

Прим. от редакции – в архиве сохранились метрические книги по церквям Уфы за 1909 г. Специальный просмотр не обнаружил записи о рождении Дмитрия Осипова (НА РБ. Ф. И-294. Оп. 5. Д. 22–24). Наиболее часто именем Дмитрий называли новорождённых в октябре, 26 октября (ст. ст.) празднуется день Великомученика Дмитрия. Родители могли зарегистрировать рождение и крещение ребёнка в любом храме.

¹ См.: *Тарасов Борис*. Н.П. Осипов. Портрет музыканта. М., 2015. 38 с.

² При изучении биографии братьев Осиповых использовался комплекс источников, от архива оркестра до опубликованных работ и архивных материалов, где ряд документов (газетные вырезки, воспоминания музыкантов) были переданы в РГАЛИ в 2009 г. (заключения подготовлены главным специалистом центра комплектования РГАЛИ И.Ю. Зелениной). Далее эти источники приводятся без выделения отдельных сносок. См.: РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 3. Д. 644/1. Л. 66а; Д. 1001/2. Л. 79; Ф. 2767. Оп. 1. Д. 294. Л. 34; Д. 613. Л. 13; Д. 755. Л. 3 и др., 17, 19; Ф. 2929. Оп. 3. Д. 4. Л. 4; Ф. 3082. Оп.

Семейные традиции Сергеевых / Осиповых на протяжении десятилетий включали высокий образовательный уровень, приверженность к военной, инженерной, административной службе. Без сомнения, гуманитарное воспитание являлось неотъемлемой частью домашнего образования, но карьере требовалось делать «серьёзную» и Пётр Николаевич Осипов отдаёт Николаю и Сергея учиться в Императорское училище правоведения, которое окончил сам в 1893 г.

В доме сохранялась любовь к музыке, родители даже мечтали о создании семейного оркестра. Старшая дочь Мария занималась по классу арфы у К.А. Эрдели, сыновьям отводилась роль виолончелиста (Сергею), пианиста (Дмитрию) и скрипача (Николаю). Для этого отец даже разрешил впоследствии (в 1911–1913 гг.) Николаю заниматься частным образом игре на скрипке у профессора Петербургской консерватории Э.Э. Крюгера (ученик Л.С. Ауэра).

Но судьба сложилась иначе. Как-то Николай заболел и, вспоминала жена Николая Петровича Наталья Всеволодовна Осипова, «чтобы развлечь больного сына, отец купил Нике [так звали сына в семье] по его просьбе игрушечную балалайку, на которой можно было извлекать звуки. Играть на балалайке в семье Осиповых никто не умел, а Нике этого очень хотелось».

За помощью родители обратились к дворнику дома Степану Гавриловичу Соколову. Бывший солдат Петербургского гарнизона обучался игре на балалайке у самого В.В. Андреева¹. Так С.Г. Соколов стал первым учителем Ники. Ученик быстро превзошёл наставника и по совету В.В. Андреева родители обратились к артисту Великорусского оркестра Александру Михайловичу Дыхову. Занятия с Дыховым, отличным музыкантом и вдумчивым педагогом, оказали неоценимую услугу. Впоследствии Н.П. Осипов подарил А.М. Дыхову своё фото, где на обороте надписал: «дорогому Александру Михайловичу на память от его ученика Н. Осипова» (ниже рукой Дыхова на фотографии сделана приписка: «Н. Осипов у В.В. Андреева не занимался, а занимался у меня с пятилетнего возраста»).

Тем не менее, через Дыхова В.В. Андреев внимательно сле-

1. Д. 305, 349; *Василенко С.* Страницы воспоминаний. М.; Л., 1948; *Любимов Лев.* На чужбине // Новый мир. 1957. № 3. С. 144; *Попонов В.* Русская народная инструментальная музыка. М., 1984; *Ионченков В.Н.* Серебряные струны: страницы истории русского народного инструментального искусства. М., 2002; *Мироманов В.И.* Хочу Вам рассказать. М., 2002.

¹ Василий Васильевич Андреев (1861–1918), музыкант, композитор, балалаечник-виртуоз, организатор первого в России Императорского Великорусского оркестра (народных инструментов).

дил за занятиями юного музыканта, время от времени прослушивал выученные пьесы, вносил необходимые коррективы в нюансировку, динамику, обращал особое внимание на сыгранность Ники с концертмейстером и аккомпаниатором Ф.В. Леженом. Позднее В.В. Андреев подарит Нике Осипову балаалайку-приму [один из видов балаалайки длиной 60–70 см] работы С.И. Налимова, которая будет сопровождать его на всех концертах.

О своём первом выходе на сцену Ника Осипов записал в школьном сочинении 21 октября 1913 г.: «Мне минуло едва 8 лет, когда меня пригласили принять участие в большом благотворительном концерте. Это приглашение меня очень удивило, так как я никак не думал, что могу выступать перед публикой с моей игрой. Мне очень хотелось отказаться играть, так как, с одной стороны, я боялся возможного провала, а с другой мне надоели постоянные требования играть часами скучные упражнения. До последнего времени я не знал, буду ли я выступать. Когда была подана карета, чтобы ехать на концерт, я объявил, что в концерт ехать согласен, но без инструмента и без моего маленького стула. Родные со мной не спорили. Не прошло и получаса, как я уже поднимался по широкой мраморной лестнице в сопровождении моего аккомпаниатора.

Когда я вошёл в артистическую комнату, первое, что я увидел, был мой маленький стул и хорошо знакомый мне кожаный футляр с инструментом. Как они попали сюда, до сих пор осталось для меня загадкой. Между тем артистическая комната стала наполняться разными господами, одетыми во фраки, и дамами в ярких платьях. [...] Наступила моя очередь. Сторож уже вынес на эстраду мой стул. Отступать было поздно. Я взял балаалайку и пошёл на эстраду. Ощущения мои во время игры я помню плохо. Помню только громкий шёпот при моём выходе, затем глубокое молчание, пока я настраивал инструмент, и, наконец, целую бурю криков и рукоплесканий после окончания моей первой технической вещи. Я встал и поклонился. Крикам "бис" не было конца. Я чувствовал себя совершенно спокойным и радостным. Несколько вещей на "бис" я отыграл уже без всякого волнения. Во время игры я видел обращённые на меня тысячи глаз, но они меня не смущали. Теперь я был уверен в успехе. Но вот уже я в артистической комнате, а из зала всё ещё слышны крики и аплодисменты. Последний раз я вышел раскланиваться без балаалайки и возвратился с громадной коробкой конфет.

В антракте я вышел в публику и сел рядом с мамой, которая в это время разговаривала с каким-то худощавым господином. Увидев меня, она взяла меня за руку и представила своему

собеседнику. Им оказался В.В. Андреев. Он ласково обратился ко мне, говорил мне много комплиментов и сравнивал с Б.С. Трояновским¹, который находился тут же в зале и тоже подошёл ко мне. Этот день решил мою судьбу: я стал музыкантом».

Над юным дарованием взял шефство В.В. Андреев, обещавший пригласить его в свой оркестр, когда тот подрастёт. С этим знаменитым коллективом в качестве солиста Ника выступал в целом ряде концертов: в зале Дворянского собрания (5 апреля 1911 г., 15 и 29 марта 1912 г., 10 января 1913 г.), в Александровском дворце Царского Села (6 мая 1911 г.), в Мариинском театре на юбилейном концерте в честь 25-летия Великорусского оркестра 2 апреля 1913 г.

Об одном из таких концертов вспоминала арфистка К.А. Эрдели: «Первое моё выступление состоялось в Пажеском корпусе. Кроме меня участвовала известная исполнительница русских народных песен Н. Плевацкая и виртуоз-балалаечник, маленький правоведик² лет десяти, Ника Осипов, создатель оркестра народных инструментов. На этом концерте Ника Осипов ослепил всех блеском своей игры. С этого момента у меня возникли дружеские отношения с семьёй Осиповых. Дочь их, сестра Ники, стала моей ученицей».

Полученные в императорской России образование, опыт сотрудничества с лучшими музыкантами навсегда остались с Николаем Петровичем Осиповым. Работавшая в оркестре Осипова В.Н. Городовская позднее вспоминала, что он уделял большое внимание внешнему виду музыкантов на сцене. В 1942 г. для оркестра были пошиты новые фраки и концертные платья, которые ещё нужно было научиться носить. «Мужчины брали пример с Н.П. Осипова. Николай Петрович перед концертом вызывал своих артистов и говорил: – Артист со сцены должен смотреться красиво. Я вам покажу, как надо ходить во фраке. Походка должна быть особенной».

Я с интересом наблюдала за Осиповым со стороны. Это было нечто! Настоящее зрелище! Гордо, с концертной интеллигентной осанкой вышагивал он впереди музыкантов. Потом он из зала смотрел, как выглядит каждый из музыкантов и напоминал: – Хотя вы играете на балалайках и домрах, но вы артисты. Артисты с большой буквы. Помните об этом всегда! И будьте ими». Для женщин Н.П. Осипов специально пригласил Марию Петровну Максакову, которая показывала как надо носить

¹ Борис Сергеевич Трояновский (1883–1951), русский музыкант, виртуоз-балалаечник, организатор и первый руководитель Московского Великорусского оркестра народных инструментов (1919 г.).

² Н.П. Осипов учился в училище правоведения.

длинные платья. «На сцену она выходила как княгиня. Когда шла по сцене, то едва уловимым движением слегка приподнимала платье. Когда садилась, аккуратно клала его возле себя. Показывала, как нужно вставать, поклониться».

Мало информации как пережила семья Осиповых роковые годы революции и Гражданской войны. Выросший вместе с Никой Осиповым в Петрограде Лев Любимов вспоминал, что твёрдое «решение не покидать отечество ни при каких обстоятельствах» высказывал «мой приятель, правовед Николай Осипов, который старше меня на несколько лет. Его отец служил вместе с моим в Государственной канцелярии, имея придворное звание. Но этот юноша с красивыми смелыми чертами лица, воспитывавшийся в тех же, что и я, условиях, уже на школьной скамье прославился как талантливый балалаечник. Когда его спрашивали, собирается ли он бежать за границу, отвечал, что его призвание – искусство, а его искусство вышло из русского народного творчества, с которым он не хочет порывать живую связь. Он остался в голодном Петрограде».

В 1918 г. Н.П. Осипов поступает на службу в Политическо-просветительское управление Петроградского военного округа в качестве начальника концертной группы по обслуживанию бойцов, где впервые приобретает опыт организационной работы.

В 1922 г. семья Осиповых переезжает в Москву¹. Здесь уже многие исполнители работают в жанре русской народной музыки, активно востребованной новым советским обществом. Одним из ведущих коллективов является Оркестр народных инструментов под управлением П.И. Алексева².

В Москве в полную силу разворачивается концертная деятельность братьев Осиповых. Они выступают на заводах и фабриках, в воинских частях, часто с сольными концертами, в которых Дмитрий аккомпанировал брату. Нередко одно отделение солировал Николай, второе – Дмитрий, который выступал под псевдонимом Д. Кайсаров. Музыканты тесно сотрудничают с М.М. Ипполитовым-Ивановым, Р.М. Глиэром, С.Н. Василенко, В.И. Качаловым, Н.П. Смирновым-Сокольским.

26 декабря 1928 г. в малом зале Московской консерватории состоялся концерт русских народных инструментов под управ-

¹ Пётр Николаевич Осипов в советское время работал в Наркомате путей сообщения и Госстрахе, умер в Москве в 1927 г. Супруга, Татьяна Васильевна, скончалась там же в 1936 г.

² Пётр Иванович Алексеев (1892–1960), заслуженный артист РСФСР, участвовал в создании многих самодеятельных оркестров народных инструментов, с 1919 по 1939 гг. художественный руководитель оркестра (будущего имени Осипова).

лением П.И. Алексеева. Пела Н.А Обухова и впервые с оркестром играл виртуоз-балалаечник Н.П. Осипов. Участвовал в концерте и брат Дмитрий, но уже под своей фамилией. Это была первая встреча Николая Петровича Осипова с прославленным коллективом народных инструментов.

С 1928 по 1939 гг. Н.П. Осипов является солистом Московской филармонии, с 1930 по 1940 гг. преподаёт в Московском музыкальном училище имени Октябрьской революции по классу балалайки. Мастерство Осипова завоёвывает признание музыкальной общественности столицы.

Так, большой резонанс вызвал состоявшийся 23 мая 1930 г. в клубе Октябрьской Революции концерт С.Н. Василенко для балалайки с симфоническим оркестром, дирижёр Н.С. Голованов, солист Н.П. Осипов. «Многие тогда недоумевали: как, разве балалайка имеет права гражданства наравне с "благородными" инструментами – скрипкой, виолончелью?», вспоминал впоследствии композитор. «Собралась буквально вся музыкальная Москва, всех интересовало, как симфонический оркестр "задавит" балалайку и как позорно провалится вся затея. Триумф Осипова был невероятный: балалайка "задавила" оркестр. Многие сочетания балалайки с духовыми звучали совершенно по новому, создавая замечательные тембры».

Рецензент в журнале «Рабис» в июне 1930 г. отмечал: «Эта дата крупнейшего значения в истории балалайки и народных инструментов. Мастерство С. Василенко нашло полный эквивалент в мастерстве исполнителя концерта Н. Осипова».

В предвоенные годы талант Николая Петровича Осипова получил всеобщее признание. Русский композитор и дирижёр Михаил Михайлович Ипполитов-Иванов (1859–1935) свидетельствовал в 1930 г.: «Когда слушаешь Николая Осипова, невольно возникает образ величайшего скрипача Николо Паганини. Так же как и Паганини силой колоссального гения утвердил скрипичное мастерство в его настоящем совершенстве, так и Осипов вызвал к жизни балалайку и сделал её в своих руках таким же совершенным инструментом, как скрипка.

Потрясающий (как говорили о Паганини: "дьявольский") темперамент с невероятной техникой – ещё более усиливают это сходство Николая Осипова с Николо Паганини».

Ученик Н.П. Осипова, заслуженный артист РСФСР М.Г. Фалин вспоминал: «Николая Петровича Осипова я знал как весьма разностороннего, интересного человека, высокообразованного, безусловно весьма одарённого, с безупречным музыкальным вкусом, с широкой эрудицией. Он много знал и много помнил. У него был оригинальный склад ума. Остроумия было столько, что

хоть отбавляй! В довоенный период Н.П. Осипов вёл большую педагогическую деятельность. В дни занятий в училище им. Октябрьской Революции у него в классе присутствовало значительно больше учеников, чем числилось по журналу. Много было желающих поприсутствовать на его уроках, на которых было что послушать, чему поучиться. И не только балалаечники приходили, но и домристы, и гитаристы. Много выдавший, выдающийся балалаечник, блестящий артист, в полном смысле, Осипов умел передать все свои знания ученикам».

Проживал Н.П. Осипов в Москве в Подсосенском переулке. Народная артистка СССР Людмила Ермакова, с чьим отцом дружил Осипов, отмечала: «Помню, возвращаясь из школы, нередко встречала его, прогуливающегося с красивым чёрным пуделем. Николай Петрович иногда заходил к нам, но чаще мы были у него. А может быть это только так запомнилось. Ведь Николай Петрович дома почти не расставался с балалайкой – один "Полёт шмеля" Римского-Корсакова чего стоил!»

В эти годы Н.П. Осипов много внимания уделяет репертуару. Например, в 1938 г. после концерта композитор С. Василенко обратился к нему с вопросом: «Ну, как, вы теперь довольны репертуаром?» На что музыкант прямо ответил: «будем откровенны: ведь это не чистый русский оркестр... Я мечтаю создать подлинный русский оркестр, восстановить старинные русские духовые инструменты».

Понимая, что профессиональные композиторы ещё не скоро обратят внимание на балалайку как солирующий инструмент, он выпускает четыре сборника обработок и переложений для балалайки с фортепьяно, в них вошли 48 произведений, над которыми они работали вместе с братом Дмитрием. Произведения из репертуара Н.П. Осипова затем многократно переиздавались¹.

Николай Петрович Осипов являлся одним из лучших балалаечников страны. На проходившем с 20 сентября по 17 октября 1939 г. в Москве Первом Всесоюзном смотре исполнителей на народных инструментах первая премия была присуждена Н.П. Осипову и П.И. Нечепоренко, а ученик Осипова М.Г. Фалин стал призёром смотра.

Тем временем в Государственном оркестре народных инст-

¹ *Осипов Н.П.* Две концертные обработки для балалайки с фортепиано Николая Осипова. М., 1949; *Он же.* Обработки и переложения для балалайки с фортепиано. Вып. 1. М., 1959; *Он же.* Дорожная. Для дуэта или хора с сопровождением баяна. Саранск, 1965; *Осипов Н.П., Лачинов А.Н., Осипов Д.П.* Из репертуара Николая Осипова. Произведения для балалайки и фортепьяно. Вып. 1 / Сост. и авт. предисл. А. Лачинов; Исполн. ред. В. Романова и М. Филина; Перелож. Н. и Д. Осиповых. М., 1985; мн. др.

рументов СССР сменилось руководство. После П.И. Алексеева недолго, в 1939–1940 гг., художественным руководителем пробыл Николай Семёнович Голованов (1891–1953). И приказом Комитета по делам искусств при СНК СССР от 14 апреля 1940 г. художественным руководителем Государственного оркестра был назначен Николай Петрович Осипов.

Новый руководитель энергично взялся за дело. В ноябре 1940 г. в газете «Вечерняя Москва» раскрывались планы развития коллектива, от классиков и советских композиторов до народной музыки. Ветеран оркестра В.И. Мироманов (работавший с 1938 по 1971 гг.) рассказывал: «Н.П. Осипов был известным балалаечником. Его игра отличалась безукоризненной техникой, эмоциональностью и высокой музыкальной культурой. Кроме всего прочего он был яркой личностью, эрудированным остроумным человеком. Со свойственной ему энергией он принялся за дело, и оркестр зазвучал по-новому. Появились народные духовые инструменты, затем группа концертино, которую впоследствии заменили баяны. Он продолжал также выступать в качестве солиста, и ему аккомпанировал его брат, Дмитрий Осипов. Было много гастрольных поездок по различным городам Советского Союза».

Работавшая в оркестре с 1939 г. В.Н. Городовская вспоминала: «Мне очень хорошо запомнился тот день, когда Николай Петрович Осипов пришёл на репетицию. Он поразил нас всех своей колоритной внешностью – стройный, высокого роста, элегантный, в великолепно сшитом костюме. Короче настоящий артист. На нас смотрели чёрные пронзительные и очень умные глаза, в которых искрились смешинки. Над глазами чёрные густые брови и покатый лоб. С первых минут, как он встал за дирижёрский пульт, мы почувствовали, что пришёл большой музыкант. Осипов сразу создал мажорную атмосферу. На нас посыпались остроумные шутки. Поэтому не только эта, но и все последующие репетиции оркестра проходили очень плодотворно, интересно, весело. Перед тем, как начинала звучать музыка, Николай Петрович Осипов сообщал о ней краткие сведения, из каких мест она привезена, где её можно услышать, какие у неё особенности и почему именно эти ноты он нам предлагает. Когда оркестр начинал репетировать и у балалаечников что-то не выходило, Осипов сам брал в руки инструмент и показывал, как балалайка должна звучать в группе. Оркестр зазвучал с таким великолепием, что мы сами были поражены. Но это было лишь началом огромной работы, которую наметил провести Н.П. Осипов.

За короткий срок ему удалось сплотить вокруг себя коллек-

тив единомышленников, поднять мастерство каждого музыканта, значительно обновить репертуар. Первые успехи обнадёжили». Но тут грянула война.

Летом 1941 г. оркестр выехал на гастроли по городам Поволжья. Из воспоминаний В.Н. Городовской: «Наш пароход приближался к городу Сталинграду. По городу были развешены афиши, приглашающие на наши концерты. Но состояться им было суждено лишь года через три. 22 июня Николай Осипов созвал всех на палубе, и мы услышали сообщение Молотова о начале Великой Отечественной войны. Это было страшно. Дорога в Москву показалась кошмарной. На станциях и полустанках, на разъездах мы видели глаза матерей, провожавших сыновей на войну, слышали рыдания жён и невест».

С началом войны (в июле 1941 г.) работа оркестра прервалась, многие музыканты ушли на фронт, некоторые эвакуировались в глубокий тыл. Но сказалось многолетнее сотрудничество с радиокомитетом, который в годы войны стал важнейшим центром информации и пропаганды. 11 августа 1941 г. деятельность оркестра была возобновлена на договорных началах и в основном при радио.

Хотя остались лишь пожилые артисты, маленьким составом оркестр продолжал звучать. Даже когда другие московские коллективы 18 октября 1941 г. были эвакуированы, оркестр под управлением Осипова продолжал выступать по радио, оказывая на слушателей сильное эмоциональное воздействие, призывая к борьбе с врагом.

Передачи были в основном ночные, по три – четыре за ночь с маленькими перерывами. Музыканты спали и отдыхали тут же, кто где сумел пристроиться, на стульчиках в коридоре рядом со студией или просто на полу. Будили колокольчиком: «Вставайте! Вставайте! Сейчас будем играть для Западного фронта...»

«В свободное время мы дежурили на крыше Радиокомитета, – продолжала вспоминать В.Н. Городовская, – Не могу забыть, как рядом со зданием разорвалась бомба. Такая получилась встряска, что я зажмурилась и подумала: – Вот всё и кончилось. Но, к счастью, обошлось».

В эти тяжёлые месяцы начала Великой Отечественной войны Н.П. Осипову приходилось заботиться о сохранении оркестра. Если по списочному составу за 1939 г. в коллективе насчитывалось 81 чел., то теперь едва набирали 30 музыкантов. Но огромный труд на радио принёс результаты, в августе 1942 г. работавшие на договорных началах музыканты были зачислены в штат с полагающейся зарплатой. А затем Осипов был вызван в Кремль. Как вспоминал Иван Семёнович Козловский, «ему надо

было получить ночной пропуск. В час ночи вести беседу с секретарём ЦК КПСС, начальником Совинформбюро А.С. Щербаковым. Именно ночью, потому что у руководства страны днём были другие дела».

После этой беседы с фронта и тыла стали возвращать по составленному списку музыкантов оркестра, к маю 1942 г. в списках значились уже 43 артиста, 29 августа 1942 г. принимается решение организовать Государственный оркестр русских народных инструментов, а 27 ноября оркестру устанавливаются постоянные ставки.

И 25 октября 1942 г. за заслуги в деле развития и пропаганды русского народного искусства Указом Президиума Верховного Совета ССР Николай Петрович Осипов удостоен звания Заслуженный артист РСФСР. В это же время в оркестр на должность помощника главного дирижёра приходит Д.П. Осипов.

Несмотря на огромную концертную деятельность и проблемы с составом оркестра, даже в это время Н.П. Осипов продолжает творческие поиски. Создаются группы гармоник и баянов, увеличивается инструментальный состав ударной группы, ведётся кропотливая работа по освоению и усовершенствованию рожков, брёлок¹, свирелей.

«Сначала мы плохо владели этими инструментами, – вспоминал С.Е. Хуторянский, – Не знали как правильно извлекать звук. Тогда Николай Петрович Осипов поехал специально во Владимирскую область. Там разыскал двух пастухов П. Сухова и И. Кондратова, которые были действительно виртуозами игры на этих инструментах и пригласил их в Москву. [...] Со мной занимался Пётр Сухов. Впервые владимирские рожки Н.П. Осипов ввёл во время исполнения "Пляски скоморохов" из музыки П.И. Чайковского к весенней сказке Островского "Снегурочка". Четверо рожечников в новых, только что сшитых фраках, вставляли и играли сигналы, которые в симфоническом оркестре играли трубы. Это было эффектно как с музыкальной, так и с чисто зрительской точек зрения».

Во время войны с оркестром Н.П. Осипова сотрудничали М.П. Максакова, С.Я. Лемешев, которые на смотре русской песни в Москве в 1943 г. получили первую премию, другие известные исполнители.

Возвращались с фронта музыканты, «руки, – вспоминал ветеран оркестра П.И. Груздов, – совсем недавно державшие боевое оружие, взяли домры и балалайки. Начались каждодневные

¹ Брёлка – русский народный духовой деревянный музыкальный инструмент, бытовавший в пастушеской среде, древний вариант гобоя.

многочасовые репетиции, а затем концерты на фронтах, в госпиталях для раненых, поездки по стране – в Челябинск, Новосибирск, Омск, Сталинград, – город, где нас застала война... Кадры военной кинохроники сохранили для нас те минуты, когда Государственный русский оркестр выступал в Сталинграде на площади недалеко от дома, где был пленён Паулюс вместе со своим штабом. Наша музыка звучала как гимн народу, отстоявшему свою землю, защитившему город на Волге. Мы были горды тем, что первыми музыкантами приехали в Сталинград, ставший городом – символом героизма, мужества и отваги.

За время Отечественной войны оркестр дал около 250 военно-шефских концертов, не считая многочисленных концертов отдельных артистов и концертных бригад, организованных для обслуживания РККА. Огромная любовь многомиллионной армии слушателей подтверждается большим количеством самых тёплых отзывов.

Невозможно привести все письма. Вот один пример: «Государственному русскому народному оркестру под управлением Заслуженного Артиста Республики Н.П. Осипова.

Командование и Партийная Организация Эвакогоспиталя № 5016 от лица раненых офицеров и бойцов Красной Армии выражает Вам сердечную благодарность за высокохудожественное исполнение русских народных песен.

Выступления Вашего коллектива в палатах и заключительный большой концерт в клубе госпиталя доставили тяжело раненым большое удовольствие и оказали благотворное влияние на их душевное состояние.

Концерт Ваш в годовщину Красной Армии показал раненым воинам, пролившим кровь за Родину, народную любовь и заботу о них.

Начальник эвакогоспиталя 5016 Майор медицинской службы – (Гриншпан) подпись

Секретарь парторганизации – (Смирнов) подпись

22-го февраля 1945 года г. Москва».

Радость от Великой Победы омрачилась тяжёлой утратой. В светлый день 9 мая 1945 г. скончался Николай Петрович Осипов. Великая Отечественная война стала испытанием стойкости и мужества, преданности и любви к Родине. Н.П. Осипов остался до конца верен своему делу, которому отдал себя без остатка.

Большая творческая и человеческая дружба со многими видными артистами сказалась, когда многие (В.В. Барсова, А.О. Батурин, С.Н. Василенко, Р.М. Глиэр, Н.С. Голованов, И.С. Козловский, М.П. Максакова, М.Д. Михайлов, А.В. Нежданова, Н.А. Обухова, Е.А. Степанова, Ю.А. Шапорин) подписались под

письмом коллектива оркестра в Комитет по делам искусств при СНК СССР о присвоении оркестру имени Н.П. Осипова.

Приказом от 25 июня 1945 г. исполняющим обязанности художественного руководителя Государственного русского народного оркестра был назначен Дмитрий Петрович Осипов.

Он обучался в музыкальном техникуме, с 1920 г. выступал в качестве пианиста – аккомпаниатора брата, в 1925–1930 гг. учился в Московской консерватории по классу фортепиано, с 1931 г. артист Филармонии и Госконцерта (солист-пианист), в 1935 г. на Всесоюзном конкурсе музыкантов-исполнителей получил диплом 3-й степени. В 1936–1943 гг. работал ассистентом на кафедре А.В. Гольденвейзера в Московской консерватории, с 1943 г. связал свою судьбу с оркестром русских народных инструментов. В 1945–1954 гг. Д.П. Осипов дирижёр и художественный руководитель оркестра.

За период его руководства оркестр имени Осипова дал около 450 концертов, Дмитрий Петрович продолжил работу по воскрешению незаслуженно забытых народных песен, которые исполняли В. Барсова, А. Пирогов, И. Козловский, С. Лемешев, М. Максакова, Л. Русланова. Впервые появились солирующие народные инструменты, вслед за балалайками и домрами, – баян и гусли. Большое внимание Д.П. Осипов уделял работе с молодыми композиторами (Н. Будашкин, А. Новиков, А. Холминов, С. Туликов и др.), способствовал появлению своих композиторов из музыкантов оркестра. Большую помощь Д.П. Осипов оказывал самодеятельным оркестрам, публикуя в различных изданиях статьи («Труд», «Советское искусство» и др.).

С 1949 г. начинаются зарубежные гастроли оркестра (Германия, Чехословакия, Венгрия, Румыния, Австрия). В 1947 г. Д.П. Осипову присвоено звание Заслуженный артист РСФСР, а в 1950 г. он становится лауреатом Сталинской премии СССР. Скончался Дмитрий Петрович Осипов 23 сентября 1954 г.

И в дальнейшей славной истории оркестра имени Н.П. Осипова имя художественного руководителя коллектива в тяжёлые годы Великой Отечественной войны никогда не забывалось. В 1971 г. к 75-летию Н.П. Осипова (дату рождения иногда указывали как 1896 г.) выходят юбилейные статьи в Москве («Комсомольская правда») и даже в Нью-Йорке – в эмигрантской прессе. В 1976 г. в Центральном доме работников искусств состоялся юбилейный вечер, посвящённый 75-летию Н.П. Осипова, где, в частности, с воспоминаниями выступил Иван Семёнович Козловский. В 1995 г. оркестр повторил свои знаменитые предвоенные гастроли, закончив их 22 июня большим концертом для ветеранов Сталинградской битвы. Одним из солистов оркестра высту-

пал ветеран Великой Отечественной войны М.Ф. Рожков.

В 2014 г. оркестру имени Н.П. Осипова исполнилось 95 лет. С апреля 2009 г. пост художественного руководителя и главного дирижёра оркестра занимает народный артист России, профессор Владимир Павлович Андропов, дирижёр Большого театра России. Прошедшие юбилейные концерты ещё раз показали, что оркестр русских народных инструментов нужен народу и его работа идёт в правильном направлении.

* * *

В составе оркестра выступали и другие уроженцы Уфы. Например, в годы войны в оркестр пришёл Анатолий Яковлевич Александров (1916–1980). Он родился 3 марта 1916 г. в Уфе в семье машиниста. В 1931–1935 гг. учился в Московском областном педагогическом музыкальном техникуме им. Октябрьской революции на отделении народных инструментов. В 1936–1939 гг. работал преподавателем игры на мандолине и домре в этом училище. Одновременно в 1933–1936 гг. руководил самодеятельными оркестрами Типографии № 17 и различных рабочих клубов Москвы. В 1936–1939 гг. работал артистом оркестра народных инструментов СССР, в 1939–1942 г. А.Я. Александров – артист песни и пляски НКВД СССР, в марте – декабре 1942 г. – дирижёр в Казахском театре русской драмы. С декабря 1942 г. работал в Государственном Русском народном оркестре им. Осипова (солист, концертмейстер). С 1952 г. – преподаватель по классу трёхструнной домры в Институте им. Гнесина¹.

Затем, в числе первых выпускников факультета народных инструментов, А.Я. Александров был приглашён на работу на кафедру народных инструментов. А. Александров считается создателем первой школы игры на трёхструнной домре, он автор многих музыкальных сочинений и переложений².

Государственный музыкально-педагогический институт имени Гнесиных (ныне Российская академия музыки имени Гнесиных) оказывал большую помощь в становлении провинциальных вузов, разрабатывал для них программы. В 1961 г. в Уфе был открыт филиал (учебно-консультативный пункт при заочном отделении) института, где работали его педагоги и воспитанники-«гнесинцы», в 1968 г. на его базе был создан самостоятельный Уфимский государственный институт искусств, позже – Уфимская государственная академия искусств им. З. Исмагилова (с января 2016 г. вновь институт).

¹ См.: РГАЛИ. Ф. 2919. Оп. 2. Д. 3.

² Александров А.Я. Азбука домриста. М., 1963; Он же. Гаммы и арпеджио для трёхструнной домры (малой и альтовой). М., 1962; 1970; Он же. Школа игры на трёхструнной домре. М., 1979 (выдержало пять изданий); мн. др.

Деяния банкира

Всем уфимцам хорошо знаком изящный особняк Государственного банка на улице когда-то Соборной, затем Я. Гашека, ныне Театральной. Заложенный в 1897 г. именно для Уфимского отделения Госбанка, он таковым остаётся и поныне. Начал строительство тогдашний управляющий Уфимским отделением Иосиф Петрович Грунский. Его фамилия существует до сих пор на карте Башкирии, в Благовещенском районе есть посёлок Грунский 2-й.

Оказался И.П. Грунский в Уфе переводом с должности управляющего Псковским отделением Госбанка (1894–1897 гг.)¹. И сразу принялся за возведение специального банковского корпуса, столице обширной Уфимской губернии требовалось солидное, специально оборудованное современное здание.

В нашей Уфе И.П. Грунский нашёл свою суженую, женившись в 1901 г.² на Любви Николаевне Осиповой (1867 г. р.), внучке знаменитого помещика П.И. Сергеева. Из его некогда обширных владений она получила в приданое 950 дес. лесных зарослей неподалёку от села Богородское (Сергеевка). Землю продавали окрестным крестьянам, которые основали посёлок Грунский.

К 1912 г. имение включало всего 18,75 дес. с небольшой усадьбой. Здесь провела многие годы Любовь Николаевна Грунская. Её хутор так и звался «Барыня». До сих пор от него сохранилась вытянутая сиреневая аллея с двумя полукруглыми углублениями от стоявших здесь домов. Рядом видны остатки системы прудов, дорога к которым идёт меж рядов сирени.

Л.Н. Грунская постоянно жила на своём хуторе вплоть до середины 1920-х гг. «Старожилы в селе Богородском вспоминали высокую статную женщину в красивом платье, приходившую в церковь на службу»³. Любовь Николаевна не просто ходила в

¹ См.: Псковская губерния (Псков). 2005. № 46.

² В 1915 г. была опубликована любопытная заметка: «Находка извозчика. 14 сего октября, во 2 участок легковым извозчиком № 484, Габдулхакимовым найдены и доставлены два золотых кольца 92 пробы, спаянные вместе, с гравюрой И.П. Грунский 21/1 1901 г. и на втором Л.Н. Осипова 21/1 1901 года» (Уфимский край. 1915. 16 октября). В это время шёл сбор пожертвований (золота и пр.) для фронта. Возможно, Л.Н. Осипова решила отдать свои обручальные кольца, но потеряла.

³ *Мордовина О.С. Судьба инженера // Река времени. 2012: Мир южноуральской усадьбы / Отв. ред. Ю.М. Абсалямов, М.И. Родное. Уфа, 2012. С. 106; Она же. Опыт реконструкции планировки дворянской усадьбы Уфим-*

храм, там был погребён её супруг Иосиф Петрович Грунский. Наверняка, именно из-за желания остаться возле могилы близкого и дорогого человека, здесь также были похоронены все её предки, она продолжала жить на своём хуторе.

Хотя по словам председателя местной канткомиссии Горяева от 12 августа 1925 г., А.П. Грунская «в 1917–18 году во время организации Советов активно выступала за создание Советов и одно время была избрана Председателем местной земской управы, но тем не менее во время гражданской войны никуда не выезжала и имущество её не национализировалось». В апреле 1925 г. земельная комиссия Удельно-Дуванейской волости «лишила её права владения землёю», БашЦИК 27/28 сентября 1925 г. постановил «выселить» А.П. Грунскую¹. Историк села Богородского О.С. Мордовина записала среди местных жителей воспоминания, что А.Н. Грунскую крестьяне предупредили о предстоящем аресте, она оделась в простое платье и с вещами ушла, видимо, в Уфу, не дожидаясь выселения и реквизиции. Дальнейшая судьба её не известна.

Вдова свято хранила память о безвременно ушедшем муже. Брак был поздним, И.П. Грунский к тому времени развёлся, и 21 января 1901 г. сыграли свадьбу, после чего молодожёны отбыли на два месяца за границу в свадебное путешествие.

Сам же Иосиф Петрович Грунский (1856 г. р.) происходил из обер-офицерских детей, в 1882 г. закончил Петровскую земледельческую и лесную академию, с января 1884 г. трудился в финансовых органах².

Правда, служил И.П. Грунский в Уфе недолго, всего шесть лет, с 1897 до 1903 г., после отставки некоторое время оставался здесь же, видимо, тогда и был заложен хутор возле Богородского. Судьба отпустила ему недолгий срок, умер в 1912 г.

О жизни И.П. Грунского, его личности и делах узнаём из некролога, составленного известным русским и украинским экономистом, общественным деятелем Михаилом Ивановичем Туган-Барановским (1865–1919), хорошо знавшим покойного, работавшим вместе с Грунским. Приведём текст некролога полностью³:

ской губернии XIX–XX вв. // Река времени. 2014 / Отв. ред. М.И. Роднов. Уфа, 2014. С. 115–117; архив О.С. Мордовиной.

¹ НА РБ. Ф. Р-394. Оп. 12. Д. 7508. Л. 1–3. Сведения В.Н. Макаровой.

² Мордовина О.С. Опыт реконструкции планировки дворянской усадьбы Уфимской губернии XIX–XX вв. С. 115; архив О.С. Мордовиной.

³ Вестник кооперации (СПб.). 1912. Кн. 3. Без паг. (некролог и фото приведены в начале выпуска).

«Памяти Иосифа Петровича Грунского.
† 14 апреля 1912.

Смерть от разрыва сердца Иосифа Петровича Грунского, товарища председателя отдела сельско-хозяйственной кооперации нашего комитета, была естественным завершением всей его жизни. Как ему было жить, с его больным сердцем, когда на всякую общественную несправедливость, на всякий неправильный шаг его окружающих, он реагировал с совершенно юношеской горячностью? Он был одним из тех немногих людей, которые не могут состариться духом. Физических сил у него было не много, хотя он скончался далеко не старым – 56 лет, в том возрасте, когда люди на Западе находятся в полном расцвете сил. Но больное сердце мешало И.П. работать, как он бы мог и как он хотел, и всё время держало его на краю смерти. Он не считался со своим физическим состоянием, переутомлял себя работой, волновался, кипел, боролся за то, что считал правдой – и вот струна лопнула.

Непосредственной причиной его смерти было страшное напряжение, потребовавшееся от него для участия в организационном съезде учредителей Московского Народного Банка, приславшего венки на его гроб. Участники этого съезда, собравшего столько деятелей кооперации, конечно, помнят яркую фигуру покойного.

Он выступал резким критиком некоторых предположений организационного комитета и утомление этих выступлений его сломило. Но, думается, даже несогласные с его критическими замечаниями не могли не видеть, что та горячность и тот жар, которые он вносил в свою деятельность, как один из учредителей банка, вытекали всецело из его преданности великому делу русской кооперации, которое было так дорого его сердцу.

Занимая, несколько лет тому назад, ответственную должность управляющего Уфимским отделением Государственного банка, он был едва ли не единственным из руководителей этих отделений, широко организовавшим дело мелкого народного кредита. Однако, не смотря на проявленную им выдающуюся инициативу в этом деле, скорее, именно благодаря этому, он не долго пробыл на своём посту. Его уволили и он должен был оставить государственную службу. Некоторое время он оставался в Уфе – но общественная обстановка, создававшаяся в провинции после 1905 г., была так удушлива, что ему пришлось почти бежать из того города, где он провёл несколько своих лучших лет.

Привожу для характеристики И.П. выдержку из письма к его вдове одного хорошо знавшего его Уфимского крестьянина,

работающего в кооперативном деле:

... "Точно страшным ударом грома поразило меня... И я лишился ещё одного дорогого и близкого сердцу моему человека, хотя по классу разделения людей и по возрасту далёкого. Но незабвенный наш Иосиф Петрович и был именно тем, "переходом" через пропасть, разделяющую людей, посредством которого люди понемногу соединились; это был не "барин", а товарищ и учитель крестьянства"...

После отъезда И.П. из Уфы начинаются его странствования за границей и, наконец, возвращение в Петербург. В Петербурге он был человеком новым. Однако его привлекательная личность быстро сделала его центром большого кружка лиц, близких ему по духу и убеждениям. Он всё более и более втягивался в разнообразную общественную работу и, в последнее время своей жизни, всё более отдавал времени и своих сил кооперации. И.П. становится сотрудником "Вестника Кооперации" и одним из самых деятельных членов нашего Комитета.

Всё было бы хорошо, если бы не слабое сердце. Сколько раз, бывало, приходилось видеть, как бедный Иосиф Петрович, защищая свои любимые взгляды и возражая противнику, должен был прерывать свою речь от мучительной отдышки; сколько раз приходилось его близким, его друзьям уговаривать его пощадить себя и относиться ко всему спокойнее. Но увещания были бесполезны. Он не мог себя переделать. Ведь его болезнь не была его случайной бедой, а выражением самой его природы, горячей, протестующей и волнующейся.

И вот его не стало. Мы остались, потому что мы спокойнее и более щадим себя. Но скольким из нас можно пожелать побольше той страстности, которая свела Иосифа Петровича в могилу!

М. Туган-Барановский.

Этот текст был помещён в самом начале очередной книжки «Вестника кооперации», главного кооперативного издания России. В год выходило шесть книжек. Третья, с некрологом, была майско – июньская, но вся кооперативная Россия уже знала о кончине И.П. Грунского. И следом за некрологом редакция поместила немудрёные стихи украинского кооператора.

«Памяти Кооператора И.П. Грунского.

Он умер, сражённый тяжёлым недугом.
В борьбе за святой идеал,
За долю он ратовал тех, кто за плутом

Не лёгкий свой хлеб добывал...

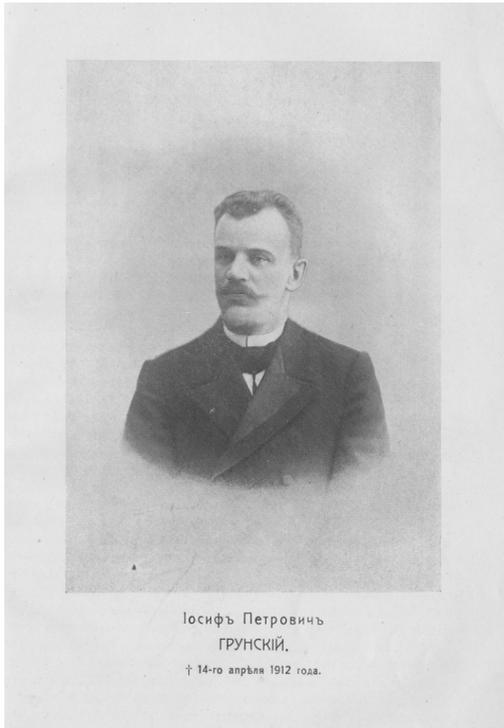
О горе народном он, чуткой душою,
Незримо для многих, скорбел, –
В преклонные годы, с мечтой молодою,
Боролся за лучший удел...

За благо народное, светлое, чистое,
Свой дух он внезапно отдал, –
"Спасибо" душевное, вечно искристое,
Себе перед смертью стяжал...

Пусть годы промчатся незримой чредою,
Изглядятся многих дела, –
Мечта его будет всегда молодою
И сердцу народа мила.

Богдан Былинский.

Полтава».

Чуть ранее отреагировала уфимская пресса. Хотя Грунский давно уже уехал из наших краёв, его помнили, он сохранял контакты, возможно, наведывался с супругой на свой хутор. Некий П.К. помещает некролог: «И.П. Грунский. †

Уфимская кредитная кооперация лишилась крупного своего деятеля в лице Иосифа Петровича Грунского, скончавшегося от болезни сердца 14 апреля в С.-Петербурге.

Покойный, по окончании курса в Петровско-Разумовской академии, вскоре поступил на службу в госуд. банк. Будучи управляющим уфим. отдел. банка, И.П. Грунский первый обратил серьёзное внимание на необходимость мелкого кредита для крестьян нашей губернии и заложил прочный фундамент этого дела открытием нескольких кредитных товариществ, к числу которых принадлежит, напр. известное всей кооперативной России благовещенское кредитное товарищество.

Оставив службу в госуд. банке, И.П. всецело отдал свои силы на служение любимому делу кооперации. Участники первого губернского съезда по мелкому кредиту в г. Уфе помнят его горячие речи на съезде, где он убеждённо отстаивал чистоту кооперативных принципов. Покойный самостоятельно организовал одно крупное кредитное товарищество (Сергиево-Богородское, в Дуванейской вол.) и до самой смерти состоял его попечителем.

В последние годы И.П., живя в Петербурге, принимал близкое участие в делах отделения комитета о ссудо-сберегательных и промышленных товариществах, работал в специальных изданиях по мелкому кредиту, в которых, между прочим, правдиво освещал истинное положение дела в нашей губернии и горячо отстаивал его интересы. Больное сердце не выдержало напряжённой работы, которую вынес покойный на первом всероссийском съезде деятелей мелкого кредита и на собрании акционеров московского народного банка; И.П. умер, ещё далеко не старым человеком, оставаясь до конца своей жизни истинным кооператором. Любовь к правде, причинявшая ему много неприятностей была основой его жизни. П.К.»¹

Многогранная деятельность И.П. Грунского в должности управляющего Уфимским отделением Государственного банка требует специального изыскания, но, как опытный финансист, он видел одну из самых острых проблем того времени – отсутствие дешёвого и доступного мелкого кредита. Развитие рыночной экономики, формирование мелкого и среднего предпринимательства в сельском хозяйстве, торговле, ремесленно-кустарной

¹ Уфимский вестник. 1912. 17 апреля. П.К., скорее всего, это инспектор мелкого кредита П.В. Камкин, служивший в Уфе.

деятельности требовало финансовой поддержки. Но банков было немного, находились они только в крупных городах, сложными оставались условия получения кредита. Изучение уфимского бизнеса начала XX в. показывает, что многие средние и даже крупные торговцы вообще не использовали заёмные средства, вели дело с оборота.

Для гигантской же массы крестьян оставались доступными только ростовщичьи с их чудовищными процентами¹. Попытки государства и общественности поддержать кредитную кооперацию во второй половине XIX в. принесли крайне слабые результаты, власть осознала, что без серьёзной финансовой поддержки, упрощения регистрации, предоставления большей свободы кооперативам успеха не будет.

Новый устав Госбанка, утверждённый 6 июня 1894 г., открывал более широкие возможности для кредитования мелкого бизнеса. Затем принимается ещё ряд решений и 1 июня 1895 г. утверждается «Положение об учреждениях мелкого кредита», создавшее новый тип кооперации – кредитные товарищества, в которых отсутствовал паевый взнос, как в ссудо-сберегательных товариществах. Открыть теперь кооператив можно было на заёмные средства, например, Госбанка. В 1896–1897 гг. разрабатываются и утверждаются образцовые и частные уставы².

Именно на этот период приходится руководство Иосифом Петровичем Грунским Уфимским отделением Госбанка. Согласно положению 1895 г. на Госбанк возлагалось наблюдение за кредитными товариществами, руководство ими, для чего в Инспекции Госбанка создаётся особый IX отдел. Отсюда 19 февраля 1898 г. во все отделения направляется типовый устав кредитных товариществ и наказ для инспекторов. В начале 1900 г. в Уфимское отделение назначается первый инспектор Пётр Васильевич Трифонов³.

На 1903 г. коллежский советник И.П. Грунский возглавлял деятельность коллектива Государственного банка, включавшего, помимо него, контролёра, кассира, бухгалтера, секретаря, двух помощников контролёра, трёх помощников кассира (I, II и III разрядов) и семерых помощников бухгалтера, итого 17 человек. При отделении действовал учётно-ссудный комитет, куда входи-

¹ См.: Кооперация в Уфимской губернии. Вып. I. Кредитная кооперация. Уфа, 1913. С. 46–51; *Роднов М.И.* Мулла-ростовщик // Мусульманские духовные лица в социальном и духовном развитии татарского народа (XVIII – начало XX вв.). Казань, 2014. С. 122–138.

² *Корелин А.П.* Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг. М., 2009. С. 104–109.

³ Вестник сельского хозяйства (М.). 1900. 26 февраля. С. 12.

ли самые известные и доверенные представители уфимского бизнеса: А.Д. Дашков, Ш.Ш. Сыртланов, А.А. Зеленцов, П.Ф. Гиневский, С.Л. Сахаров, Д.К. Юдаев, Н.К. Блохин, И.Н. Першин, Н.Н. Степанов, А.Ф. Чижёв, А.И. Умов, И.Н. Шамов, Е.В. Россинский и К.П. Тевкелев¹.

К составу последнего И.П. Грунский относился особенно внимательно, так как именно учётно-ссудный комитет выдавал рекомендации о предоставлении или нет кредита, основываясь на личной информации о заёмщике. При малейшем сомнении в порядочности управляющий поднимал вопрос об исключении, что показала история с крупнейшим москательным торговцем Николаем Никаноровичем Степановым.

В январе 1903 г. И.П. Грунский вдруг потребовал немедленно исключить Н.Н. Степанова из членов учётно-ссудного комитета. Оказалось, в ноябре 1902 г. Саратовское отделение Госбанка наложило запрещение (арест) на цемент, принадлежавший саратовскому купцу Д.Б. Зейферту и находившийся в Уфе на барже купца И.Н. Першина и частично на складе Н.Н. Степанова (2700 бочек цемента). Первый был арестован, а вот второй – нет. Степанов сначала представил документы, что цемент на его складе принадлежит купцу Левитану, но 3 января 1903 г. подтвердил, что цемент всё-таки Зейферта.

Управляющий Уфимским отделением Госбанка И.П. Грунский расценил это как обман, недопустимый для члена учётно-ссудного комитета, потребовал вывести Н.Н. Степанова из состава. Но в ходе переписки выяснилась невинность Степанова, Левитан выступал в качестве доверенного Зейферта, и Н.Н. Степанова оставили в составе комитета².

Иосиф Петрович участвовал в благотворительности, состоял членом Уфимского местного управления Российского общества Красного Креста³, в октябре 1898 г. избирается членом уфимского отделения Московского общества сельского хозяйства⁴, но в 1903 г. он уходит в отставку. В некрологе М.И. Туган-Барановского (см. выше), а он близко общался с И.П. Грунским и, наверняка, поместил в текст некролога личные рассказы покойного о своей судьбе, выделяются два момента. Первое, И.П. Грунский «был едва ли не единственным из руководителей этих

¹ Справочная книжка и адрес-календарь Уфимской губернии на 1903 год. Уфа, 1903. С. 42.

² НА РБ. Ф. И-143. Оп. 1. Д. 4. Л. 23.

³ Справочная книжка и адрес-календарь Уфимской губернии на 1903 год. С. 69.

⁴ Протоколы и труды Уфимского отдела Императорского Московского Общества сельского хозяйства. Вып. VIII. 1901 год. Уфа, 1901. С. 3.

отделений [Госбанка], широко организовавшим дело мелкого народного кредита».

В казённой и весьма консервативной структуре Государственного банка новые начинания приживались медленно, кредитование мелкого бизнеса только зарождалось и активность И.П. Грунского, видимо, вызвала конфликт с руководством банка. Туган-Барановский откровенно говорил: «не смотря на проявленную им выдающуюся инициативу в этом деле, скорее, именно благодаря этому, он не долго пробыл на своём посту». Вероятно, отставка И.П. Грунского была связана с чрезмерным (и рискованным) кредитованием мелких предпринимателей. Отметим, что Грунского не перевели на какую-либо иную должность в системе Госбанка, а вообще уволили за штат¹. Учитывая резкий и горячий характер Иосифа Петровича, он, наверняка, «сжёг все мосты к отступлению».

И.П. Грунский опережал своё время. Принимаемые меры лишь немного способствовали подъёму кредитной кооперации. С середины 1890-х и до начала 1900-х гг. судьба кооперации активно обсуждалась специалистами и общественностью, высказалось и Уфимское губернское земское собрание. Борьба различных направлений выразилась в новом Положении о мелком кредите, утверждённом 7 июня 1904 г. Именно после выхода этого закона, в России начинается стремительный рост числа кредитных товариществ. Если в 1903 г. их по всей стране насчитывалось 176, то в 1904 г. стало 306, в 1905 г. – 537, в 1906 г. – 782, в 1907 г. – 1210 товариществ. К 1912 г. в Уфимской губернии 23% всех крестьян было вовлечено в кредитную кооперацию².

Но Иосиф Петрович Грунский уже был уволен в отставку, буквально за год до выхода нового закона о кооперации. По сведениям автора «Уфимского вестника» он принимал участие в открытии ряда кооперативов, в том числе в Благовещенском заводе, где на 1913 г. существовали Благовещенское общество взаимного кредита, Благовещенское кредитное товарищество и общество потребителей Благовещенского завода. Рядом с именем жены возникает Сергиево-Богородское кредитное товарищество (на 1913 г. члены правления Ф.Е. Овчинников, Г.П. Киселёв, А.Д. Исаев, счетовод А.К. Чернов)³. Журналист отметил, что

¹ В прессе публиковали слухи, что управляющий Уфимским отделением Госбанка И.П. Грунский уходит в отставку и уезжает из Уфы (Уфимские ведомости. 1903. 23 апреля). И 21 апреля Уфимский губернатор выдал заграничный паспорт коллежскому советнику Иосифу Петровичу Грунскому с женой Любовью Николаевной на шесть месяцев (Там же. 14 мая).

² Корелин А.П. Указ. соч. С. 109–119, 134, 139.

³ Адрес-календарь Уфимской губернии на 1913 год. Уфа, 1913. С. 50, 52,

«покойный самостоятельно организовал одно крупное кредитное товарищество (Сергиево-Богородское, в Дуванейской вол.) и до самой смерти состоял его попечителем».

И, самое любопытное, тут же (почтовый адрес Монастырские Дуванеи) открывается Зуевское сельско-хозяйственное общество, единственное в Уфимском уезде. Председателем совета был Ф.И. Ветлугин, товарищем (заместителем) В.П. Ветлугин, секретарём Ф.И. Бобров, казначеем Ф.А. Ветлугин, а членами общества являлись О.Я. Чистоступов, а также Иосиф Петрович Грунский и его родственник, брат жены А.Н. Осипов¹.

Вплоть до кончины, проживая в Петербурге, И.П. Грунский поддерживал тесные контакты с кооператорами близлежащих селений. Видимо, один из них и прислал соболезнование супруге (см. выше).

Выйдя в отставку Иосиф Петрович, вернувшись из заграничного вояжа, занимается обустройством доставшегося хутора возле села Богородского, возводятся постройки, распахивается земля, он участвует в открытии местных кооперативов. Автор «Уфимского вестника» добавлял, что «участники первого губернского съезда по мелкому кредиту² в г. Уфе помнят его горячие речи на съезде, где он убеждённо отстаивал чистоту кооперативных принципов». Действительно, И.Н. Грунский выступал десять раз на съезде по различным вопросам³.

Здесь И.П. Грунский пережил первую русскую революцию (в январе 1907 г. он точно ещё в Уфе), и, свидетельствовал М.И. Туган-Барановский, «общественная обстановка, создавшаяся в провинции после 1905 г., была так удушлива, что ему пришлось почти бежать из того города, где он провёл несколько своих лучших лет».

Супруги Грунские уезжают за границу, откуда возвращаются в Санкт-Петербург примерно в 1909 г. В начале 1910 г. он точно в Петербурге и начинает сотрудничать с ведущим в России кооперативным изданием «Вестником кооперации», который выпускало Санкт-Петербургское отделение Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах.

Яркий полемист и опытный финансист, И.П. Грунский сра-

53. В Благовещенском заводе существовали давние кооперативные традиции. Ещё в 1868 г. при содействии А.Д. Дашкова здесь была открыта сберегательная и вспомогательная касса (Энциклопедия предпринимательства Башкортостана. Уфа, 2006. С. 140–141).

¹ Адрес-календарь Уфимской губернии на 1912 год. Уфа, 1912. С. 69.

² Труды 1-го Съезда представителей учреждений мелкого кредита Уфимской губернии. (30 января – 2 февраля 1907 г.). Уфа, [1907].

³ См.: Вестник Уфы. 1907. 1, 2, 8, 10 февраля.

зу принимается за работу, его статья «Впечатления от второго всероссийского кустарного съезда»¹ в 1910 г. вызывает большой общественный резонанс.

Он участвует в заседаниях III отдела съезда и 13 февраля 1910 г. включается в оживлённую дискуссию «об объединении потребительных обществ в общества оптовых закупок». И.П. Грунский предлагал, «для облегчения объединения потребительных о-в, ходатайствовать при содействии Отдела, перед городской Думой [Петербурга] о субсидии о-вам». После споров, «предложение Грунского собранием отклоняется, так как в принципе, о-ва должны пользоваться кредитом лишь кооперативным»².

Казалось бы узко специальный вопрос вызвал ярые возражения. В следующей книжке «вестника» выходит большая статья М. Слобожанина «Кое что о кустарном съезде и о кооперативной его секции. (По поводу статьи И. Грунского)».

Жёсткой критике подверглись идеи Грунского о поддержке Госбанком кустарной промышленности, ведь профессор Н.А. Кабуков утверждал обратное: «всякий государственный банк [...] в современных условиях государственности, будет преследовать не народные, а классовые цели, ближайшим образом цели капиталистов». «Г-н же Грунский гораздо благосклоннее к общему Государственному банку», замечал М. Слобожанин, игнорируя его классовый характер³.

На И.П. Грунского ополчился один из самых «значительных и ярких» теоретиков кооперации, публицист, статистик, создатель оригинальной педагогической системы обучения крестьянских детей Е.Д. Максимов (1858–1927), литературный псевдоним Максим Слобожанин⁴. В защиту же И.П. Грунского выступил редактор «вестника», профессор М.И. Туган-Барановский со специальной заметкой «По поводу статьи М. Слобожанина»⁵.

¹ Вестник кооперации. 1910. Кн. 2. С. 120 и др.

² Там же. С. 156–157.

³ Там же. Кн. 3. С. 174–175.

⁴ См.: *Максимов Е.Д.* Новые построения в идеологии и теории кооперативизма – артельности. Пг., 1919. О нём: *Прокопенко З.Т.* Е.Д. Максимов-Слобожанин и В.Е. Евгеньев-Максимов. Из истории Российской науки. Белгород, 2002; др.

⁵ «Статья И.П. Грунского, вызвавшая возражение г. М. Слобожанина, подписана автором и не имеет редакционного характера. Поэтому редакция "Вестника Кооперации" не может брать на себя ответственности за все мысли и соображения автора названной статьи. Тем не менее, в качестве редактора "Вестника Кооперации", я, конечно, не допустил бы помещения этой статьи на страницах журнала, если бы считал критические указания И.П. Грунского такими необоснованными, какими они представляются г. М. Слобожа[ни]ну – и ответ последнего ни малейшим образом не заставил

Под завуалированной формой дискуссии скрывалась суть спора – кооперация работает с государством или против государства? Иосиф Петрович оставался сторонником созидательно-го труда на благо Отечества, никаких радикальных взглядов не разделяя, не держал обиды на Государственный банк, понимал важность центрального финансового учреждения России в подъёме кооперативного и кустарного движения.

С другой стороны, многие участники либерального и антиправительственного подполья воспринимали кооперацию исключительно как легальную форму борьбы с государством. Следом в этом же номере журнала была опубликована статья «Кооперация и социализм во Франции».

Из-под пера И.П. Грунского в «вестнике» вышла ещё одна очень большая, обстоятельная статья «Учреждения мелкого кредита в Уфимской губернии»¹, содержащая много ценного материала. Вообще из провинции подобные конкретные работы о местном кооперативном движении появлялись редко. Это ещё раз свидетельствует, что Иосиф Петрович не забывал Уфимский край, был в курсе всех перемен.

Поселившись в Петербурге, И.П. Грунский вступает в ряды сотрудников Санкт-Петербургского отделения Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах

меня изменить своё мнение. В противовес г. М. Слобожанину, я продолжаю думать, что присутствие кустарей на кустарном съезде не только было желательно, но и вполне возможно, и вместе с И.П. Грунским (а также и многими другими, как можно судить по печатным отзывам о съезде) считаю большим промахом организаторов съезда, что они не позаботились о привлечении кустарей, для чего, конечно, существовало много способов, на которых останавливаться нет нужды по их совершенной очевидности. Точно также я думаю, что И.П. Грунский совершенно прав, отмечая принципиальную близость выдвинутого С.В. Бородаевским на всероссийском кооперативном съезде проекта Имперского центрального кооперативного банка, встретившего резкое осуждение со стороны г. М. Слобожанина, и проекта Государственного кустарного банка, поддерживаемого ныне Е.Д. Максимовым. Для меня совершенно непонятно, каким образом г. М. Слобожанин может это отрицать, как непонятно и то, каким образом г. М. Слобожанин, разсматривая Государственный банк, как классовое учреждение, может защищать проект Е.Д. Максимова [издѣвка Туган-Барановского, Максимов и Слобожанин – одно и то же лицо, что было хорошо известно, *М.Р.*]. Ведь проектируемый последним Государственный кустарный банк должен получить такой же классовый характер, как и ныне существующий Государственный банк. Статья г. М. Слобожанина вызывает много и других сомнений и вопросов, на которых я останавливаться не буду, считая полемику по поводу статьи И.П. Грунского законченной на страницах "Вестника Кооперации". *Редактор*» (Вестник кооперации. 1910. Кн. 3. С. 179).

¹ Вестник кооперации. 1911. Кн. 2. С. 126–143.

(Невский пр., 120). Ещё в 1871 г. в Москве при Императорском Московском обществе сельского хозяйства, главном агрономическом обществе Российской империи, был образован особый Комитет о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах. Одновременно в Петербурге учреждается отделение Комитета. Со временем «вся практическая деятельность [о развитии кредитной кооперации] сосредоточилась именно в Петербургском отделении»¹. Председателем питерского отделения был Пётр Николаевич Исаков (1852–1917)², товарищем (заместителем) М.И. Туган-Барановский. В отделении было три отдела: по кредитной кооперации (председатель А.А. Исаев), по сельскохозяйственной кооперации и артелям (М.С. Ермолаев) и по потребительской кооперации (В.Ф. Тотомиянц)³.

В последние годы жизни И.П. Грунский публиковался немного. Как опытного специалиста, его использовали в организационных вопросах. К 1912 г. он входил в состав Совета Санкт-Петербургского отделения, руководящего органа, где состояли П.Н. Исаков, М.И. Туган-Барановский, А.В. Меркулов, А.А. Исаев, С.В. Бородаевский, Е.А. Гагемейстер, В.Ф. Тотомиянц и В.Ф. Пекарский, все известные деятели российского кооперативного движения, авторы многих работ.

В полном составе Совет отделения, включая и И.П. Грунского, вошёл в оргкомитет первого кооперативного съезда в Петербурге (март 1912 г.). Помимо исполнения непосредственно организационных вопросов, Иосиф Петрович Грунский оказался в рядах членов съезда от Сергиево-Богородского кредитного товарищества. Земляки доверили ему представительство. Кроме Грунского, на съезд приехал ещё ряд делегатов от кооперативов Уфимской губернии, в том числе и от Зуевского сельскохозяйственного общества⁴. Грунский на съезде не выступал.

Последним трудом Иосифа Петровича на ниве кооперации стали усилия по созданию Московского Народного банка. Набравшее силу российское кооперативное движение нуждалось в центральном финансовом учреждении по примеру многих стран

¹ Известия С.-Петербургского комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах. 1910. Август. № 1. С. 2.

² *Исаков П.Н. Он же.* Представительство сельскохозяйственных интересов и местные органы управления сельского хозяйства. СПб., 1889; *Он же.* Справочная книжка о благотворительных учреждениях и заведениях г. С.-Петербурга. СПб., 1911.

³ Известия С.-Петербургского комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах. 1911. № 1. С. 11.

⁴ Труды Первого Всероссийского Съезда деятелей по мелкому кредиту и сельско-хозяйственной кооперации в С.-Петербурге 11–16 марта 1912 г. СПб., б. г. С. V, VIII, XVI.

Западной Европы. Многолетние проекты завершились представлением в 1909 г. устава в Министерство финансов¹.

После длительного изучения и согласований 3 марта 1911 г. устав Московского Народного банка был утверждён министром финансов. Это было коммерческое предприятие с основным капиталом в 1 млн руб., который составили 4 тыс. именных акций по 250 руб. каждая.

Требовались учредители банка, которые должны были разделять идеи кооперативного движения. В «подобранный» список доверенных лиц, учредителей Московского Народного банка вошли учёный агроном В.И. Анисимов, действительные статские советники А.В. Васильев, П.Н. Исаков, Е.Д. Максимов, отставной генерал-майор Н.П. Гибнер, крестьянин А.П. Павлов, дворянин В.А. Перелешин, инженер-агроном П.А. Садырин и коллежский советник Иосиф Петрович Грунский². Скорее всего, список учредителей показывает наиболее активных организаторов банка, включая и ряд петербургских кооператоров.

29 марта 1912 г. состоялось первое общее собрание акционеров. К тому времени были распроданы 1824 акции (31 акция оказалась у четырёх союзов учреждений мелкого кредита, 81 – у 23 земских касс мелкого кредита, 1399 – у 701 кредитного товарищества, 678 – у 390 ссудо-сберегательных товариществ, 63 – у 13 волостных и городских ссудо-сберегательных касс, 57 – у двух союзов маслодельных артелей, 250 – у московского союза потребительских обществ, 491 – у 227 потребительских обществ, 52 – у 18 сельскохозяйственных обществ, 38 – у девяти обществ взаимного кредитования и взаимопомощи, 35 – у девяти биржевых артелей, 4 – у двух других обществ, 8 акций оказалось у четырёх земских управ, ещё 605 акций приобрели 160 отдельных лиц, сочувствовавших кооперативному движению)³. Банк был действительно народный.

Усилия И.П. Грунского не пропали втуне, самые различные кооперативные структуры объединились вокруг своего центрального банка, сотни людей покупали акции. Вся пресса, от столиц до провинции, обсуждала это событие. К примеру, в Екатеринбурге выходят статьи «К учреждению московского народного банка»⁴ и «Народный банк в Москве»⁵. Последняя появилась уже после кончины Иосифа Петровича Грунского. Работавший бок о бок с ним М.И. Туган-Барановский прямо утверждал: «Не-

¹ Корелин А.П. Указ. соч. С. 149–153.

² Вестник кооперации. 1912. Кн. 1. С. 137, 139.

³ Вестник мелкого кредита (СПб.). 1912. № 13. 5 апреля. С. 409.

⁴ Уральский кооператор (Екатеринбург). 1911. № 4. 20 февраля. С. 13.

⁵ Там же. № 6. 20 апреля. С. 3–4.

посредственной причиной его смерти было страшное напряжение, потребовавшееся от него для участия в организационном съезде учредителей Московского Народного Банка, приславшего венки на его гроб».

Могила И.П. Грунского не сохранилась, неутешная вдова следила за местом последнего упокоения финансиста и кооператора только до середины 1920-х гг. Но дела И.П. Грунского не пропали, в историческом центре Уфы стоит красивый особняк, где и поныне продолжает работать Отделение Национального банка по Республике Башкортостан Уральского главного управления Центрального Банка Российской Федерации.

Приложения

В статьях этого сборника и в публикациях О.С. Мордовиной неоднократно упоминались ещё два члена семейства Осиповых – Александр Николаевич Осипов и Александр Иванович Пильц, муж Евгении Николаевны Осиповой. Поэтому приведём основные биографические данные из их формулярных списков и других источников.

Александр Николаевич Осипов родился 23 сентября 1864 г. в семье управляющего Уфимской Удельной конторой надворного советника Николая Иосифовича Осипова и его супруги Александры Петровны. Крещён 29 сентября 1864 г. в Ильинской церкви Уфы. При обряде Святого крещения, совершённом священником Михаилом Архангельским, восприемниками выступили инженер генерал-майор Андрей Борисович Иваницкий и полковница Анна Станиславовна Сергеева (бабушка по матери, хозяйка поместья в селе Богородском / Сергеевке).

Обучался в Петровской земледельческой и лесной академии в Москве, кончил полный курс наук со степенью кандидата сельского хозяйства. В ноябре 1888 г. принят в число чиновников, причисленных к Департаменту сельской промышленности Министерства государственных имуществ в Санкт-Петербурге, где, видимо, проживала семья Осиповых.

В феврале 1889 г. командирован «за границу на один год по делу об экспорте солёной свинины», затем командировку ещё продлили на год «с поручением заняться исследованием сбыта русских сельско-хозяйственных продуктов на главнейшие рынки Западной Европы, Турции и Египта». Вернувшись из странствий Осипов представил отчёт. Коллежский секретарь (1891 г.).

В марте 1891 г. перешёл на службу в Удельное ведомство, а в августе «командирован для занятий в С. Петербургскую Удельную Контору». Однако, служба А.Н. Осипова быстро закончилась

и 7 октября 1891 г. он был «уволен согласно прошению по домашним обстоятельствам» в отставку.

По всей видимости, в начале 1890-х гг. А.Н. Осипов переезжает на постоянное жительство в Уфимскую губернию (в 1890 г. А.Н. Осипов и А.П. Осипова причислены к потомственному уфимскому дворянству, 3-я часть). Всё ещё обширные владения унаследовала его матушка Александра Петровна Осипова. Единственного из сыновей – изучавшего сельское хозяйство – она делает совладельцем основного поместья при селе Богородском (3794,03 дес. на 1895 г.)¹. Затем мать (накануне кончины) дарит в 1896 г. ему второе поместье при селце Никольском Сергеевка тож в Стерлитамакском уезде (1980 дес.). Это имение («хутор Никольский») было заложено в Дворянском банке в 1890 г., здесь была усадьба, два пруда. По всей видимости, именно здесь обосновался Александр Николаевич Осипов, вплоть до продажи поместья в 1908 г. Крестьянскому банку².

Одновременно А.Н. Осипов поступает на службу, 31 августа 1894 г. он утверждён земским начальником 3-го участка Стерлитамакского уезда, именно там, где находилось его имение (северная часть уезда). Он отпечатал фирменные бланки, где стояло: «Камера на хуторе Никольском Дув.-Таб. вол. почт. отд. Бузовьязы». Но, судя по документам, он постоянно ездит в Уфу.

В Уфе Александр Николаевич Осипов владел домом на улице Гоголевской, 40 (на 1904 и 1911 гг.)³. Скорее всего, именно сюда приезжали и здесь останавливались его родственники во время посещений Уфимской губернии (брат Пётр и другие).

А.Н. Осипов в должности земского начальника возглавлял сельскую администрацию нескольких волостей, выполнял многообразные административные и судебные обязанности. Карьера шла в общем успешно, титулярный советник (1894), коллежский ассесор (1897), надворный советник (1902), награды: серебряная медаль на Александровской ленте «в память в Бозе почивающего Императора Александра II», бронзовые медали за проведение переписи 1897 г. и поездку на коронацию Николая II. Большое жалование (2800 руб. в год, включая столовые, расходы на разъезды и канцелярию), холост.

Однако, 15 июня 1902 г. А.Н. Осипов увольняется от служ-

¹ Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. VII. Свод экономических данных по губернии. Часть II-я. Список земельных владений губернии. Уфа, 1901. С. 78–79.

² ЦГАСО. Ф. 322. Оп. 1. Д. 375. Л. 1 об., 2, 10–11, 15, 33, 55.

³ Список улиц и домовладений города Уфы, а также адреса должностных лиц и общественных деятелей / сост. А.Ф. Сиабвестров и В.А. Ошурко. Уфа, 1904. С. 87; Справочная книга г. Уфы. Уфа, 1911. С. 42.

бы согласно прошению. Возможно, повлияло состояние здоровья. По справкам врачей он из-за простуды «должен был оставаться» в Петербурге в 1901 г., а в 1902 г. по случаю инфлюэнцы задержался «на Южном берегу Крыма для лечения»¹.

По всей видимости, А.Н. Осипов переезжает в Санкт-Петербург. Когда в 1907 г. он продавал остатки своего стерлитамакского имения (всего 157 дес. 1670 кв. саж.), он указал свой адрес: Петербург, Греческий проспект, д. 17, кв. 9². Одновременно с братом Петром они ликвидируют главное наследство – поместье в Богородском, подарив земству старую усадьбу.

Дальнейшая судьба Александра Николаевича Осипова пока не известна. Когда его зять А.И. Пильц служил Могилёвским губернатором (1910–1916), в Могилёвской губернской землеустроительной комиссии был агроном А.Н. Осипов³, тот самый?

Второй член семейства – *Александр Иванович Пильц* (1870–1944), сделал значительно более яркую карьеру. Успешно начав службу в Уфимской губернии, где он женился на Евгении Николаевне Осиповой, он с 1902 г. – новоград-волынский уездный предводитель дворянства (Житомирская губерния), с 1903 г. чиновник особых поручений при Варшавском генерал-губернаторе, в 1904–1906 гг. – Калишский (Польша, Привислинский край) вице-губернатор. Затем служил в Туркестане, в 1910–1916 гг. Могилёвский губернатор, статский (1909) и действительный статский советник (1911).

Во время административной чехарды был назначен в феврале 1916 г. товарищем (заместителем) министра внутренних дел Российской империи (отвечал за работу с беженцами⁴ и др.), но уже в марте переведён в Иркутск на должность военного генерал-губернатора.

Протопресвитер Георгий Шавельский вспоминал, что «в 1915–1916 годах, во время пребывания Ставки в Могилеве, могилёвским губернатором был Александр Иванович Пильц (15 февраля 1916 г. Пильц, по личному желанию Государя, был назначен товарищем министра внутренних дел (с управлением отделами земским, крестьянским и по воинской повинности), а в марте, после того, как не сошёлся со Штюрмером, получил новое назначение на пост Иркутского генерал-губернатора). Не имея ни богатства, ни связей, он, однако, держал себя в Ставке совершенно независимо и, не смущаясь, резал голую правду не

¹ НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 1864. Л. 1 об. – 4 об., 16, 17, 39, 65, 83, 84.

² ЦГАСО. Ф. 322. Оп. 1. Д. 2279. Л. 2.

³ См.: *Осипов А.Н.* Могилёвскому крестьянину (при переходе к хуторскому землепользованию). [Могилёв], 1913.

⁴ РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1388.

только перед генералом Алексеевым, графом Фредериксом, ген. Воейковым, но и перед самим Государем»¹.

В феврале 1917 г. А.И. Пильц был арестован и под конвоем выслан обратно в столицу, активный деятель Гражданской войны на Юге России, последний пост – начальник гражданского управления в Крыму при генерале П.Н. Врангеле. Эмигрировал в Болгарию, где также занимался общественной деятельностью. Погиб в Софии при налёте американской авиации².

Основные вехи биографии А.И. Пильца и его служба на высших должностях с разной степенью подробности освещаются в Интернете. Современники тоже не обходили его вниманием. Так, столичная пресса в марте 1916 г. сообщала: «Вчера товарищ министра внутренних дел А.И. Пильц прощался со своими ближайшими сотрудниками по министерству. В беседе с нами он сообщил, что в ближайшие дни он намерен выехать в Иркутск к месту своего нового служения»³.

Газетные заметки показывают последние дела А.И. Пильца в министерстве. «Представление об армянах.

Бывший товарищ министра внутренних дел А.И. Пильц, исполнявший ещё вчера свои обязанности по министерству, подписал представление об ассигновании 300 000 руб. в распоряжение кавказского Наместника для оказания ссудной помощи армянам, турецким подданным, находящимся в местностях Турции, занятых нашими войсками.

В представлении указывается, что вековая ненависть к армянам во время войны чрезвычайно обострилась и вылилась в ряд жестокостей и зверств, учинённых над мирным населением. Отступая, турки безжалостно уничтожали всё, что попадалось им под руки.

Оставшееся население, среди которого преобладают армяне, сочувственно относящееся к России, оказалось лишённым всяких средств к существованию».

Одновременно, А.И. Пильц занимался отправкой беженцев из западных, оккупированных врагом губерний в Среднюю Азию. «Совещание о беженцах.

В особом совещании по устройству беженцев обсуждался вопрос о порядке выселения беженцев из Туркестана.

Из представленного доклада выяснилось, что в Туркестанскую область было переселено 57 000 беженцев, из которых

¹ См.: http://irkipedia.ru/content/pilc_aleksandr_ivanovich.

² См.: Википедия (есть фото), <http://mgl.by/228-mogilevskie-gubernatory-aleksandr-ivanovich-pilc.html>; др.

³ Биржевые ведомости (СПб.). 1916. 18 (31) марта. Утренний выпуск; подробнее: Вечерний выпуск.

10 000 умерло от болезней.

А.И. Пильц сообщил, что им приняты шаги в целях получения средств для того, чтобы вывезти беженцев из Туркестана. Затруднение встречается вследствие недостатка перевозочных средств.

Члены Г. Думы настаивали на необходимости добиться в министерстве путей сообщения отпуска необходимого количества перевозочных средств»¹.

Оказавшись в Иркутске, генерал-губернатор А.И. Пильц сочувственно относился к ссыльным. Он даже «разрешил Е.Н. [надо Е.К.] Брешко-Брешковской совершать ежедневно прогулку по часу в день в сопровождении городского. По последним сведениям, полученным в Петрограде, Е.Н. Брешко-Брешковская совершенно оправилась от болезни. В некоторых общественных кругах поднят вопрос о возбуждении ходатайства об амнистии Е.Н. Брешко-Брешковской»².

А начинал карьеру Александр Иванович Пильц в Уфе. Родился он 3 марта 1870 г., происходил из потомственных дворян Санкт-Петербургской губернии. В Лужском уезде ему принадлежало около 400 дес.³ Образование получил в знаменитом Императорском училище правоведения, в 1893 г. после окончания полного курса поступил в Департамент герольдии, сразу перевёлся в Министерство Юстиции (26 мая), а 5 июня был освобождён от обязательной 4-хлетней службы там (для выпускников училища), принят на службу в Министерство внутренних дел и сразу откомандирован в распоряжение Уфимского губернатора.

Виден характер молодого человека. Выпускник одного из самых престижных вузов стремится сделать быструю карьеру, набраться опыта, что было возможно только в провинции. В июле 1893 г. А.И. Пильц командировается Уфимским губернатором на четыре месяца в Мензелинск, в здешнее уездное по крестьянским делам присутствие в должности неперменного члена, который должен вести основную текущую работу.

Пройдя испытание глубинкой, в январе 1894 г. А.И. Пильц назначается старшим помощником правителя канцелярии, а в феврале уже старшим чиновником особых поручений при новом Уфимском губернаторе Н.Х. Логвинове. На него возложили «наблюдение за типографиями, книжною торговлею и другими за-

¹ Там же. 20 марта (2 апреля). Утренний выпуск.

² Там же. 24 апреля (7 мая.). Вечерний выпуск.

³ На 1900 г. в Лужском уезде Санкт-Петербургской губернии у дворянки Александры Михайловны Пильц имелось 369 дес. (*Никулин В.Н.* Помещики Северо-Запада России во второй половине XIX – начале XX века. Калининград, 2015. С. 238). Мать А.И. Пильца, урождённая Чистякова?

ведениями Уфимской губернии».

Но Александра Ивановича тянет на «живую» работу и 2 сентября 1894 г. он становится земским начальником 5-го участка Уфимского уезда. Наверняка, здесь он и знакомится с дочерью местной помещицы – Евгенией Николаевной Осиповой, играют свадьбу, 13 сентября 1897 г. появляется на свет дочь Александра, названная в честь бабушки. Супруга в качестве приданого принесла немалые земельные пожалования.

Среди других А.И. Пильцу поручается проведение Всероссийской переписи населения в крае в 1897 г., за что он получает орден Св. Анны 3-й степени и уже следующим губернатором Н.М. Богдановичем в мае 1898 г. повышается в должности до неперменного члена Уфимского губернского присутствия (аппарат управления всем регионом). Карьера, казалось бы, идёт успешно: титулярный советник (1896), коллежский ассесор (1899), хорошая зарплата (2500 руб. в год), серебряные медали в память Александра III и за перепись. Как вдруг А.И. Пильц подаёт прошение об отставке и с 5 февраля 1900 г. увольняется с должности. На помощь даже приходит родственник – Управляющий Уфимским отделением Госбанка И.П. Грунский (они с ним были женаты на сёстрах), в апреле 1900 г. он просит губернатора утвердить А.И. Пильца в должности члена учётно-ссудного комитета, важнейшего банковского органа по выдаче кредитов.

Можно допустить, что роковую роль сыграло приданое супруги, которым, естественно, распорядился муж. Он-то и продал казакам переселенцам, товариществу с Украины 600 дес. земли в Белебеевском уезде. Ходоки посмотрели, согласились, уплатили Пильцу 3000 руб. задатка. Но когда приехали с семьями, продав всё хозяйство дома, новые угодья не понравились. Пильц предлагал другой участок земли, отказавшись возвращать задаток. В результате украинцы вернулись не солоно хлебавши на родину, иные поселились в других местах Белебеевского уезда, а один из ходоков, Панченко, человек нервный и впечатлительный, повесился. Началась прокурорская проверка. Выяснилось, что земля пригодна для земледелия, после ухода переселенцев местные крестьяне и немцы-колонисты просили продать этот же участок на тех же условиях. Предварительное следствие было окончено в октябре 1900 г., дело передали в Уфимский окружной суд¹. Судя по дальнейшей успешной карьере А.И. Пильца, эта история не повредила ему, но пару лет он провёл в отставке.

¹ НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 1875. Л. 1–5, 9 об., 10 об. – 11, 34, 40 об. – 41, 51, 53 и об. См. также: Уфимские губернские ведомости. 1900. № 139 (говорится о дер. Аблаево, переселенцах-украинцах и Александре Пильце).

А у супруги, Евгении Николаевны Пильц в Уфимской губернии имелось два имения. Наверняка, в качестве приданого в марте 1894 г. «по дарственной записи» она получила от матери 1 тыс. дес. возле села Богородского. Земля представляла из себя сплошной лес. Пильцы сразу же заложили имение в Дворянском банке за 14 900 руб. В имении ни построек, ни инвентаря, ни скота не имелось, только 20 дес. находилось под сенокосом. Деньги требовалось перевести в Уфу, Голубиная улица, А.И. Пильцу (домашний адрес семьи). После отъезда из Уфы, в 1904 г. имение продали Крестьянскому банку¹.

Но было и второе имение – участок Таштаукский в Старо-Калмашевской волости (при дер. Аблаево) Белебеевского уезда в 2000 дес., из-за которого пострадал супруг. Эта земля была приобретена на имя жены в апреле 1895 г. по купчей крепости, совершённой в Уфимском окружном суде. Пахотная земля с крохотным хозяйством ранее принадлежала целой группе женщин, видимо, родственниц, и что самое интересное, среди которых встречаем вдову действительного статского советника Александру Михайловну Пильц². Земля была заложена в Нижегородско-Самарском частном земельном банке в 1894 г., в 1896 и 1900 гг. Пильцы пытались перезаложить имение уже в Дворянском банке, просили 50 тыс. руб., оценщик предлагал 39 тыс.³

С выгодой распродав земли в Уфимской губернии семейство Пильц покинуло наши края, возможно, приезжая сюда лишь в гости к родственникам. Да в марте 1916 г. и весной 1917 г. Александр Иванович Пильц из окна поезда по пути в Иркутск и, следуя под революционным конвоем, обратно смотрел в окно и вспоминал свою молодость в Уфимском крае.

¹ ЦГАСО. Ф. 322. Оп. 1. Д. 672. Л. 1–4, 6, 7, 53, 72.

² Это имение прежде принадлежало тайному советнику Михаилу Борисовичу Чистякову, который 2000 дес. получил бесплатно во время раздачи казённых земель в 1860-е гг. (*Ремезов Н.В.* Очерки из жизни дикой Башкирии. Быль в сказочной стране. М., 1889. С. 299). В 1895 г. оно было приобретено «от дочерей Тайного Советника Елизаветы Михайловны и Ольги Михайловны Чистяковых, вдовы Действительного Статского Советника Александры Михайловны Пильц, жены Генерал Майора Анны Михайловны Гуро, жены отставного Штабс Ротмистра Марии Михайловны Кондратьевой, жены Гвардии капитана Надежды Михайловны Лаппо-Старженецкой и разведённой жены Коллежского Ассесора Евгении Михайловны Шакеевой» (ЦГАСО. Ф. 322. Оп. 1. Д. 959. Л. 9). По данным обследования за 1895 г. в Старо-Калмашевской волости Белебеевского у Е.Н. Хильц [надо: Пильц] имелось 1890,48 дес. (Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. VII. Свод экономических данных по губернии. Часть II-я. Список земельных владений губернии. Уфа, 1901. С. 504–505).

³ ЦГАСО. Ф. 322. Д. 959. Л. 1об., 4, 6, 8, 23,31, 46; Д. 1026; Д. 1279. Л. 1, 13.

Кабестан «Грозный» – первый пароход в Уфе

Водный транспорт с незапамятных времён являлся одним из основных средств передвижения и транспортировки пассажиров и грузов на территории исторического Башкортостана. Это обуславливалось, с одной стороны, слабым развитием сухопутных дорог для гужевого транспорта, с другой – большим количеством рек, пригодных для судоходства. Самая крупная река региона – Белая, левый приток Камы, длиной 1420 км и площадью бассейна 141 900 кв. км. К середине XIX в. доставка грузов по реке Белой осуществлялась на малых судах, изготавливаемых на местных верфях кустарным способом. Развитию уфимского судоходства поначалу мешали недостаточная исследованность края, отсутствие предприимчивости у местных промышленников и купцов, неизученность фарватера реки Белой, которая долгое время считалась непригодной для заведения пароходства из-за извилистости, быстроты течения и мелководья¹.

В середине XIX в. промышленники Южного Урала настойчиво поднимали вопрос об открытии пароходного сообщения для доставки в центральные регионы России различных товаров. Русло реки Белой впервые было обследовано, с целью определения пригодности для парового судоходства, в навигацию 1857 г. По распоряжению правительства работы провела специальная комиссия из офицеров Корпуса путей сообщения, служивших в Казанском округе путей сообщения. Обследовав реку Белую на всем её протяжении, комиссия признала, что основная водная артерия региона пригодна для парового судоходства².

Уже летом 1858 г. кабестанный пароход «Грозный», принадлежавший рыбинскому купцу Н.М. Журавлёву, совершил первый коммерческий рейс по реке Белой. 11 августа, работая вместе с «ассистентом» – забежкой «Быстрый», он привёл в Уфу семь подчалков – буксируемых несамоходных судов – и на одном из них взял в обратный путь хлеб. Этот рейс можно считать скорее опытным, нежели выполненным для получения торговой выгоды. Таким образом, кабестанный пароход «Грозный» открыл историю парового судоходства в городе Уфе. Вскоре, 7 сентября 1858 г., в Уфу прибыл мелкосидящий пароход «Русалка» общества «Самолет». Комиссия, находившаяся на его борту, сделала

¹ *Спицкий В.В.* Из истории речного транспорта Республики Башкортостан // Вестник Башкирского университета. 2007. Т. 12. № 2. С. 81–82.

² Там же. С. 82.

окончательный вывод, что русло реки Белой пригодно для движения крупных судов, в том числе паровых. Вплоть до постройки в 1888 г. Самаро-Уфимской железной дороги пароходство являлось основным средством перевозки пассажиров и грузов в регионе реки Белой. В наши дни транспортировку грузов по многим протяжённым водным маршрутам, в том числе зарубежным, осуществляют суда Башкирского речного пароходства.

Современники, отмечая исторический факт, что утром 11 августа 1858 г. два парохода «уже дымилась в виду спящего города», не забыли указать (в сноске), что пароход «Грозный» – «шкивного или кабестанного свойства, Быстрый служит ему забежкой». Суда привели семь пустых подчалков (три оставили в Уфе, три в Бирске, где на один загрузили хлеб и ушли с ним)¹.

А в 8 часов утра 7 сентября 1858 г. в Уфу прибыл лёгкий пассажирский пароход «Русалка» общества «Самолёт», на котором приехали отставной контр-адмирал С.И. Мофет со статистиком К.А. Котомкиным, а также первые 18 пассажиров, включая женщину с сыном. «Русалка» привезла в Уфу сделанную на пожертвования жителей края ризу для иконы Казанской Божией Матери. В 12 часов дня пароход ушёл вверх по течению к Стерлитамаку, где ему был оказан торжественный приём².

И в дальнейшем появление первого современного вида транспорта, оказавшего революционное воздействие на всё развитие Южного Урала, привлекало внимание исследователей, кроме описаний текущей навигации, вышло немало аналитических работ³. В новейшее время история речного пароходного транспорта в обязательном порядке, особенно начальный этап, хотя бы кратко освещались. Но какие именно пароходы первы-

¹ Оренбургские губернские ведомости. 1858. 23 августа.

² Там же. 13 сентября, 11 октября.

³ Водяные пути Оренбургской губернии и в особенности река Белая // Там же. 1859. 7 февраля (перепечатка из «Журнала для акционеров»); *Вердеревской П.* Несколько слов о пароходстве общества «Дружина» на реке Белой в 1860 году // Там же. 1861. 4 марта; *Сапожников И.Д.* Некоторые сведения по статистике судоходства в Уфимской губернии // Уфимские губернские ведомости. 1867. 12, 19, 26 августа, 2, 9, 16 сентября; Бельское пассажирское пароходство // Там же. 1870. 8 августа; *Игнатович А.* Уфимско-Бельское пароходство // Там же. 1871. 7 августа; *Листовский А.С.* Пароходство по реке Белой // Уфимский календарь на 1876 год. Уфа, 1876. Вып. 3; *Он же.* Летопись пароходства по реке Белой // *Гурвич Н.А.* Справочная книжка Уфимской губернии. Сведения числовые и описательные. Относятся к 1882–83 гг. и только весьма немногие к прежним годам. Уфа, 1883; *А-ский И.* [Архангельский] Заметки наблюдателя. (Река Белая: её мелководие в настоящем и её значение в недалёком будущем) // Уфимские губернские ведомости. 1893. 21 августа; *К-въ Д.М.* К 50-летию пароходства по р. Белой (1859–1909 гг.) // Вестник Уфы. 1909. 15 января.

ми пришли к уфимским пристаням практически не разъяснялось¹, кабестаны были прочно забыты.

Кабестанные пароходы – малоизвестные представители речного парового флота России, и для лучшего понимания их роли в истории отечественного судоходства необходимо обратиться к истокам их зарождения, а также кратко описать устройство и принцип действия.

До начала XIX в. взвод речных судов вверх по течению рек осуществлялся в России обычно бурлаками, иногда конской тягой по берегу. С середины XVIII в. предпринимались попытки заменить тяжёлый малопродуктивный труд бурлаков механической тягой путём использования на судах силы животных (волов или лошадей). На конце длинного каната закреплялся якорь, который завозился вверх по течению на несколько сотен метров на особой гребной лодке – «завозне» и сбрасывался на дно реки. Канат выбирался вертикальным воротом, к валу которого крепилась специальная платформа в форме колеса, по которой по кругу ходили животные и вращали вал. Судно подтягивалось к лежащему на дне якорю, тот выбирался, и процесс повторялся. В 1811 г. на Каме появились усовершенствованные конно-машинные суда, или коноводные машины (коноводки). Наибольшего развития конно-машинные суда достигли во второй половине 1840-х гг., когда катастрофические неурожаи в Западной Европе вызвали резкое увеличение экспорта зерна из России. Строились коноводки из дерева на Волге (главным образом в Нижегородской губернии, близ Балахны), Каме и Вятке, служили 7–10 и более лет. Если в 1836 г. их насчитывалось 35 единиц, то в 1849 г. на Волге эксплуатировалось около 200 конно-машинных судов². Груз, помимо самой коноводки, перевозился на 2–3 подчаливаемых к ней крупных несамоходных судах

¹ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I, ч. 2. Уфа, 1959. С. 211; Энциклопедия предпринимательства Башкортостана (история и личности). Книга первая / Гл. ред. А.Н. Дегтярёв. Уфа, 2006. С. 82; Буравцов В. Первый бельский пароход // Уфа: страницы истории / Сост. М.В. Агеева. Уфа, 2006. С. 82; История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX века. Т. I. Уфа, 2006. С. 183. Даже в наиболее подробном исследовании по речному транспорту Уфимской губернии кабестан вообще не упоминается (Роднов М.И., Дегтярёв А.Н. Хлебный рынок Уфимской губернии в конце XIX – начале XX века. Уфа, 2008. Гл. II, § 1). Лишь в одной из последних монографий М.И. Роднова приводится факт отгрузки хлеба в 1869 г. за кабестанным пароходом «Грозный» и даётся краткое пояснение устройства кабестана (Роднов М.И. Пространство хлебного рынка (Уфимская губерния в конце XIX – начале XX вв.). Уфа, 2012. С. 153–154).

² Неуструев С.П. Словарь волжских судовых терминов. Нижний Новгород, 1914. С. 150.

или на полутора-двух десятках малых судов. Наибольшая грузоподъёмность такого состава могла достичь 8000 т.

Конно-машинные суда получили довольно широкое распространение на Каме и Волге от низовья до Нижнего Новгорода, в некоторые годы при глубокой воде поднимались до Рыбинска. За один сезон коноводки успевали совершить лишь один рейс от низовых волжских пристаней (обычно в Саратовской губернии) до Рыбинска. С их помощью перевозилась почти половина всех волжских грузов. Основными преимуществами коноводок перед бурлацкой и конной тягой по берегу являлись большое количество доставляемых грузов, более высокая скорость движения, чем за бечевой, – средняя эксплуатационная 15–20, максимум до 20–30 км (при благоприятных условиях до 55 км) в сутки, сокращение числа рабочих в 5–6 раз, меньшая стоимость доставки грузов. До конца 1840-х гг. коноводки успешно конкурировали с первыми буксирными пароходами, технически несовершенными и ненадёжными, обладавшими невысокими эксплуатационными качествами. Существенным недостатком коноводок являлась крайне низкая манёвренность, в особенности при вождевании крупных составов из 15–20 судов. Такой караван препятствовал расхождению со встречными судами, а при посадке его на мель река становилась непроходимой на длительное время из-за разбросанных на перекатах якорей с канатами, что крайне стесняло судоходство. Отчасти из-за этого, а главным образом в результате внедрения на водном транспорте во второй половине 1840-х гг. усовершенствованных паровых машин, коноводки стали постепенно вытесняться паровыми судами.

Коноводки остались в истории как своеобразная переходная форма организации судоходства – от бурлацкой тяги к паровому флоту. К середине XIX в. у коноводок появились серьезные конкуренты – кабестанные пароходы (кабестаны)¹ и буксирные пароходы. Если последние заменили бурлацкую тягу, то коноводные машины были вытеснены кабестанами. Они сыграли важную роль в утверждении преимуществ парового судоходства на реках. Кабестаны явились своеобразным переходным типом парового судна, где старый испытанный способ движения (как у коноводок) соединился с принципиально новым типом двигателя – паровым. Внедрение кабестанов, при всём их техническом несовершенстве, означало решительную победу па-

¹ Термин «кабестан» происходит от французского слова «cabestan», что означает «шпиль, ворот, лебёдка с вертикальным барабаном (валом)». В английском языке слово «capstan» также означает «(якорный) шпиль», «кабестан». Это механическое тяговое устройство было отличительной особенностью речных кабестанных пароходов. На Волге их называли «капистонами».

ровых энергетических установок на речном транспорте.

Кабестаны появились на Волге во второй половине 1840-х гг., также в связи с резким ростом объёмов экспорта зерна из России в страны Западной Европы. Они показали неплохие эксплуатационные результаты: затраты на тягу судов на первых порах оказались ниже, чем на буксировку парходами. Простота конструкции кабестанов, большая надёжность, возможность буксировки любых подчалков без больших затрат сделали их на длительный период успешными конкурентами парходов. Это привело к некоторому распространению кабестанов в Волжском бассейне, несмотря на меньшую, чем у паровых буксиров, скорость доставки грузов.

Первый кабестанный парход «Надежда», как считается, был построен в 1840-е гг. сарапульскими купцами А.В. Татариновым, М.С. и И.С. Колчиными. Однако судно плавало недолго, было конфисковано за срыв контракта с военным ведомством на поставку хлеба в Санкт-Петербург и сгнило в Камском устье, а его энергетическую установку растащили (по другим сведениям, продали с аукциона в начале 1850-х гг.). Первым успешным в коммерческом плане кабестаном стал «Ярославль» видного ярославского купца П.И. Крохоняткина, построенный в 1846 г.¹ В следующем году вступили в строй два кабестана мощностью 60 и 40 номинальных лошадиных сил (н.л.с.), и уже в 1848 г. на Волге работали шесть таких судов мощностью от 35 до 100 н.л.с.

Расцветом кабестанного дела можно считать 1850-е гг. Пик постройки пришелся на 1854 г., когда в эксплуатацию ввели пять судов общей мощностью 179 н.л.с. По-видимому, это было вызвано ростом грузоперевозок по Волге в связи с Восточной (Крымской) войной 1853–1856 гг. В 1856 г. на Волге и Каме уже эксплуатировалось 22 кабестана общей мощностью 846 н.л.с. и 26 обслуживавших их парходов-забежек (606 н.л.с.), в конце 1850-х гг. – соответственно 24 и 30. В общей сложности, в разные годы, по подсчётам современных исследователей, в Волжско-Камском бассейне эксплуатировалось до 33 кабестанов².

Внешне кабестаны имели большое сходство с коноводными машинами и в некотором роде с крупными волжскими несамоходными грузовыми судами – расшивами. Наружный вид кабестанов не отличался красотой: большие по размерам, неказистые, довольно грубо сработанные. Их обычно строили из дерева в Балахнинском уезде Нижегородской губернии. Исключение со-

¹ Шубин И.А. Волга и волжское судоходство. М., 1927. С. 419.

² Климовский С.Д. Кабестанные парходы на реках России // Судостроение (СПб.). 2014. № 3. С. 85.

ставляли «Богатырь» и «Владимир» с корпусами из железа. Спущенные на воду корпуса переводились к механическим заводам для установки котлов и машин. Длина кабестанов достигала 64 м, ширина – 10,7–12,8 м, высота борта 3–3,7 м, осадка – 1,1–1,3 м (были суда и больших размеров)¹. Мощность двигателей (обычно одна-две одноцилиндровые машины Уатта низкого давления, с балансирами и маховиками) составляла 24–100 н.л.с.; каждый третий кабестан имел машину в 60 н.л.с. Иногда использовались машины с горизонтальными цилиндрами. Паровые котлы (в основном галерейного типа) и машины устанавливались в трюме. Запас топлива размещался на небольшом судне – дровянке, подчаленном к кабестану с правого борта.

Кабестаны, в отличие от коноводок, имели гребные колеса и руль, но их использовали только при порожнем ходе или маневрировании. Палубных надстроек, кроме кожуховых кают, кухонных рубок и тамбуров схода, не было. Жилые помещения размещались в корпусе. Экипаж обычно составляли командир, его помощник, багажный приказчик, лоцман, его помощник, шкивный мастер, 36 шкивных рабочих, 12 клевальщиков (те и другие работали в три смены), водолив, кашевар, 2 стопорщика, машинист, его помощник, 2 масленщика, 6 кочегаров. Команду каждой забетки – небольшого парохода, обслуживавшего кабестан, составляли 12 человек: лоцман, матросы, машинист, его помощник, масленщики и кочегары. Завозни для перевозки якорей обслуживали 36 рабочих (по 9 на каждой, работа в три смены) и 4 кормщика (рулевых), дровянки – 4 работника². Многочисленность команды (100–130 чел. на больших кабестанах и не менее 40 чел. на малых) обуславливалась необходимостью обслуживания развитого такелажного вооружения.

Кабестаны несли тяжёлое и громоздкое буксирное такелажное вооружение, какого не имело ни одно другое речное и даже морское судно, включая пароходы. В его состав входили пять якорей: становой, массой до 2 т, и четыре ходовых (завозных) по 1,6–2 т; шейма (якорный канат) станового якоря длиной 130 м, толщиной в окружности 36 см и массой около 3,2 т; сукá (буйреп) к этому якорю той же длины и 23 см в окружности; ходовые снасти – десять косяков (пеньковых канатов) для трёх из четырёх лодок-завозней (последняя несла только запасной ходовой якорь), длиной по 210 м, толщиной 36–41 см и массой каждый 4–5 т для завозных якорей. Кроме того, имелся запасной косяк длиной 210 м, 30 см в окружности, массой до 1,9 т, и несколько

¹ Неуструев С.П. Указ. соч. С. 122.

² Там же. С. 123.

мелких тросов общей массой до 1,6 т. Для счалки с кабестаном буксируемых судов употреблялись бывшие в употреблении ходовые косяки общей массой до 32 т. Суда соединялись между собой и крепились к кабестану крестовыми и «вожжевными» чалками. Через весь караван с кабестана протягивался общий косяк, так называемый телеграф, крепившийся на концевом судне и внатяжку через шкив – к кабестану. Масса одних только якорей на кабестанных пароходах достигала 10 т и более (иногда до 35 т), канатов – 60–70 т, общая масса такелажа буксируемого состава – до 190 т. Стоимость подготовки такелажного вооружения к навигации, вместе с забежкой, обходилась в 40–60 тыс. руб.¹ Главный расход составляло приобретение канатов.

Грузов кабестаны в трюм не принимали, а буксировали 5–6 крупных прочных подчалков или 10–16 мокшан с грузом 3300–5000 т, а позднее до 8000–10000 т; мелких же судов (вроде коломенок и т. п.) – до 50 единиц. Средняя скорость движения не превышала 3,3 км/ч, караван растягивался до 600 м. Такая длинная неповоротливая вереница (её называли «плавучей деревней») сильно мешала движению судов. Кабестаны подолгу простаивали в пунктах формирования караванов, т. к. было сложно одновременно собрать необходимое количество груза.

От коноводных машин, с которыми кабестаны роднил принцип передвижения той же якорной подачей, они отличались тем, что подтягивались вместе со своим возом к якорю посредством вертикального ворота, или шпиля, который приводился в действие паровой машиной. Буксировка осуществлялась так: вперёд завозился и забрасывался якорь, к которому кабестан и буксируемые им суда подтягивались на канате, наматывавшемся на шкив шпиля. Поначалу подачу якорей и канатов выполняли гребные завозни, затем небольшие пароходы (один, иногда два при каждом кабестане), которые первоначально назывались «завозенными» или завозными, а позднее «забежками».

Первый «завозенный» пароход появился к 1847 г., в массовом порядке подобные суда, большей частью деревянные, ввели в эксплуатацию в начале 1850-х гг. Каждая забежка буксировала лодку-завозню, обычно сдвоенную – катамаранного типа, с якорной подачей – якорем и канатом, которые завозились вперёд по ходу движения на прямых плёсах на 1700–1900 м (на извилистом фарватере – ближе к кабестану). В мелководье подача осуществлялась на меньшее расстояние – сообразно характеру судового хода, иногда лишь на 100–200 м. В ночное время (караван двигался бесперерывно круглые сутки) место постановки

¹ Там же. С. 123–124.

якоря обозначалось лодкой с фонарём. Когда канат одного якоря полностью наматывался на шкив шпиля, на втором шкиве закреплялся канат другого якоря, который перед этим доставлялся на завозные вверх по течению забежкой и сбрасывался на дно. Эксплуатационная скорость против течения составляла 1,6–2,1 км/ч, или 39–51 км в сутки. При самых благоприятных условиях кабестан с возом проходил за сутки до 64–75 км¹.

Кабестаны ходили от Астрахани до Рыбинска, принимали грузы на пристанях в районе Саратова, Балаково, Самары, устья Камы, буксировали мокшаны от устья Оки, доставляя зерно и железо. За навигацию они обычно выполняли один рейс, например от Самары до Нижнего Новгорода и Рыбинска, или два рейса от Камского устья до Рыбинска. Отдельные кабестаны делали за навигацию два рейса от Самары или Саратова до Рыбинска и перевозили до 16 000 т грузов. Помимо Волги, Камы и нижнего течения Оки кабестаны эксплуатировались на Дону².

Экономическая выгода от применения кабестанов состояла в том, что в первое время они были способны буксировать за собой подчалки общей грузоподъемностью 2900–4900 т, иногда проходя до 64–75 км в сутки. Позднее количество буксируемого груза достигало 8000–10000 т, чем кабестаны превосходили большинство буксирных пароходов, но скорость движения при этом уменьшалась вдвое. Кабестан мощностью 60 н.л.с. вёл за собой груз в 8200 т. Самые же мощные буксирные пароходы общества «По Волге» – «Самсон» и «Геркулес», мощностью по 460 н.л.с., могли каждый буксировать несамоходные суда общей грузоподъемностью только 4100 т. Но при этом скорость кабестана не превышала 32 км в сутки, тогда как буксирные пароходы шли с баржами в три раза быстрее³. Движение кабестанного воза представляло большие затруднения для встречных судов. Вся эта флотилия вместе с кабестаном учаливалась между собой весьма плотно, составляя компактную массу судов. Это создавало для других судов и судового хода существенные затруднения и препятствия: встреча на перекате с громоздким и практически лишённым свободы маневра возом кабестана нередко сопровождалось посадкой на мель. Помимо перегораживания реки встречным судам, это приводило к образованию отмелей, что ухудшало состояние судового хода. Кабестанные операции были весьма трудоёмкими, а маневрирование вызывало большие сложности. В то же время использование кабестанов

¹ Там же. С. 124.

² Подробнее см.: *Климовский С. Д.* Указ. соч. С. 88–89.

³ *Шубин И. А.* Указ. соч. С. 416.

оказалось весьма выгодным при перевозке массовых недорогих грузов (обычно хлебных), для доставки которых не требовалось большой скорости.

Многие судовладельцы, начиная с середины XIX в., стали заменять свои коноводки кабестанами. Купцы или зажиточные крестьяне обычно владели одним-двумя кабестанами, парходные общества – двумя-тремя. Самым успешным из владельцев кабестанов был рыбинский купец Николай Михайлович Журавлёв – выходец из крестьян Угличского уезда Ярославской губернии, крупнейший хлеботорговец, получивший прозвище «рыбинский царёк»¹. Занявшись судовым промыслом, в 1840-е гг. он владел четырьмя коноводками, вложив в них немалые средства. Поначалу Журавлёв, когда его коноводки ещё себя не окупали, яростно противился введению парходов на Волге. Но вскоре он лучше других понял их преимущества, а также то, что конные машины потеряли своё значение и ценность. Журавлёв деятельно взялся за парходный промысел, в 1850-х гг. начал обзаводиться парходами и к 1860 г. имел их уже 11. В их числе – поступившие в эксплуатацию к 1856 г. кабестаны «Грозный», «Михаил», «Николай» и «Шексна». Их паровые машины, мощностью, соответственно, 50, 60–70, 35 и 50–60 номинальных лошадиных сил, изготовили на Выксунских заводах. К сожалению, более подробные технические сведения об этих судах пока не выявлены, для этого требуется кропотливая работа исследователей в центральных архивах и архивах ряда регионов Поволжья.

Размах предпринимательской деятельности Н.М. Журавлёва поражает даже в наши дни. В четырёх верстах от Рыбинска, на реке Шексне, в селе Абакумово, работала его крупнейшая в России канатная и верёвочная Журавлёвская фабрика, которая поставляла канаты и для кабестанов². В том же селе в 1865 г. Журавлёв основал Николо-Абакумовский судостроительный и механический завод. На нём приступили к изготовлению судовых паровых котлов, главных машин, вспомогательных механизмов и постройке парходов. В Абакумове же находилась паровая лесопилка, где ежегодно распиливались для нужд судостроения до 150 тыс. стволов деревьев, и литейный завод с выпуском до 20 тыс. пуд. чугунных изделий и до 1 тыс. пудов медного литья. На судах, которыми владел Н.М. Журавлёв, ежегодно перевозилось до 5 млн пуд. груза. Также он имел лесные дачи в Новгородской губернии, пристани и хлебные склады в Нижнем

¹ К истории развития парходства на Волге (записка П.П. Мельникова «Поездка на Волгу») // Красный архив. 1938. Т. 4–5. С. 321.

² Там же.

Новгороде, Казани, Самаре, Чистополе. Оборот от всех видов деятельности Журавлёва составлял 5 млн руб. в год¹.

Одной из первых работ Николо-Абакумовского завода стала модернизация, под руководством талантливого волжского механика А.С. Муфтелева, принадлежавшего Н.М. Журавлёву кабестана «Михаил» (ширина без обшивки 7,9 м). Он имел две балансирные машины Уатта. Кабестанный механизм приводился в действие малой и большой шестернями, диаметром соответственно 1,07 и 2,13 м, с 38 и 76 зубцами. Шестерни изготавливались половинчатыми и скреплялись болтами. На судне установили огнетрубный котёл с обратным ходом пламени. Питательный насос двойного действия приводился в действие от балансира машины. В дымовой трубе поместили подогревательный аппарат. Диаметр гребных колёс составлял 5,3 м, плицы устанавливались в перебор². Можно предположить, что подобным переделкам подверглись и остальные кабестаны Журавлева, в том числе «Грозный». На нём к 1866 г. даже временно установили паровую мельницу для размола соли³.

Кабестаны, развивая большое тяговое усилие при относительно малой мощности довольно долго – более 25 лет – конкурировали с буксирными пароходами. Впрочем, при некоторых своих преимуществах они не могли долго удовлетворять растущие потребности судоходства. По мере совершенствования буксирных пароходов и улучшения их технико-экономических показателей кабестаны постепенно уступали им свое место. Они были вытеснены с низовых плесов Волги и работали от пристаней не ниже устья Камы. Присущие кабестанам крупные недостатки – низкая скорость движения и в последний период эксплуатации более высокая стоимость перевозок – привели в итоге к их полному вытеснению буксирными пароходами, выводу из эксплуатации и разборке на дрова⁴.

В историю отечественного речного судостроения и судоходства кабестанные пароходы вошли как самобытные образцы буксировщиков тяжеловесных грузовых составов. В середине XIX в. они внесли весомый вклад в успешную транспортировку массовых грузов. В их ряду и первый пароход, пришедший в Уфу, – кабестан «Грозный».

¹ Энциклопедия речного транспорта. М., 2011. С. 446.

² Василий Иванович Калашников. Избранные труды. М.; Л., 1952. С. 269.

³ Там же. С. 274–275.

⁴ Одно из последних свидетельств прибытия кабестанов в Уфу отмечено в 1872 г., когда к старой уфимской пристани у Оренбургской переправы прибыл пароход купца Блинова «Помощник» с забежкой «Голубь» (Уфимские губернские ведомости. 1872. 29 апреля, 6 мая).

Загородное имение уфимских дворян Базилевых

Среди дворянских имений Уфимского уезда, располагавшихся к северу от города, особый интерес представляет поместье дворян Базилевых. Оно лежало примерно в восьми верстах севернее Уфы по старому Сибирскому тракту. Своеобразие этого владения заключалось в том, что, помимо обычного хозяйства, здесь к началу XX в. возникает один из первых в Уфимской губернии плодово-ягодных питомников, на землях которого в настоящее время находится памятник природы республиканского значения «Непейцевский дендропарк», и, кроме того, Базилевы являются прямыми предками автора настоящей статьи.

Основные сведения по истории деревни Непейцево и фамилии дворян Базилевых уже приводились в местной историко-краеведческой литературе¹. Уфимские дворяне Непейцевы впервые упоминаются в «Списке служивых людей 1681 года», составленном при воеводе Петре Дмитриевиче Скуратове. В окрестностях владели землями дворяне Непейцевы, Сокуровы, Базилевы.

На момент отмены крепостного права в 1861 г. при деревне Кособрухово (Непейцево) лежали владения дворян Сокуровых (только дворовых 3 чел.), наследников Березовского (дворовых не имелось, одни крестьяне) и Базилевой (22 чел. дворовых). Кроме маленькой усадьбы Сокуровых, возле деревни лежал, видимо, единственный большой комплекс жилых и хозяйственных строений Базилевых.

По всей видимости, участок земли возле дер. Непейцево был приобретён в 1830-е гг. в качестве приданого отцом Дарьи Константиновны, урождённой Куроедовой, вышедшей замуж за директора Оренбургской (в Уфе) мужской гимназии Ивана Ва-

¹ См.: Садовников С.Д. Дворянство Оренбургского края в родословной Садовниковых. Краеведческие очерки. Уфа, 2015. Ч. IV; Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. С.Т. Аксаков. Семья и окружение. Краеведческие очерки. Уфа, 1991. С. 213; Гудков Г., Гудкова З. Базилевы // Уфа: страницы истории / Сост. М.В. Агеева. Уфа, 2006. С. 251–254; Абсалямов Ю.М., Азаматова Г.Б., Гайнуллина А.В., Роднов М.И., Тагирова Л.Ф. Уфимские помещики: типы источников, виды документации. Уфа, 2013. С. 175–176; Река времени. 2015 / отв. ред. М.И. Роднов. Уфа, 2015. С. 120–126 (некролог на И.В. Базилева); Агеева Маргарита. Деревни Богородской волости // Уфа: страницы истории. Книга вторая / Сост. М.В. Агеева, под ред. П.В. Егорова и А.А. Чечухи. Уфа, 2014. С. 357–362 (раздел «Деревня Непейцева»); Роднов М.И. Уфимские пригороды (конец XIX – начало XX века) // Уфа: прошлое, настоящее, будущее. Уфа, 2000; др.

сильевича Базилева (1800–1873). Она также унаследовала ещё имение в Белебеевском уезде, но занятому делами гимназии супругу ездить туда было далеко, почему семья обустроивает рядом с городом небольшое поместье, которое служило летней дачей. На январь 1849 г. семейство Ивана Васильевича Базилева включало жену Дарью Константиновну (30 лет), детей Дмитрия (5), Прасковью (10) и Надежду (4 года). В имении было 9 ревизских мужских душ крепостных и 100 дес. земли¹.

Собственность юридически числилась за женой. На 1853 г. при селце Подгорном, Борисово, при роднике земля и крепостные принадлежали статской советнице Дарье Константиновне Базилевой, жене Ивана Васильевича Базилева.

Владения Базилевых находились возле небольшой деревни Непейцево Богородской волости – 9 дворов и 49 чел. жителей (русские) в 1917 г.² Расположена деревня Непейцево была в конце современной улицы Российской.

После смерти родителей земля находилась в собственности наследников, а к началу XX в. единственным собственником земли и усадьбы оказался сын Алексей Иванович Базилев (1855–1921). Поместье было расширено, на 1912 г. А.И. Базилеву принадлежало 150 дес. земли, включая усадьбу (3 дес.), пашню (40), сенокос (20), лес (80 дес.) и неудобья. Велось небольшое хозяйство, засевалось 32 дес. (16 озимой ржи, 8 овса, 2 пшеницы и 2 дес. находились под посевом трав). Держали 42 головы скота (34 лошадей, из них 18 нерабочих), 8 коров и др.³ Поместье существовало вплоть до 1917 г.

Последний владелец дворянской усадьбы при Непейцево был известной в крае личностью. Алексей Иванович Базилев родился 15 марта 1855 г. в Уфе. Получив блестящее домашнее образование и прекрасное воспитание, закончив местную гимназию, он затем обучался на естественноиспытательском отделении физико-математического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета по специальности физиология и агрономия (эта специальность была открыта в 1877 г. по инициативе знаменитого учёного И.С. Сеченова, а Алексей Иванович – один из первых выпускников). Всю жизнь А.И. Базилев прожил в Уфе.

Вернувшись домой, он усердно занимался любимым делом, находясь на службе. Карьера А.И. Базилева складывалась успешно (надворный советник, с 1906 г. статский советник), в

¹ НА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1863. Л. 191.

² Роднов М.И. Крестьянство Уфимского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 1997. С. 62.

³ Частновладельческое хозяйство Уфимской губернии. Уфа, 1915. С. 78–81.

1890 г. – податной инспектор уфимской казённой палаты¹. По адрес-календарям Уфимской губернии до начала 1900-х гг. он служит земским начальником 12-го участка Стерлитамакского уезда, затем земским начальником 6-го участка Уфимского уезда до 1906 г. В 1907 г. переходит в Главное управление землеустройства и земледелия (развернулась столыпинская реформа), в Уфимскую уездную землеустроительную комиссию. Председателем её по должности являлся уездный предводитель дворянства, но вся конкретная работа лежала на непререваемом члене А.И. Базилеве (по 1911 г.). В 1912 г. он избирается гласным (депутатом) Уфимского уездного земского собрания и служит вплоть до 1917 г. А в 1916 г. А.И. Базилева выбирают почётным мировым судьёй Уездного съезда, до самой революции он контролирует деятельность земских начальников на местах.

Одновременно Алексей Иванович Базилев ведёт активную общественную деятельность. Так, в 1900 г. он один из шести блюстителей губернского музея. Но пик его гражданской активности приходится на предвоенные годы. В 1909–1911 гг. Базилев вице-президент Общества поощрения коннозаводства, а так как президентом являлся сам Уфимский губернатор, то вся практическая работа лежала на нём. В 1912 г. А.И. Базилев вступает в Уфимский отдел Императорского Российского общества сельско-хозяйственного птицеводства (председатель в 1912 г., член совета с 1913 по 1916 гг.). С 1914 по 1917 гг. Алексей Иванович состоит членом наблюдательного совета Ляховской казённой школы огородничества, пчеловодства и плодоводства первого разряда возле Бузовьязов. В 1914–1916 гг. он участвует в деятельности Общества пчеловодства, садоводства и огородничества (товарищ председателя, затем член совета).

Именно Алексей Иванович Базилев в 1911 г. возрождает деятельность в Уфе отдела Императорского Московского общества сельского хозяйства, одной из старейших агрономических организаций России². С 1911 по 1917 гг. он в должности выборного председателя возглавляет Уфимский отдел МОСХ, который базировался по его домашнему адресу – ул. Приютская, 1 (с 1916 г. – Телеграфная, 15).

Уфимский отдел МОСХ, объединявший агрономов, специалистов сельского хозяйства, передовых помещиков, возник ещё

¹ Кантимирова Р.И. Социокультурный облик чиновников органов местного управления в городах Уфимской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // Проблемы сохранения историко-культурного наследия малых городов России: историко-правовой аспект. Стерлитамак, 2015. С. 90.

² См.: Куреньшев А.А. Сельскохозяйственная столица России. Очерки истории Московского общества сельского хозяйства (1818–1929 гг.). М., 2012.

в 1878 г. В 1894 г. его возглавил известный земский деятель Д.Д. Дашков, но в 1900 г. по болезни сложил полномочия председателя. В 1901 г. им избирается князь В.А. Кутушев¹, затем деятельность отдела замирает.

А.И. Базилев активно участвовал в работе Уфимского отдела Московского общества сельского хозяйства ещё в 1890-е гг., в 1897 г. избирался председателем комиссии по устройству конской выставки², активно публикуется по проблемам коневодства³. Поэтому, спустя годы, ему и доверили почётную должность председателя Уфимского отдела МОСХ.

Всё это время А.И. Базилев не оставляет конкретные агрономические изыскания. По воспоминаниям потомков, развёл прекрасный сад при городском доме, но главные занятия производил в Непейцево, там у него имелся плодово-ягодный питомник, здесь занимался научной работой. А.И. Базилев – автор многих научных трудов, издаваемых, по всей видимости, на свой счёт в виде небольших брошюр⁴.

За свою службу А.И. Базилев был награждён орденом Св. Станислава 3-й ст., многочисленными грамотами и дипломами, Большой серебряной медалью «За успехи в землеустройстве и земледелии», а также призом Всероссийской сельскохозяйственной выставки. Алексей Иванович в 1888 г. женился на Вере Александровне Эверсман (1863–1938) – потомственной дворянке из древнейшего русского рода Мансуровых и рода прусских баронов фон Эверсманов. В семье было пять детей: Ольга, Михаил, Анна, Екатерина и Сергей.

Кроме «непейцевских» земель Базилевам принадлежали угодья в Стерлитамакском уезде Уфимской губернии и в Оренбургском уезде Оренбургской губернии. В последней Алексей Иванович Базилев в 1909 г. даже выдвигался в члены Государ-

¹ Протоколы и труды Уфимского отдела Императорского Московского Общества сельского хозяйства. Вып. VIII. 1901 год. Уфа, 1901. С. 16, 22 и др.

² Там же. Вып. IV. 1896 год. Уфа, 1896. С. 7, 63 и др.

³ См.: Уфимские губернские ведомости. 1896. 25 января (статья А. Базилева, как кормить лошадей), 31 июля (воспитание жеребят). В 1896 г. у него вышло много работ, были публикации в прессе и в последующем (1899 г.).

⁴ *Базилев А.И.* К вопросу об улучшении лошадей. Уфа, [1910]; *Он же.* Культура кукурузы в Уфимской губернии. Уфа, 1912; *Он же.* Садоводство. Малина, Малина. Уфа, 1913; *Он же.* Одна из мер борьбы с голодовками. Уфа, [1914]; *Он же.* О массовом улучшении лошади. Уфа, б. г.; *Он же.* Теория происхождения полов. Уфа, 1914; *Он же.* Разведение тыквы. Уфа, 1914; *Он же.* Основы животноводства. Гл. 1–2. Уфа, 1914; *Он же.* Разведение семян овощных растений. Уфа, 1916; *Он же.* К вопросу об Уфимском плодовом сорimente. Уфа, [1917]; др., в том числе цикла работ по коннозаводству.

ственного Совета Российской империи, но отказался¹.

Умер Алексей Иванович в 1921 г., в возрасте 66 лет. Потрясения в судьбах России прямо сказались на его семье, в сентябре 1918 г. был убит красноармейцами Эммануил Николаевич Хасабова – свёкор его дочери Анны Алексеевны Садовниковой, в декабре 1919 г. в младенчестве скончалась внучка Оля Садовниковой, в 1920 г. в Иркутске умер сын Михаил Алексеевич. Похоронили Алексея Ивановича Базилева на Ново-Ивановском кладбище (в настоящее время сквер по ул. 50-летия Октября).

В советскую эпоху обширный лес и остатки бывшего сада поместья Базилевых сохранились. Они находились у разных структур, пока в 1965 г. не был образован Непейцевский дендропарк. При создании дендропарка «участок представлял собой заброшенный сад с одичавшими яблонями, вишней, а также древесными и кустарниковыми породами, как местного, так и инорайонного происхождения, например лиственницами сибирской и даурской, сосной Банкса, грушей уссурийской, сиренью обыкновенной и другими»². Видимо, это были остатки посадок Алексея Ивановича Базилева.

Конечно, сейчас практически невозможно определить, где именно проходили границы базилевских земель, однако с большой степенью уверенности можно утверждать, что вся территория современного «Непейцевского дендропарка» (его площадь по разным сведениям от 23 до 28 га) представляют собой небольшую часть бывших лесов и посадок И.И. Базилева. Весьма примерно границы владений Алексея Ивановича (около 145 га, то есть условно участок 1,8 км с юга на север и 0,8 км с востока на запад) можно примерно очертить современными улицами Российской (с запада), Трамвайной (с севера), адмирала Макарова (с востока) и Уфимским шоссе (с юга).

В настоящее время практически невозможно определить, какими именно работами занимался Алексей Иванович Базилев на этих землях – не сохранилось ни научных архивов, ни личных дневников. По рассказам детей Алексея Ивановича (Анны Алексеевны – бабушки автора настоящей статьи, её сестёр и брата) – основной его деятельностью было содержание плодово-ягодного питомника для обеспечения жителей Уфы посадочным материалом. По сути, это был один из первых в Уфе «промышленных» питомников – новое направление в агрономии.

Продукция питомника продавалась и обеспечивала мате-

¹ См.: Жиляев И.П. Парламент России и Оренбуржье в дореволюционной России (историко-правовое исследование). Оренбург, 2007. Гл. III.

² См.: Кириллова Марина. Непейцевский дендропарк // Бельские просторы. 2004. № 8.

риальное благополучие семьи. Алексеем Ивановичем проводились работы по выведению и улучшению сортов плодовых деревьев, ягодных кустарников, ягодников, для чего под питомник была расчищена значительная территория, ранее покрытая лесом. Территория питомника находилась в южной части имения. Большие площади, расчищенные от леса, были отведены под выращивание овощей и корнеплодов – как на продажу, так и для личного потребления семьи. Огород находился юго-восточнее дома. Конечно, Алексеем Ивановичем высаживались аллеи деревьев и отдельные деревья – дубы, берёзы, сосны, лиственницы и другие – но это не было его основной деятельностью, они росли сами по себе, и сейчас представляют интерес только как «ровесники» Алексея Ивановича.

Ряд современных уфимских авторов приводит сведения об «экзотических деревьях», растущих в Непейцевском дендропарке, работах А.И. Базилева по лесоразведению. В рассказах его детей никогда об этом не упоминалось. Возможно, это для него являлось второстепенным занятием, что подтверждает отсутствие у него публикаций о лесоводстве, выполнявшимся попутно.

Питомник, огород и придомовая территория находились в южной части имения, а северная часть (по нынешним ориентирам – севернее ул. Шота Руставели и до ул. Трамвайной) так и оставалась нетронутой, под дикорастущим лесом.

А.И. Базилев унаследовал усадьбу, существовавшую уже в середине XIX в. Скорее всего, это была небольшая деревянная летняя дача с комплексом построек, которые могли впоследствии неоднократно перестраиваться.

К сожалению, никаких документальных источников или фотографий на эту тему не сохранилось (пока не обнаружено). Однако автор настоящей статьи, по-родственному помнящий рассказы детей Алексея Ивановича и зная их порядок жизни в те времена, вполне достоверно может составить описание поместья. Дополнительные сведения по усадьбе получены автором от учителя биологии уфимской гимназии № 3 Л.Т. Ерастовой, чьё детство и юность прошли на окраине бывшего имения Базилевых и, позднее, проработавшей много лет в Башкирской лесной опытной станции, которая была расположена на этой территории, контора станции находилась в доме А.И. Базилева. Думается, это позволяет автору составить вполне достоверное, хотя и весьма краткое, описание усадьбы А.И. Базилева.

Усадьба была в общем скромная: одноэтажный бревенчатый дом и хозяйственная постройка со складом за ним, судя по количеству скота должны были на заднем дворе находиться хлев для скотины, большая конюшня, амбары для зерна и иные

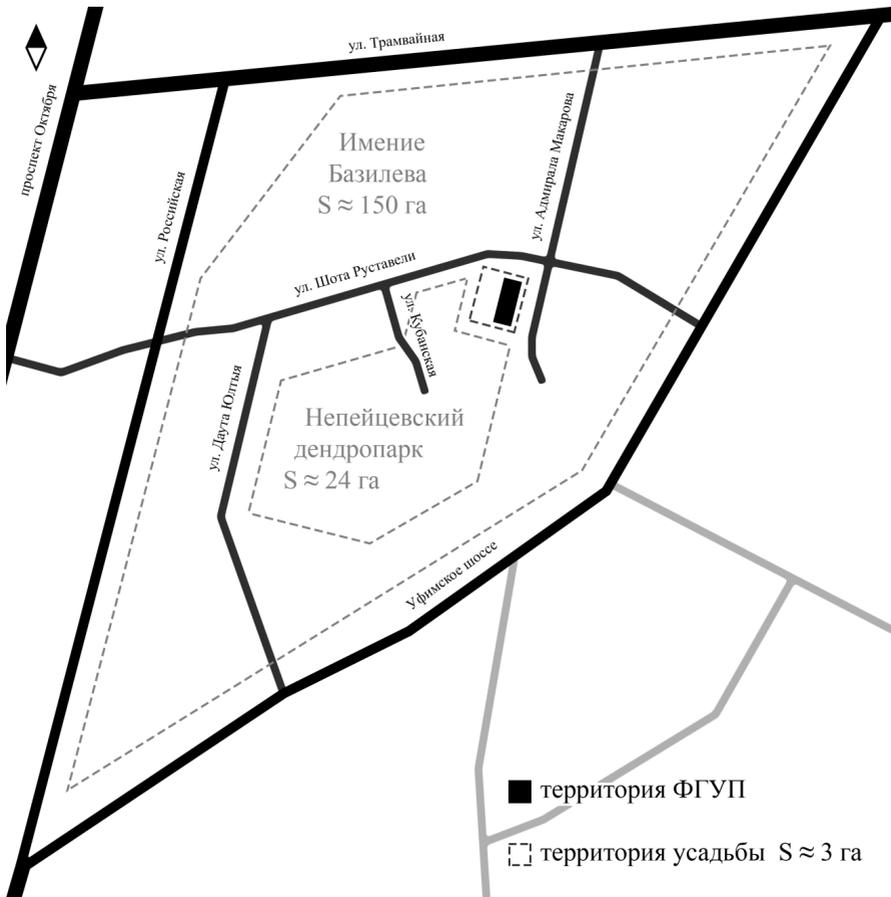
строения. Дом располагался в юго-восточной части имения, вблизи от старого Сибирского тракта. Фасадом дом смотрел на север (в сторону современной ул. Шота Руставели), перед домом была разбита большая цветочная клумба. Дом был размером до 20 метров по фасаду и до 8–10 метров в глубину, с большим балконом над широким крыльцом, украшен деревянной резьбой.

Внутри дом разделялся на две половины: в одной находились столовая и кабинет, в другой – комнаты (спальни), а в центральной части была прихожая, кухня и лестница на балкон. Внутреннее убранство дома было весьма простым (во всяком случае, по сравнению с убранством дома городской усадьбы Базилевых на ул. Приютской, 1) – самая необходимая мебель и скромная посуда. Дом не был предназначен для постоянного проживания, а использовался только как место сезонной работы Алексея Ивановича при питомнике и для кратковременного летнего отдыха его семьи. В кабинете Алексея Ивановича имелась значительная библиотека, многие книги из которой после революции сохранились и использовались работниками Башкирской лесной опытной станции, контора которой располагалась в этом доме с 1930-х гг. Снесли дом Алексея Ивановича Базилева только в 1973 г.

В настоящее время на месте усадьбы Базилева – огороженная территория со зданием Башкирского филиала «Рослесинторг» (в нём же расположено ООО «Форпост» и ещё с десятком коммерческих организаций), капитальным гаражом и электrorаспределительным узлом. Почтовый адрес – ул. Чайковского, 9. Дом Базилевых находился там, где сейчас капитальный многобوكсовый гараж «Рослесинторг», в 15 м от офисного здания.

Западнее барской усадьбы стоял крестьянский двор, где жила семья, работавшая на земле. Это крестьянское подворье впоследствии положило начало целой улице, которая сейчас называется Кубанской. Здесь начинался ручей, от него произошло первоначальное название хутора Базилева – Подгорное Борисово при роднике.

«Непейцевское» имение дворян Базилевых свидетельствует об устойчивости небольших подгородных поместий, окружавших Уфу. Изначально возникшее как мелкопоместное хозяйство, оно поддерживалось ресурсами семьи и использовалось в основном как летняя дача. С другой стороны, пригородные имения нередко становились своеобразными «культурными гнёздами», где трудилась уфимская творческая интеллигенция (от гуманитариев до агрономов). Наследие дворянского усадебного мира, несмотря на все потрясения последнего столетия, сохранилось и является неотъемлемой частью современного культурного богатства Уфы.

Уфимский летописец

Важнейшим источником по истории России являются знаменитые русские летописи, сохранившие свидетельства о событиях нашего прошлого с древнейших времён и до петровской эпохи¹. В сопредельных с Уфой регионах летописи велись в Казани² и Вятке³, хорошо исследовано сибирское летописание⁴. О составлении летописных сводов в Уфе в конце XVI – начале XVIII вв. нет фактов. Исследователи, наиболее подробно изучавшие основной документальный фонд этой эпохи (Уфимская приказная изба), Р.Г. Игнатъев и Б.А. Азнабаев не указывают на наличие летописания. А пожар в Уфе в марте 1806 г., во время которого сгорели семинария и консистория, похоронил «вместе с уничтоженным архивом древнейшую историю нашей епархии», отмечал Н. Чернавский. Но он же в сноске приводил свидетельство «Уфимского летописца» об открытии в Уфе семинарии в 1800 г., ссылаясь на публикацию в издававшихся в Уфе «Оренбургских губернских ведомостях» за 1852 г.⁵

Материалы «Уфимского летописца» многократно использовали Р.Г. Игнатъев, И.Е. Златоверховников, Н.Н. Чернавский, Дионисий, другие краеведы XIX – начала XX вв. Анализ этого

¹ См.: *Вовина-Лебедева В.Г.* Школы исследования русских летописей XIX–XX вв. СПб., 2011; *Алешковский М.Х.* «Повесть временных лет». Из истории создания и редакционной переработки / Отв. ред. Ф.Б. Успенский. Предисловие Т.В. Гимона и С.М. Михеева. М., 2015; мн. др.

² Казанская история / Подгот. текста, вступ. ст. и примеч. Г.Н. Моисеевой. М.; Л., 1954; Казанская история // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI в. М., 1985; др.

³ См., напр.: *Мусихин А.А.* «Вятский временник» – памятник провинциального летописания конца XVII в.: история изучения // Вятская земля в пространстве исторической памяти: (к 110-летию открытия Вятской учёной архивной комиссии) / науч. ред. М.С. Судовиков. Киров, 2014; *Марков А.А.* К вопросу о вятском летописании (по поводу последних публикаций о вятском летописце старых лет) // Там же; мн. др.

⁴ Сибирские летописи, ч. 1. Группа Есиповской летописи // Полное собрание русских летописей. Т. 36. Ч. 1. М., 1987; Сибирские летописи. Краткая сибирская летопись (Кунгурская). Рязань, 2008; Летописи сибирские. Новосибирск, 1991; *Дергачёва-Скоп Е.И.* Генеалогия сибирского летописания. Концепция. Материалы. Новосибирск, 2000; *Солодкин Я.Г.* Становление сибирской летописной традиции (спорные источниковедческие проблемы). Нижневартовск, 2009; др.

⁵ *Чернавский Николай.* Оренбургская епархия в прошлом её и настоящем. Вып. 1 // Труды Оренбургской учёной архивной комиссии. Вып. VII. Оренбург, 1900. С. 198, 331.

источника подтверждает датировку его появления рубежом XVIII–XIX вв. (см. выше статьи Я.С. Свице и Б.А. Азнабаева), с возможными позднейшими исправлениями и дополнениями переписчиков.

«Уфимский летописец» относился к, так называемым, постлетописным сочинениям, широко бытовавшим в России и публиковавшимся в середине XIX – начале XX вв. Не случайно, специалисты выделяли городское летописание и семейные хроники XVIII в. в особый жанр формировавшейся провинциальной историографии¹. Отметим широкое бытование термина «летопись, летописец», употреблявшийся как краеведами XVIII–XIX вв. по всей стране², так и уфимскими журналистами³.

Хотя в послепетровской России происходило проникновение западноевропейских исторических сочинений, вековая летописная традиция сосуществовала с ними и сохранялась⁴ в городском летописании, церковно-градских и семейных хрониках (А.А. Севастьянова), была неотъемлемой частью провинциальной историографии. С середины XVIII в. возникают два основных способа показа прошлого: старый околлетописный и новый исторический, проблемно-концептуальный. «Семейные хроники и мемуарно-дневниковые записи завершают и существенно дополняют» поздние летописные сочинения⁵.

¹ См.: *Севастьянова А.А.* Историография русской провинции второй половины XVIII века (К постановке проблемы) // История СССР. 1991. № 1; *Она же.* Русская провинциальная историография второй половины XVIII в. Ярославль, 1988; 1990; *Она же.* Русская провинциальная историография второй половины XVIII в. Диссертация ... докт. ист. наук. Ярославль, 1993. Гл. III; см. также: *Бердинских В.А.* Уездные историки. Русская провинциальная историография. М., 2003. Глава 4. Исторические работы провинциальных историков: типология и эволюция.

² См., напр.: Угличский летописец (90-е гг. XVIII в.) // Ярославские епархиальные ведомости. 1867. № 13, 15–21; Тамбовский летописец // *Дубасов И.И.* Очерки из истории Тамбовского края. М., 1885. Вып. 3 (сведения А.А. Севастьяновой); Иркутская летопись (Летописи П.И. Пежемского и В.А. Кроткова). С предисловием, добавлениями и примечаниями И.И. Серебренникова. Иркутск, 1911; или «Пермскую летопись» В.Н. Шишонко.

³ См.: *Роднов М.И.* У истоков уфимской прессы, вкупе с прогулками по старинной Уфе и просторам Башкирии. Уфа, 2009.

⁴ См.: *Сербина К.Н.* Развитие русского летописания в Поморье XVI–XVIII вв. // История и культура Архангельского Севера (Досоветский период). Вологда, 1986; др.

⁵ *Севастьянова А.А.* Русская провинциальная историография второй половины XVIII в. (диссертация). С. 81, 85, 122. Автор (С. 124) приводит яркий пример: *Болотов А.Т.* Памятник протекших времён, или Краткие исторические записи о бывших происшествиях и о носившихся в народе слухах. М., 1875. Сочинение было составлено в 1796 г.

Рукописные сборники, компиляции из газетных статей, семейные дневники, отрывочные записки современников о значимых исторических событиях сохраняли «летописную сетку». Существует множество свидетельств составления различных исторических сочинений в Уфе и крае в конце XVIII в. Так, краевед Р.Г. Игнатьев опубликовал «Празднование в г. Уфе Высокопразднественного дня нового 1787 года и благополучного окончания вторых дворянских выборов», явно написанных современником, лично слушавшим речь Уфимского наместника генерал-поручика О.А. Игельстрема первого января 1787 г.¹ А редактор издававшихся в Уфе «Оренбургских губернских ведомостей» и библиограф В.В. Завьялов отметил, что «между другими документами, относящимися к изучению природы и истории Оренбургского края, мы приобрели записку В.А. Ребелинского с означением эпох вскрытия реки Белой и покрытия её льдом в течение 58 лет с 1780 по 1838 год»².

Во второй половине XVIII в. по всей стране складываются «культурные гнёзда», кружки «образованных грамотных единомышленников», которые к концу столетия «становятся устойчивыми, их представители обмениваются книгами, [...] обсуждают свои литературные опыты»³. Историческая мысль в провинции той эпохи представлена целой плеядой исследователей: В.В. Крашенинников (Добрынин), Н.С. Сумароков, Д.И. Карманов, Пётр (Иродионов), А.А. Засецкий, В.В. Крестинин и другие⁴.

Уфа не являлась исключением. К концу XVIII в. здесь сложился социум любителей истории (см. выше статью Б.А. Азнабаева), по всей видимости, наследием которого и является «Уфимский летописец». На интерес к прошлому повлияло открытие в 1782 г. Уфимского наместничества, когда в край прибыла большая группа образованного чиновничества с уже сложившимися культурными традициями (библиотеками и пр.), сам полиэтнический и многоконфессиональный состав населения приграничного «фронта» с разнообразными культурами, а также большую роль в пробуждении интереса к истории сыграла пугачёвщина. Как Смутное время начала XVII в. породило целый ряд летописных произведений, так и пугачёвщина, осада Уфы вы-

¹ Уфимские губернские ведомости. 1866. 31 декабря.

² Оренбургские губернские ведомости. 1853. 6 июня (здесь также приведена анонимная записка о погоде с 1798 по 1803 гг.). Сам В.А. Ребелинский (1789 г. р.), естественно, лишь продолжал хронологические наблюдения, начатые кем-то из его предшественников.

³ Севастьянова А.А. Русская провинциальная историография второй половины XVIII в. (диссертация). С. 246.

⁴ См.: Там же. Гл. IV и V.

звала к жизни сочинения современников (протопопа Я. Неверова¹, др.).

В середине XIX в. в руки редактора издававшихся в Уфе «Оренбургских губернских ведомостей» Ивана Прокофьевича Сосфенова попала уже «цельная» летопись, сборник, вероятно, кем-то составленный в конце 1820-х гг. В газете много публиковалось исторических сочинений и весной 1852 г., предвзято появляясь «Уфимского летописца», редактор поместил материал «Торжество открытия Уфимского наместничества». В начале статьи он прямо указал: «Современник пишет так»². То есть, у него был документ, составленный очевидцем событий в 1782 г.

А с апреля 1852 г. И.П. Сосфенов начинает публикацию самой летописи. В первой же сноске он сообщает происхождение материала: «Как настоящая интересная статья, так и последующие, будут извлекаться из летописи города Уфы». Отметим, что в первых публикациях говорится просто о летописи г. Уфы (Уфимской летописи). Лишь майская статья озаглавлена «Уфимский летописец». Возможно, сборник не имел определённого названия, термин «летописец» добавил редактор И.П. Сосфенов.

Уфимская летопись состоит из материалов, без сомнения, имеющих разное происхождение по времени и авторству.

Первая часть вышла в двух газетных номерах под названием «О гражданских начальниках когда и какие учреждаемы были, и о начальниках как они сначала города Уфы именовались и что особенно при каждом случилось и в каких именно годах»³.

После краткого предисловия, более-менее подробное повествование начинается с XVIII в., использовалась книга П.И. Рычкова, но конкретный материал в основном датируется второй половиной XVIII в., а самый большой объём текста посвящён пугачёвщине – эпохе 11-го уфимского правителя Борисова. В основе явно свидетельство очевидца осады Уфы, причём это рассказ одного автора, который пользовался каждодневным журналом Уфимской провинциальной канцелярии.

В статье Б.А. Азнабаева в данном сборнике с высокой степенью достоверности установлено авторство одного из следующих фрагментов «Уфимского летописца» по частому упоминанию в тексте – П.С. Ефтюгина. Если использовать тот же приём, то в первой части летописи встречаем упоминание мелких чи-

¹ Роднов М.И. Первое описание осады Уфы и предания о ростовском купце И.И. Дюкове // Река. времени. 2013: уникальные свидетельства прошлого / Отв. ред. Ю.М. Абсалямов, Р.Н. Рахимов, М.И. Роднов. Уфа, 2013.

² Оренбургские губернские ведомости. 1852. 22 марта.

³ Там же. 12, 19 апреля. Фрагменты опубликованы. См.: И.П. Сосфенов: начало уфимской литературы / сост. М.И. Роднов. Уфа, 2012. С. 79–85.

новников Ивана Черкашенова (дважды) и протоколиста Михайлы Протопопова.

Вторая часть летописи (это указано в сноске) под названием «Описание бывшего в г. Уфе Христорождественского девичьего монастыря»¹ представляет собой маленький рассказ о событиях второй половины XVIII в. (с 1759 по 1777 г.). Сноска на источник, архив Гражданской палаты, позволяет предположить датировку концом XVIII в. По крайней мере, в 1794 г. палата Гражданского суда (председатель надворный советник Василий Васильевич Романовский) уже существовала в Уфе².

Третья часть летописи «О учреждении в городе Уфе мужского монастыря»³ имеет иную структуру. Текст разбит на два фрагмента. В первом говорится о конце XVIII – начале XIX вв. и он заканчивается указанием на источник: «Из летоп. г. Уфы». Затем идёт рассказ, специально в газете отделённый чертой, об архимандритах с 1813 по 1846 г. Это самая поздняя дата, встречающаяся вообще в Уфимской летописи. Очевидно, и это подчёркнуто при печати, кто-то добавил потом рассказ о следующих архимандритах мужского монастыря. Возможно, сам редактор И.П. Сосфенов, а может быть Василий Степанович Юматов, который в 1846 г. ещё здравствовал. И, наконец, добавление ясно указывает, что первый фрагмент о мужском монастыре был закончен кем-то (другим автором, более ранним) в начале 1810-х гг.

Четвёртая часть летописи, так и озаглавленная «Уфимский летописец»⁴, очевидно, плод литературного труда Петра Степановича Ефтюгина. Активные записи он вёл с 1783 по 1812 гг., затем в рукопись добавил пять кратких заметок (по 1827 г.).

Пятая часть Уфимской летописи «О состоящем в городе Уфе каменном соборе» разобрана выше в статье Я.С. Свице. Последняя датировка также приходится на 1827 г.

Шестая часть может условно быть отнесена к Уфимской летописи. Она называется «О учреждении в Оренбургской губернии епархии и о наименовании города Уфы епаршеским»⁵. Пуб-

¹ Оренбургские губернские ведомости. 1852. 26 апреля. Опубликовано: И.П. Сосфенов: начало уфимской литературы. С. 85–87.

² Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1794. СПб., б. г. С. 260.

³ Оренбургские губернские ведомости. 1852. 3 мая. Опубликовано: И.П. Сосфенов: начало уфимской литературы. С. 87–91.

⁴ Оренбургские губернские ведомости. 1852. 17 мая. Наличие именно в этой части летописи подзаголовка «Уфимский летописец» можно трактовать и как название, данное своей рукописи П.С. Ефтюгиным.

⁵ Оренбургские губернские ведомости. 1852. 14 июня.

ликатор – редактор И.П. Сосфенов – не указал, что данный текст взят из Уфимской летописи. События опять обрываются на 1828 г., язык рукописи содержит немало архаизмов, вряд ли сам Сосфенов употреблял такие обороты.

Седьмая часть именовалась «Об обстоятельствах, кои показывают имоверную причину заведения города Уфы»¹, само название старомодно. В конце указано: «(Уфим. летоп.)», то есть это одна из частей Уфимской летописи, что позволяет и предыдущую считать тоже разделом её.

Здесь говорится о раннем периоде истории края и Уфы, много легендарных сведений. Последняя датировка в тексте – 1754 г., но безымянный автор пишет: «хотя Тайный Советник Татищев в Российской Истории в 22 главе». А работа В.Н. Татищева вышла в 1768 г. Не упоминается в тексте П.И. Рычков, однако, говорится: «по сказанию Нагайской дороги Башкирского старшины Кидряся Муллакаева автор знает».

Последний материал вышел в номере за 28 июня 1852 г. Он включал два раздела, первый: «О жительстве Башкирцев и о их бунтах». Это очень любопытный текст. Небольшой рассказ доводится только до 1708 г. Более того, концовка крайне примечательна: «Кроме сих двух главнейших бунтов Башкирских хотя были другие, но как они не заслуживают никакого внимания, то для сей причины здесь и не упоминаются».

Ничего (!) не говорится, даже не упоминается (!) бунт во время Оренбургской экспедиции, который не заслуживающим внимания уж никак нельзя было назвать. Этот маленький фрагмент, видимо, восходит к самому началу XVIII в.

И завершает повествование рассказ «О местоположении города Уфы, и какова была обширность оного во время жительства Башкирии». Здесь опять идут ссылки на Кидряся Муллакаева и говорится о раннем периоде². В конце же стоит: «(Уфимский летопис.)»

Таким образом, «Уфимский летописец» одно из постлетописных сочинений, свод / сборник, созданный в Уфе в XVIII – первой трети XIX в. Наверняка, он создавался постепенно, один фрагмент, вероятно, восходит к самому началу XVIII в., и, без сомнения, разными людьми. Этот летописный свод переходил из рук в руки, в начале 1780-х гг., можно предположить, оказался у молодого амбициозного чиновника Петра Степановича Ефтюгина, который добавил свою лепту в летопись. Обратим внимание,

¹ Там же. 21 июня.

² Необходимо сопоставление с трудами П.И. Рычкова. См.: *Сидоров В.В. Исследования и исследователи Южного Урала XVIII – XIX вв. Век XVIII. Книга 1. П.И. Рычков – летописец Южного Урала. Уфа, 2011.*

что его раздел летописи начинается с 1783 г., тогда как первая часть заканчивается событием 6 мая 1782 г. Около 1828 г. активное летописание прекращается, хотя кто-то добавил историю архимандритов до 1846 г.

Совпадение во многих частях Уфимской летописи концовки повествования на дате 1827 / 1828 гг. свидетельствует, что именно в этот момент все (или большинство) фрагментов оказались собраны воедино. Затем, видимо, «культурное гнездо» распадается (возраст, отставка, пр.) и традиция прерывается. Далее летопись переписывалась, немного дополнялась и, опять предположим, в таком виде дошла до Василия Степановича Юматова (†1848), после которого весь архив оказался в руках его знакомого и, видимо, друга, редактора «Оренбургских губернских ведомостей» Ивана Прокофьевича Сосфенова («помогла», скорее всего, эпидемия холеры, на заразные бумаги наследники не претендовали). Этот список Уфимской летописи и был опубликован в газете в 1852 г., на него ссылались многие местные краеведы в последующем.

Изучение уфимского летописания (а есть сведения о каком-то сборнике и в Челябине), постлетописных сочинений¹, включая хронологические указатели, необходимо проводить, используя отработанный инструментарий «классического» русского летописания (метод «расшивки» и пр.). Так, структура книги М.Х. Алешковского включает, к примеру: соотношение Лаврентьевской и Ипатьевской летописи, редакторские вставки, новгородскую редакцию авторского текста «Повести временных лет», редакторские пропуски, перемещения, вставки, устные и письменные источники автора и даже «о чём молчит летопись»².

Только строго научное исследование сохранившихся исторических материалов Уфимской летописи и других постлетописных сочинений рубежа XVIII–XIX вв. позволит установить подлинную ситуацию среди гуманитарного социума Уфы и Орен-

¹ Форма летописи (погодные записи) применена и в одной из первых исторических работ (*Жуковский И.* Краткое обозрение достопамятных событий Оренбургского края, расположенных хронологически с 1246 по 1832 год СПб., 1832). Автор использовал официальные документы и исторические сочинения. Ничего общего с «Уфимским летописцем», акцент в материале сделан на южную часть края. Любопытно, но в экземпляре этой книги, хранящемся в библиотеке Уфимского научного центра, чернилами (изредка карандашом) вписано продолжение перечня событий с 1832 по 1840 г. Последняя рукописная запись гласит: «1840 г. Граждандским Губернатором назначен Действ. Статский Советник Иван Дмитриевич Талызин» (Там же. После с. 34). Неизвестный владелец книги Жуковского продолжал своеобразную летопись. На обороте обложки есть штамп: «граф Сухтелен».

² См.: *Алешковский М.Х.* «Повесть временных лет».

бургской губернии той «рукописной» эпохи, когда в крае ещё не было ни газет, ни книжных изданий.

Приложение «Уфимский летописец».

В 1783 году открывающий Уфимское Наместничество Генерал Губернатор Якобий, по именному соизволению, отбыл для открытия ж Наместничества в Иркутск.

А на место его прибыл в том же году Генерал-Поручик Аким Иванович Апухтин.

А Губернатором Камергер Петр Федорович Квашнин-Самарин.

При которых Пермской пехотный полк вступил для стойки в Уфу, и чрез 2 года вышел в поход.

В 1784 году построены по близости гостинного двора Губернаторский деревянный огромный дом и внутри города нижние присутственные места.

Уничтожена бывшая соленая пристань; учрежден рабочий дом.

1785 года прибыл третий Генерал Губернатор Осип Андреевич Игельстром, чина Генерал-Поручика, а Губернатор Александр Александрович Пеутлинг, а после ним был еще кратко-временно Генерал-Майор Ламбу.

При которых открыты Приказ Общественного Призрения, Главное Народное Училище, Магометанское Собрание и Градская Дума.

Вступил в квартиры Суздальский пехотной полк, которой чрез три года отбыл на Моздокскую линию.

В 1790 году был наряд Башкирцам в поход под Шведа, с составлением 4-х пятисотенных полков под предводительством военных майоров, которые чрез три года возвратились.

В 1792 году учреждены два тептярские полка пятисотные, и оные составлены из общего от Тептярей капитала и ежегодное получают вместо народной подати содержание.

Во оном 1793 году, по отбытии Игельстрома в Польшу, прибыл четвертый Генерал Губернатор Сергей Кузьмич Вязьмитинов, чина Генерал-Поручика, а Губернатор тот же Пеутлинг.

При которых в 1794 году была в здешнем краю Сибирская язва, которая и из людей и из скота хотя изредко, но язвила, и от оной избавлялись уксусом и табаком.

1795 года Декабря 19 дня корпус первых присутственных мест сгорел, каковагож построенного не было; в оном же году по Белой реке припавлено довольное число соснового бревенчатого

лесу, на построение чрез оную реку моста.

1796 года Ноября 6 дня Государыня Великая Екатерина скончалась, царствовав 34 года, а по Ней принял Российский Престол сын Ее Государь Павел Петрович.

1797 года, по именному Его соизволению учрежденные наместничества уничтожены, и учреждены губернии, пр[и] которых присутственных мест убавлено, и определено быть по оным губерниям, Военным Губернаторам и Гражданским, а потому и определен в здешнюю 1-й Военный Губернатор, что прежде был Наместником, Генерал Аншеф Осип Андреевич Игельстром, а Гражданским Статской Советник Иван Михайлович Князь Баратаев, правителем его дел Губернский Секретарь Петр Степанович Ефтюгин и произведен в Титулярные Советники, а в уездном городе Уфе городничий, Надворный Советник Егор Иванович Павлов.

При которых 1797 года учрежден Уфимский пехотный полк из второго и третьего баталионов. Полковником в оном первый был Александр Павлович Мансуров.

Марта 27, при восходе солнца было на небе явление, около оною стояли три светлые круга, которые чрез один час миновались.

Апреля 29 состоялась именной указ о переведении губернии из Уфы в Оренбург, а оставшиеся все казенные присутственные места строения отданы под квартиры в Уфимский полк, а Мая с 28 дня все присутственные места и с делами отправились в Оренбург.

Июня 4 была сильная туча, и от громового удара загорелись в здешнем городе три двора, кои вскоре утушены, при том оглушило двух офицеров, разорвало солдатское ружье, сожгло солдатскую каску, разбило две печи и две трубы.

В сем году в здешнем городе яблонные сады все посохли, а потому и вырублены.

1798 года в Марте месяце прибыла Межевая Контора, для размежевания в Оренбургской губернии земель.

Августа 8 уничтожено в городе Уфе коменданство, и начали управлять в городе одни Городничие.

31-го на утренней заре было на небе явившееся светило, величиною с месяц, текущее скоро к востоку и пред восходом солнца исчезло, а после сего путешествия осталась на том месте дорога белая, а видом облачная, и стоявши при солнце с час, пропала.

Октября 31 Военный Губернатор Игельстром получил отставку, а на место его определен Генерал-Поручик Николай Николаевич Бахметев, а Гражданской при оном был Действитель-

ный Статский Советник Иван Ануфриевич Курис, который пред тем был правителем дел у князя Италийского Суворова; правителем его дел тот же Титулярный Советник Ефтюгин, что и при Князе Баратаеве, произведен в Коллежские Ассесоры по Высочайшему указу за отличность.

При которых происходило: 1799 года¹.

Марта 2 определен в Уфимский полк шеф Генерал Майор Ингенгард.

21 Мая не подалеку от города проходила сильная туча с градом, которой был величиною от фунта и до двух, от чего погибло много хлеба, в одной деревне убило 30 овец, а лист на лесу весь обило, и остались деревья голые.

Июня 18 по полудни в 12 часу учинился в гостином ряду пожар, начавшийся от лавки купца Алексея меньшого Подьячева и распространившись от того погорел весь гостиный ряд, в коем было 48 лавок, Губернаторский дом и частных домов пострадало 21, товары же из лавок было успели вытащить, но многие от сего страшного жупла понесли чувствительное раззорение.

29 Сентября начала свирепствовать поветренная болезнь в людях от кашля с головою болью, а притом лихорадка с горячкою, от чего в городе половина жителей сею болезнию страдали и довольная часть обоего пола и возраста людей померли.

30 Декабря полная неделя продолжалась жестокая стужа, от чего крепкие в зиме птицы: сороки и воробьи множественно замерзали, а движущиеся в работе и дорогах люди редкой избавился от ознобления лица.

Июня 4 по полудни в 10 часов случился пожар от дома купца Ивана Подьячева, от чего именно и ряд истребился.

11-го прибыли в здешний город по именному повелению для осмотра присутственных мест, и по исполнении сего 13 дня отбыли.

21 Гражданский Губернатор Курис переведен в Волыnsk, а потом прибыл в Оренбург Тайный Советник Карл Иванович Глазенаб. При нем Правителем дел тот же Коллежский Ассесор Ефтюгин, что был при Губернаторе Князе Баратаеве и Курисе.

Ноября 12 по полудни в 11 часов при ведреной ночи, освятила молния, весьма страшным образом.

29 в ночи видима была на небе необыкновенной величины и светлости звезда.

1801 год. Апреля 27 по полудни в 9 часов была присильная

¹ Далее в газете пустая строка.

буря, которою сорвало у многих в городе домов крыши и поломало множество лесу.

Марта 11-го Государь Император Павел скончался и принял Российский престол сын его Александр Павлович.

Апреля 14 получено известие, что новой Император Александр I-й всех до сего исключенных из службы приказал принимать в оную; колодников, кроме смертоубийц, всех от стражи освободить.

27. Последовало повеление военным полкам именоваться прежними званиями, а не по шефам.

Июня 27 последовал указ о утверждении дворянской грамоты в прежней силе.

Сентября 15 Государь Император в Москве принял Российскую корону.

1802 год. Генваря 11 последовал закон, коим позволено всякого состояния людям покупать и продавать земли и владеть оными.

Февраля 4 Гражданский Губернатор Глазенаб уволен в отпуск и не возвратился, а вместо его определен Статской Советник Алексей Александрович Вражский; при нем правителем дел Коллежский Ассессор Евтюгин, что был при Князе Баратаеве, Курисе и Глазенабе.

Марта 8 получен указ о переводе из Оренбурга присутственных мест в Уфу, и быть сему городу по прежнему губернским, а губернии именоваться Оренбургскою.

Апреля 29 вода весною так была мала, что по рекам Уфе и Белой с заводов барки к выходу получили остановку до будущего года, чего прежде не бывало, а сие последовало от бывшего зимою мелкоснежия.

Мая 6-го по полудни в 10 ч. случился пожар в слободе, начавшийся от госпожи Мартыновой, от чего у шести домов стоящие службы все без изъятия выгорели.

Июня 25 Губернское Правление и с делами переместилось в здешний город Уфу, а за сим и прочие присутственные места со своими транспортами переехали.

Июля 6 числа было в Губернском Правлении водоосвящение, произведенное от Преосвященного Епископа Амвросия¹, и от сего числа город Уфа получил паки наименование Губернским.

Ноября 4 получено уведомление, что в Киеве, Бел-граде и Москве было землетрясение.

¹ Автор пропустил учреждение в Уфе епархии. Светский человек. Или по истории церкви им же велась отдельная летопись, смотри далее.

1803. Марта 26 усилившаяся болезнь корь весьма много умертвила младенцев, даже и возрастные много от оной пострадали.

Мая 29 капустной росады был великий неурожай, от чего продавалось накладенное оной решето по рублю и более.

Июня 5 была на небе радуга необыкновенного вида, на которой видимы были 1-я полоса фиалетовая, 2 зеленая, 3 красная и весьма яркие.

Августа 10 состоялся опробованной Государем Императором на перестроение города Уфы план, прожектированной Губернатором Вражским.

Августа 11. Третий Военный Губернатор прибыл Генерал-Аншеф, Князь Григорий Семенович Волхонский, и при оном определен Гражданский Губернатор Тайный Советник Иван Григорьевич Фризель, при нем правитель дел Коллежеский Ассесор Евтюгин, который находился и при прежних Губернаторах, начиная от Князя Баратаева, произведенный в Надворные Советники, и после определен Советником в Казенную Палату в 1810 году. При которых:

Августа 23 на утренней заре случился в доме вдовы мещанки пожар, от коего та хозяйка и с имением сгорела.

Генваря 14 по полуночи в 11 часу было затмение солнца, которое было видом фиалетовое.

18 числа по указу Сената Палаты Уголовного Суда присутствующие и Секретарь за неправильное решение одного дела отрешены от службы навсегда.

Февраля 7 начался во окружности города и простирался во многих селениях коровей и овечей падеж.

Мая 11 по полудни во 2 часу, начался от дома казака Ветошникова пожар и чрез оной выгорело в Усольской улице обывательских домов 77 и приходская Архангельская церковь с колокольнею, от чего жители получили великое раззорение.

Июня 8 дня Уфимский полк, стоящий в городе Уфе 7 лет, отбыл в Оренбург, а оттудова чрез два года в армию.

1805 год. Мая 4 составлен здесь новой гарнизонной батальон.

23 весенняя вода в реке была против прочих прошедших лет величайшей препорции, но еще не доходила против наводнения, бывшего в 1778 году на три четверти.

Июня 6 дня получены в Уфимский батальон знамена.

Октября 9 в ночь виден был на небе в севере светлой столб подобие таковым же.

Июня 25 по полудни в 10 часов в сем городе Уфе в малой Ильинской улице был пожар, от которого выгорело 5 домов

обывательских.

Июля 17 дня в 12 часов от нашедшей тучи в громом, и крупным градом, от чего в городе выбило в господских домах из оконниц 2700 стекол, и 20 домов от вихря разнесло.

Августа 3 дня учинился в здешнем городе сильной коровой мор, для чего скот запретили пасти в табунах, и с Июня месяца по сие число померло, как по записке в Управе Благодетельства значит, 2170 коров.

Декабря 4 в ночи была трехкратная и сильная молния.

9-го состоялся манифест о начале войны со Французами, и армия вся выступила за границу под предводительством Генерал-Фельдмаршала Каменского. 26 выступило из сей губернии 7 тысяч Башкирцов в поход в армию, в том числе Калмык 600, казаков Оренбургских и Челябинских 1000 человек.

27 Декабря обнародован манифест о собрании со всего государства милиции с 77 душ 1 человека, и снабдив оных на 3 месяца провiantом и всяким оружием, которой от всего государства составиться должно 700 000.

1807 год. 20 Июня получено известие, что в городе Уральске выгорело 3087 дворов, купеческие ряды с товарами, артиллерийский двор, магазин с хлебом, на 40 000 рублей и погибло 18 человек.

30 по полудни в 3 часу нашедшая с югозападной стороны туча, которая громовым ударом разбила в доме Ассесора Благушина в покое потолок. Гражданской Палаты у Председателя Федорова убило 5 каретных лошадей [и] 4-х оглушило.

Июля 18 состоялось известие о постановленном с Французами 27 Июня вечном мире¹.

Августа 11 в сем месяце был великой урожай груздям, которых продавалось возами, а соленых великими кадками, какого урожая старожилые люди не помнили.

Сентября 21 по пополудни в 8 часу между югозападом появилась особенная звезда с длинною лучею и продолжалась Октября до 17 числа.

Октября 12 дня в Белой реке, не подалеку от города, поймана была белуга в 27 пуд.

17 числа из здешней тюрьмы, подрывшись из казармы и под острог, 7 человек бежало.

18, 19 и 20 числ по полудни в 8 часу каждодневно от злых людей были по Фроловской улице у разных домов пожарные зажиги, но Божиим промыслом дальнейшего вреда не последовало.

¹ Далее пустая строка.

1808 год. Апреля 18 дня состоялось известие о взятии Шведской Финляндии под Российское подданство.

Августа 24 состоялся указ, чтобы купленные Киргизята и Каракалпаки, пришедшие в 25-ти летний возраст, были от господских услуг свободны, с выбором желающего рода жизни.

Сентября 15 дня постановленный чрез реку Белую против города на лодках мост приял свое существование, по которому проезд открылся свободный и тем гражданство весьма было довольноно.

Ноября 27 Удельная Контора по новому учреждению открыта и вступила в свое управление.

1809 год. Мая 7 определен Гражданским Губернатором Действительный Статский Советник Михаил Федотович Веригин.

Июля 2 была сильная туча с жестоким громом, от которого в Сибирской улице загорелось гумно и вскоре утушено, а у помещика Карюгина убило 11 летнего мальчика.

Октября 5 получен манифест о заключении со Шведом вечного мира, с присовокуплением к России Шведской Финляндии, состоящей в 6 губерниях, в коих слишком миллион народу.

1810 года Февраля 14 дня получен манифест о учреждении Государственного Совета.

19 получен указ о накладке подушных по 2 руб. на душу, на гербовую бумагу по 20 к., на соль, кроме Илецкой, по 60 к., и на прочее.

Июля 18 получены указы: 1, о перемене серебряной и медной монеты, 2 о погашении государственных долгов.

Августа 12 в Оренбурге от бездождия учинился во всем великой неурожай, а от того начали продавать сено 100 руб. стог, а ржаная 90 коп., пшеничная мука 1 руб. 70 коп., овес по 1 р. пуд.

Сентября 1 получено известие, что полки пехотной Рыльской и Оренбургской драгунской выступили из Оренбурга в поход в армию.

26 Гражданской Палаты Председатель Федоров определен Вице-Губернатором здешним.

Октября 16 по именному повелению здесь открыт Комитет для продажи казенных земель и оброчных статей.

Ноября 1 получен указ о уничтожении здесь военного депо.

Декабря 16 получен манифест от 13 Сентября о издании новой золотой, серебряной и медной монеты; серебряная 72 пробы, а медная 24 руб. пуд.

1811 года Генваря 1 и 5-го получены известия, что в Оренбурге много казаков и Киргизов от сильной стужи замерзло.

12 состоялся указ, чтоб старую медную монету отправить в Екатеринбург для перечекану. Тогож числа получен указ о увольнении Поляков, находящихся на службе в 27 дивизии за изношену во свояси.

Февраля 6 состоялся указ, чтобы крестьянам жизненными припасами свободно торговать повсюду, не имея на сие только магазейнов и лавок.

19 состоялся указ, чтоб впредь за преступление наказанных не отдавать в военную службу, отсылать оных в крепостные работы.

23 Апреля находившаяся в Оренбурге полевая артиллерия вышла в армию.

Мая 6 получено повеление, чтобы 2 полка Башкирцов и один Калмыков к 26 числу выступили в поход в армию.

17 в Уфимском Успенском монастыре учинилась покража ризничным вещам на 400 руб.

30 получено известие, что Генерал-Лейтенант Суворов, сын старого Графа Суворова в реке Рымнике утонул, ездивши на охоту с борзыми, в том месте, где отец его прославился победою.

31 здешнего казачьего кантона казаков 300 человек выкомандировано в Молдавскую армию.

Июня 4 здешнему гарнизонному баталиону велено именоваться Губернским полубаталионом, и здешняя штатная рота причислена к оному.

11 состоялся указ от 18 Мая о учинении по всему государству ревизии.

24 назначено к построению присутственных мест по плану новое место.

23 Июля было основание Уфимской каменной Покровской церкви.

3 Августа состоялся указ, чтоб по всюду распространить прививание младенцам коровой оспы и составить на сие особые комитеты.

31 появилась на небе комета.

4 Сентября открыт в Уфе Оспенной Комитет.

14 состоялся указ, коим велено покражу сборных на церкви и монастыри денег непочитать святотатством, а чистою кражею.

Октября 6 получен манифест о наборе рекрут с 500 человек по три. Набор сей 81-й, а по числу душ 5 ревизии последний.

22 Ноября получен манифест о внесении за рекрута по 2000 руб., буде кто оного натурою отдать не пожелает и в здешней губернии назначено таковых рекрут 144.

26. Оренбургский Гражданский Губернатор Статский Со-

ветник Матвей Андреевич Наврозов прибыл к своей должности, которой до сего был Симбирским Вице-Губернатором. Женат на сестре жены Сергея Кузьмича Вязмитинова.

1812 года. Марта 4 получен указ о возвышении подушных денег и на купеческие капиталы.

11 вышедших в отставку военных чиновников велено приглашать в службу.

13. В Московской улице был пожар и сгорело два дома, а первый у вдовы Самарковой.

18 получен указ о надбавке по 3 руб. на мещанскую душу.

31. На Белой реке от испортившегося льду провалились две ямские лошади и утонули.

8. Получен манифест о рекрутском наборе с 500 душ по 2 рекрута. Сей набор по порядку бывших 82-й, а по числу душ 6 ревизии 1-й.

13. получен указ о недоимочных рекрутах, на случай чего велено брать 12 летних.

19. найден за Белой рекою в полях приказной Межевой Канторы сидящим на дереве и от голода по трех суточном страдании едва живым; он был за рекою с двумя товарищами для ловли зайцев, и от сильной бури выпрокинуло их из лодки, двое потонули, а третий остался жив.

17 Мая в Оренбурге заложен каменного строения магистрат.

Июля 10 получен манифест о заключении мира с Турками и о войне с Французами.

15. В 10 часов по полуночи виден был на небе с треском огненный шар.

21 получен манифест о приглашении всякого сословия людей на защиту Отечества, противу Французского нашествия.

Августа 5 позволено в городе поправлять обветшалые партикулярные строения.

10-го по закате солнечном было лунное затмение.

19 получены манифесты: первый о мире с Англиею, а последний о рекрутском наборе, именующемся по порядку прежних 83, а по 6 ревизии 2-м, который велено произвести с 100 душ по два рекрута.

25 получено известие, что во время сражения с Французами город Смоленск сгорел.

8 Сентября получен указ о перемещении Московских Сената Департаментов в Нижний Новгород.

16 Казанская, Московская и С. Петербургская почта не бывали.

17 получены известия, что из здешней дивизии велено ко-

мандировать в армию казаков и Башкир до 20-т. человек.

7 Октября получено достоверное известие что 3 числа Сентября Французским войскам отдана ради некоторых причин столица Москва.

21 был у Сергия на гумнах пожар.

22 получен указ, коим велено чиновников, находящихся под судом по маловажным делам, буде они пожелают, отпускать в армию.

28 получен указ, коим велено по наказании подсудимых плетьюми, отдавать в солдаты.

Ноября 11 получено известие что Москва Французами оставлена.

1812 год. 26 Ноября вторник. Получен Высочайший Манифест, 3 ноября состоявшийся, а 4-го в С. Петербурге напечатанной, изъявляющей от лица всего отечества признательность и благодарность воинству Российскому, дворянству знаменитому, почтенным купечеству, мещанству и народу, за опыты всеми мерами и любовью к отечеству оказанные, чрез доведение всеобщим и единодушным желанием и усердием до крайнего истощения, и главною частию до истребления и пленения неприятельских французских и с ними разных десяти державных сил, принужденных оставить неслыханные доселе поругания, неистовства и лютость, с собою в Москву приносимые.

27 того ж Ноября. Среда. Манифест сей и с ним вместе полученная реляция военным действиям прочтены в кафедральном соборе при всенародном собрании. Пред совершением литургии принесено было Всевышнему Подателю благ благодарственное молебствие с коленопреклонением, а после литургии с коленопреклонением о конечном истреблении вражеских сил. Молебствие и литургию совершал Епископ Оренбургский и Уфимский Августин с почетным духовенством. В предъидущем возвещении сказано: что во многих губерниях поселяне сами собою, поклявшись невыдавать друг друга из любви и верности к своему отечеству, вооружились на неприятеля так, что многие тысячи оного истреблены и взяты в плен даже руками женьщин.

13 Декабря получен Высочайший манифест и указ 30 Ноября 1812 года, состоявшиеся о сборе во всем государстве за исключением губерний, потерпевших разорение от неприятеля и дворянских имений, поставивших ополчение, с 500 душ 6 ревизии по 8 рекрут в 4 срока месячные, поставляя в каждой с 500 по 2 рекрута.

В 1816 году, Мая 12 был пожар, от которого сгорело 400 домов обывательских, приходская церковь Рождества Христова и собор.

В 1821 году Июня 1 был пожар, от которого выгорело более 300 домов и присутственные губернские места.

В 1822 году Гражданский Губернатор, Статский Советник Григорий Васильевич Нелидов.

При нем в 1825 году в Сентябре было посещение города Уфы Государя Императора Александра Павловича.

В 1827 году определен Гражданским Губернатором Действительный Статский Советник Иосиф Львович Дебу».

(Оренбургские губернские ведомости. 1852. 17 мая)

«О учреждении в Оренбургской губернии епархии
и о наименовании города Уфы епаршеским.

Находящиеся в ведомстве Уфимской провинции градские и уездные церкви и при оных Духовенство состояли сначала построения города Уфы под ведением Казанской епархии, и до 1721 года управляемо было местными начальниками, которые именовались поповскими старостами, а в оном году учреждено Уфимское Духовное Правление, в котором были Правителями Уфимского Успенского монастыря настоятели, а по уничтожении сего монастыря в 1764 году препоручено сие Правление соборным Протоиереям. А по учреждении в сем году духовных штатов, сие Правление и с его ведомством перечислено в Вятскую епархию, находясь под ведомством оной до 1790 года, а в сем году, по представлению Преосвященного, Епископа Вятского, в разсуждении отдаленности сего ведомства от епархии, до которой состояло девять сот верст, и по указу Святейшего Правительствующего Синода сие Духовное Правление переведено и паки к Казанской епархии¹.

1799 года Сентября 27 дня по Высочайшему Его Императорского Величества, Государя Павла Первого повелению, на докладе Святейшего Правительствующего Синода последовавшему, учреждена в Оренбургской губернии епархия, а Преосвященному повелено иметь всегдашнее пребывание в городе Уфе, для чего оставшиеся от бывшего наместничества казенные строения велено отдать в ведомство Духовное, на помещение всего архиерейского штата.

1800 года Января 21 дня первоначальный Преосвященный Амвросий Епископ, по произведении в присутствии Государя Павла в городе Гатчине, состоящем от С. Петербурга в 60 верстах, в сей город Уфу прибыл. Возведен же на сей сан из Архи-

¹ Сие собрано сведение из архива Уфимского Духовного Правления – *прим. источника.*

мандритов Новгородской епархии Ставропигиального Антониева монастыря; родом из Малороссиян, обучавшийся в Киевской Академии, происходящий из дворянства, прозванием Келембет, 51 года.

Для священнослужения как архиерейская ризница, равно и весь к сему нужный прибор, по указу Святейшего Синода отдан, хранясь по уничтожении Олонецкой Епархии, в С. Петербургской Александровской Лавре, которая самим Преосвященным и привезена¹.

Мая 26 по замещении Преосвященным наместнического дома и при начальном приготовлении Крестовой церкви, в наименование Святой Троицы на 27 число сего течения было освящение с таковою церемониею: по полудни в 9 часов начался в кафедральном соборе колокольный звон, с перебором, для извещения народного, а в 10 часов из того собора со святыми иконами Архимандрит Лаврентий со всем градским духовенством и при многочисленном собрании народа отправился в архиерейский дом, и по пришествии Преосвященного во всей освященной одежде и с начальным духовенством с подобающею честью, встретя святые иконы, и со оными по возвращении началось производиться водоосвящение, а потом, по уставу, и освящение храма, и при облачении престола и жертвенника сам Преосвященный помазал святым миром и обливал приличные места устроенною для сего мастикою; шествие ж со святым антиминсом было из сей церкви чрез сени и прихожую, называемую тронною комнатами, составляющими окружность сего храма; по исполнении ж всего оного совершалась святая литургия и благодарной молебн. По окончании сей процессии крестной ход возвратился обратно в собор, а господство и почетные люди приглашены были в комнаты Преосвященного, из коих знатные чиновники, оставшись у обеденного стола, угощаемы были превосходно, а на другой день дан был и почетному духовенству обеденной же стол.

К сему Архиерейскому дому, в сходство того ж Именного соизволения, отдано от гражданского Правительства в наивсгдашние услуги из казенного ведомства из экономических сел Чесноковки и Дуваней 43 человека крестьян, которым производится по штату в жалованье каждому по 15 руб. в год, а подушные также платятся из казны за оных, из отпускаемой на Архиерейский дом суммы.

К тому же отведено из казенных статей сенных покосов 60

¹ Все сие явствует в указе Святейшего Синода об открытии Оренбургской епархии – прим. источника.

дес., да под загородный дом 10 дес., 1 мельница о двух поставах, с толчеею. Рыбных ловель вниз по Белой реке все состоящие казенные статьи, от Ахлыстинского перевоза до устья реки Белой, впадающей в Каму реку в полное распоряжение Архиерейского дома, а получаемые с сего доходы должны употребляемы быть на всю провизию всего Архиерейского дома.

После сего при оном доме временами заведено на выезд Преосвященного, равно для потребности его дома, лошади и экипаж.

В скорости после открытия епархии от Преосвященного Амвросия составлен им в епархии для священного служения штат, также и певческой хор; чему послужили начальным руководством привезенные им из Казанской епархии из тамошнего певческого хора трое обученных мальчиков.

Июня 25 дня, по состоявшемуся из Святейшего Правительствующего Синода указу, в Оренбургской епархии открыта учебная Семинария следующим порядком:

По полуночи в 9 часу в Крестовой Архиерейского дома церкви Преосвященнейший Амвросий, Епископ, с начальным духовенством продолжал святую литургию, и по исполнении оной был о здравии Его Императорского Величества молебен, и по окончании сего, со святыми иконами, Преосвященнейший прибыл в Консисторию, исполнял соборне водоосвящение и окроплял все классы учебные святою водою; после сего от певчих был пет сочиненной на сие время нарочитой концерт; по окончании ж того, во первых Преосвященной, а потом Семинарии Ректор, Эконом Тихон, говорили к народу и ученикам приличные речи, и по окончании всей процессии в доме Преосвященного для господства и знатного духовенства дан был обеденный стол, и от сего времени Семинарское учение начало свое восприняло.

Полученные на имя Преосвященного по духовной части узаконения:

1801 года о предавании старообрядцев за неисповедь в приватное суждение духовных отцев.

Апреля 22 о построении впредь, вместо погоревших деревянных, каменных церквей,

Мая 20 о бдительном хранении в Консистории и в приходских церквах метрических книг.

Ноября 6 о не перевозе мертвых человеческих тел из места в место.

1802 года Мая о не наказании священников и дьяконов телесно.

1803 года о построении для старообрядцев церквей и о

имении приходских священников, коим быть под ведомством Епархиальных Архиереев.

Февраля 6 о наложении публичной эпитимии на неисповедующихся.

Декабря 22 о нечинении в церквах во время службы разглагольствия и не благопристойности.

1805 года Января 27 о крещении младенцев, находящихся в болезненных слабостях в домах.

1806 года Марта на 4 число корпус казенного строения, в котором занимали Консистория и Семинария неведомо от чего и с делами сгорели.

Тогож года Мая 16 дня означенный Преосвященный Амвросий по указу Святейшего Синода, с пожалованием архиепископства, переведен в Тобольскую епархию.

А на место его произведен второго Кадетского Корпуса законоучитель из Ар[х]имандритов Преосвященный Августин из великороссиян, священнический сын, родом Ярославской епархии, фамилия Сахаров, которой прибыл в город Уфу Июля 25 дня по полуночи в 9 часов начально в Спасскую церковь, и по облачении во всю священную одежду, соборне со святыми иконами в Кафедральный Собор, где исправя святую литургию и благодарный молебен, прибыл в Архиерейский свой дом, где от духовенства принят с должною честью.

По вступлении в епаршнее управление Августин 11 числа сей Преосвященный выехал для обозрения епархии и начав с города Челябины, все уездные города посетил, и 14 Сентября возвратился к своей кафедре в г. Уфу.

Декабря 20 по требованию духовного начальства для построения каменной Семинарии от Губернского Правления отведено из городского предместия место, а для построения оной сочинен план и со сметою представлен в Святейший Синод.

1807 года в Сентябре месяце по требованию Синодскому, с воли Государя Императора, были собираемы чрез нарочно посланных духовных особ сведения сколько при каждой церкви имеется священно и церковнослужителей, какое они имеют продовольствие и сколько при каждой наличной церковной казны. Дети священно и церковнослужительские на каком коште учатся и по скольку в год стоят оным содержание?

1807 года состоялся указ о разборе находящимся в духовенстве праздноживущим и не способным быть в должностях и отсылке таковых к рассмотрению гражданского правительства.

1808 года Августа 16 дня состоялся новый устав о начертании училищ и всего духовенства по новому учреждению и о произвождении всем по штатам жалованья, для чего собрано от

церквей казны по всей России 6 647 000 руб., которые отданы для приращения на пользу церкви в Государственные Банки, а к тому, по повелению Государя Императора велено чрез 6 лет отпустить из Государственного Казначейства ежегодно по 1 353 000 руб.

Тогож года состоялся именной указ, чтоб церковные старосты выбираемы были от прихожан на три года и во все течение сего времени оных ни к каким выборам не выбирать, избавив их и ото всех общественных повинностей, а к прохождению должностей изданы от Святейшего Синода инструкции, в коих помещено, чтоб частные люди восковые свечи меньше как полпудом не продавали, под великим запрещением.

1809 года Января 3 дня Преосвященный Августин, при рескрипте от Государя получил Св. Анны первой степени кавалерию.

1810 года Июля 21 получен от Синода указ о продаже полагаемых на усопших венчиков и разрешительных молитв по церквам сего года Сентября с 1 дня, и сию собираемую сумму отсылать в Коммисию училищ на содержание сирот.

Ноября 14 состоялся указ из Синода, чтоб церковную сумму свечную всю без изъятия отослать в Коммисию, оставив по церквам на гуртовой запас воску, где прежде сколько расходилось четвертую часть.

Апреля 1 Покровская церковь сгорела.

1811 года Мая 15 Покровская церква заложена.

1812 года Октября 10 получен указ, чтоб монахи не вступались в наследство¹.

В 1819 году Преосвященный Августин, по просьбе, уволен на житие в заштатный монастырь Ярославской Епархии.

В 1820 году Преосвященный Феофил, саном Епископ, был слабого здоровья, построил против Архиерейского дома в горе деревянный дом и с маленькою домовою церковию.

В 1824 году Преосвященный Епископ Амвросий.

При нем в 1825 году перестроен старый собор и было Высочайшее посещение Государя Императора Александра Павловича.

В 1827 году старый деревянный огромный Архиерейский дом сломан и на месте его построен каменный.

¹ Как и в «Уфимском летописце», после 1812 г. следуют отрывочные записи, прекратившиеся к 1828 г. Это наводит на мысль, что автором данного раздела о епархии тоже был П.С. Ефтыгин. Он записывал светскую летопись с 1783 г., а церковную начал вести с 1799 г., с открытия епархии. Всё это свидетельствует о целенаправленном стремлении фиксировать важные в его понимании события, «историографичности» автора.

Построена каменная огромная о 4 этажах Семинария.

Построена Александровская церковь на иждивение дворян Оренбургской губернии и которая была заложена 1825 года Сентября 18 Государем Императором Александром Павловичем.

Спасская приходская церковь начата и отстроена.

Заведен Архиерейский хутор 1828 года в вершинах речки Сутолки, на городском выгоне¹.

1828 года в Апреле получил орден Св. Анны 1-го класса».

(Оренбургские губернские ведомости. 1852. 14 июня)

¹ Архиерейский хутор находился в районе совр. Аграрного университета возле бывшего здесь большого источника (Архиерейского ключа) на возвышенном и продуваемом летом месте. На хуторе была домовая церковь.

«Означенная церковь вместе с загородным архиерейским домом основана была ещё Преосвященным Амвросием II в 20-х годах настоящего столетия и существовала до 40-х годов, когда при Преосвященном Иоанникии была упразднена, а ныне возобновлена вновь», сообщала уфимская пресса в 1862 г. об открытии нового храма.

«Освящение церкви. 8 сего Мая, в загородном архиерейском доме, в 2 верстах от Уфы, была освящена Преосвященным Филаретом домовая церковь во имя Святителя и Чудотворца Николая. В тот же день вечером, в 4 часа по полудни, духовенство и народ, встретив приносимую ежегодно в этот день в Уфу Берёзовскую чудотворную икону Святителя Николая, отправились с Св. иконою в новоосвящённую церковь, где совершено было всенощное бдение, а на другой день, 9 мая, после ранней обедни, из загородного архиерейского дома икона принесена была в кафедральный собор» (Оренбургские губернские ведомости. 1862. 12 мая).

Список сокращений

Архив НПЦ Министерства культуры РБ – архив Научно-производственного центра по охране и использованию недвижимых объектов культурного наследия Министерства культуры Республики Башкортостан (Уфа);

ГАКО – Государственный архив Кировской области (Вятка);

ГАОО – Государственный архив Оренбургской области (Оренбург);

ГИМ ОПИ – Государственный исторический музей, отдел письменных источников (Москва);

МК РБ – Министерство культуры Республики Башкортостан (Уфа);

НА РБ – Национальный архив Республики Башкортостан (Уфа);

НА УНЦ РАН – Научный архив Уфимского научного центра Российской академии наук (Уфа);

НМ РБ Оф – Национальный музей Республики Башкортостан, основной фонд (Уфа);

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи;

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва);

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства (Москва);

РГИА – Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург);

СПб филиал Архива РАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (Санкт-Петербург);

ЦГАСО – Центральный государственный архив Самарской области (Самара)

Список авторов

Азнабаев Булат Ахмерович – доктор исторических наук, Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН (Уфа)

Григорьев Николай Николаевич – научный сотрудник Научно-производственного центра по охране и использованию недвижимых объектов культурного наследия Республики Башкортостан при Министерстве культуры РБ (Уфа)

Егоров Павел Владимирович – историк Научно-производственного центра по охране и использованию недвижимых объектов

культурного наследия Республики Башкортостан при Министерстве культуры РБ (Уфа)

Захаров Владимир Николаевич – краевед, «Архнадзор – Уфа» (Уфа)

Кантемирова Резида Ильгизаровна – кандидат исторических наук, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета (Стерлитамак)

Климовский Сергей Данилович – учёный секретарь Центрального военно-морского музея (Санкт-Петербург)

Роднов Михаил Игоревич – доктор исторических наук, Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН (Уфа)

Садовников Сергей Дмитриевич – краевед, член Оренбургского общества краеведов (Уфа)

Свице Янина Сигизмундовна – краевед, ведущий специалист по учебно-методической работе Уфимского государственного нефтяного технического университета (Уфа)

Селзнёва Ираида Ивановна (25 октября 1917 – 26 марта 2008), житель Уфы, Троицкая площадь (Уфа)

Семёнова Наталия Леонидовна – кандидат исторических наук, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета (Стерлитамак)

Сергеев Виталий Иванович – Заслуженный работник культуры России, музыкант Национального академического оркестра народных инструментов имени Н.П. Осипов, архивариус оркестра, награждён Орденом Дружбы народов (Москва)

Научно-популярное издание

Река времени. 2016

Сборник

Подписано в печать 03.04.2016.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Bookmap».
Печать ризографическая. Усл. печ. л. 9,18. Уч.-изд. л. 9,52.
Тираж 100 экз. Заказ 192

Отпечатано в ООО «АльфаРеклама» 450077, г. Уфа,
ул. К. Маркса, 37, кор. 3, 2 эт.; тел. (347) 291-13-60

